

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	237—263
Культурное значеніе буддизма. Свящ. А. Балановскаго	264—286
О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи. А. Струникова.	287—300
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линицкаго	137—161
О фізіологическомъ методѣ въ психологіи. М. Остроумова	162—189
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Воззваніе.—Отъ Харьковской духовной Консисторіи.—Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 1886—87 учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1886—87 учебный годъ (продолженіе).—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества (окончаніе).—Отъ Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта.—Отъ Правленія Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода.—Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода по 1-е число января 1888 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ПЛАВА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (выѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Позволено цензурою. Харьковъ, Февраля 29 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Императоръ Наполеонъ оставался въ Парижѣ до самаго 25 января, занятый всевозможными дѣлами, а всего болѣе организаціею своихъ военныхъ силъ. Зорко слѣдилъ онъ за ходомъ событій на театрѣ войны, и не принимая во вниманіе крайнее неравенство силъ, то и дѣло приходилъ въ негодованіе на образъ дѣйствій своихъ маршаловъ. Въ своихъ письмахъ и распоряженіяхъ онъ предписывалъ удерживать во чтобы-то ни стало линію Мааса и Мозеля и пришелъ въ крайнее негодованіе, когда узналъ, что Мармонъ, Викторъ и Ней отступили безъ боя передъ натискомъ силезской арміи и отошли за Маасъ, теряя такимъ „смѣшнымъ образомъ“ всѣ пограничныя области Франціи ¹⁾. Несравненно

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 3.

¹⁾ Негодованіе Наполеона обрушилось, главнымъ образомъ, на маршала Виктора. Бертье писалъ ему по приказанію императора отъ 17 января. „Императоръ не одобряетъ, что вы очистили Нанси. Его Величество повелѣваетъ вамъ не оставлять безъ боя линіи Мозеля. Онъ находитъ, что вы утомляете войска вашими большими переходами и придаете смѣлость неприятелю, отступая передъ нимъ безъ нужды. Ваше отступление заставляетъ отодвигаться на-

менѣе тревожили императора печальныя политическія новости, приходившія къ нему со всѣхъ сторонъ. Къ измѣнѣ Мюрата, заключившаго въ это время формальный союзный договоръ съ австрійцами, Наполеонъ отнесся съ чувствомъ глубокаго презрѣнія. Нарушеніе швейцарскаго нейтралитета союзниками, ихъ отрицательное отношеніе къ его мирнымъ предложеніямъ ни въ какомъ отношеніи не были для него неожиданностью. Наполеонъ хорошо зналъ, что громадное большинство швейцарцевъ давно уже тяготится его протекторатомъ и не имѣлъ ни малѣйшаго основанія рассчитывать на вѣрность и вооруженную помощь Швейцаріи. Своимъ мирнымъ предложеніямъ Наполеонъ самъ не придавалъ никакого серьезнаго значенія; на переговоры онъ смотрѣлъ лишь какъ на средство выиграть время, и, быть можетъ, поссорить своихъ враговъ. Въ его душѣ таилось смутное представленіе, что миръ не возможенъ уже потому, что во главѣ коалиціи стоитъ императоръ Александръ, задавшійся цѣлью свергнуть его во чтобы-то ни стало съ престола Франціи. „Я могъ-бы заключить миръ въ Дрезденѣ“, говорилъ онъ въ это время, „но съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался невымыслимъ“ ¹⁾.

Наполеонъ вовсе не смущался, впрочемъ, этою невымыслимостью мира. Его беспокоилъ гораздо болѣе медленный ходъ его военной организаціи. Съ горечью принужденъ онъ былъ сознаться, что невозможно создать въ теченіи трехъ мѣся-

здъ герцоговъ Рагузскаго и Тревичскаго, навлекаетъ на насъ непріятеля и причиняетъ великій вредъ нашимъ дѣламъ. Особенно печально видѣть, что вы очистили Нанси передъ одною непріятельскою кавалеріею, не ожидая даже прибытія пѣхоты?“ *Correspondance de Napoleon*, T. 27, стр. 57.

Тотъ-же Бертье писалъ Мармону отъ того-же 17 января: „Императоръ надеется, что вы не оставили Мецъ; онъ крайне недоволенъ на герцога Беллунскаго, (Виктора), оставившаго Нанси и отступавшаго къ Тулю; ничего не можетъ быть смѣшнѣе манеры, съ какою маршалъ этотъ очищаетъ страну“. *Memoires de Marmont*, T. VI, стр. 140.

¹⁾ См: *Memoires du Duc de Rovigo*, T. VI, стр. 318. „Comme aussi j'ai cru m'apercevoir que c'était alors qu'il regrettait de ne l'avoir pas faite à Dresde (миръ), avant que l'empereur de Russie eût acquis cette influence qui l'avait rendu l'arbitre des volontés de toutes les puissances de l'Europe“.

цевъ изъ ничего цѣлую армію. Не смотря на всѣ усилія, онъ не въ состояніи былъ открыть кампанію противъ союзниковъ со сколько-нибудь соотвѣтствующими ихъ арміямъ силами. Въ его распоряженіи было не болѣе 70,000 войска ¹⁾, а между тѣмъ медлить далѣе не было никакой возможности. Уже враги проникли въ самую глубь его имперіи, уже они стояли въ предѣлахъ старой Франціи. Необходимо было тѣмъ или инымъ способомъ положить конецъ ихъ успѣхамъ; необходимо было оставить Парижъ и стать во главѣ арміи.

Собираясь покинуть свою столицу и поспѣшить на театръ военныхъ дѣйствій, Наполеонъ утѣшалъ себя самыми странными и обманчивыми иллюзіями. Печальные опыты минувшихъ лѣтъ—попытка безумнаго Малле, едва не увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ, недавнія сцены въ законодательномъ корпусѣ, — должны были, повидимому, раскрыть ему глаза, должны были доказать ему до очевидности, что громадное большинство французской націи относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ какъ къ его личной судьбѣ, такъ и къ судьбѣ его династіи. Онъ долженъ былъ видѣть, что его популярность исчезла вмѣстѣ съ его счастіемъ, что чувство

¹⁾ Страсть новыхъ ученыхъ дѣлать повсюду открытія коснулась даже такого общезвѣстнаго и, повидимому, безспорнаго вопроса, какъ численности обѣихъ сторонъ передъ началомъ военныхъ дѣйствій 1814 года. Онкенъ въ извѣстной уже намъ статьѣ выписываетъ цифры изъ мемуара, поданнаго на лангрской конференціи отъ имени кн. Шварценберга и замѣчаетъ: „Многіе изъ нашихъ читателей будутъ крайне изумлены узнавъ, что вся армія Шварценберга состояла въ это время изъ 97,000 ч., а войска Блюхера изъ 40,000 чел.; ибо глубоко и повсемѣстно вкоренилось у насъ убѣжденіе, что союзники начали кампанію 1814 г. съ подавляющимъ превосходствомъ силъ“. Читаемъ-же мы, напр., у Дельбрюка, (Перецъ, жизнь Гнейзенау IV, 18), „что союзники выступили въ первый моментъ въ поле съ десятирнымъ превосходствомъ силъ, 270,000 противъ 27 000 ч.“ Замѣчательная вещь! Свои новыя цифры Онкенъ взялъ изъ книги Бернгарди, вышедшей вторымъ изданіемъ еще въ 1866 году. Спрашивается, гдѣ-же тѣ многіе читатели, которыхъ собирается удивить Онкенъ. Столь-же неудачна замѣтка о Дельбрюкѣ. Дельбрюкъ говоритъ не о той численности, которая показана въ запискѣ Шварценберга, а о количествѣ союзныхъ войскъ передъ вступленіемъ во Францію. Тогда дѣйствительно число союзныхъ войскъ доходило до цифры, показанной у Дельбрюка, но по вступленіи во Францію цѣлые корпуса оставлены были подъ крѣпостями и союзная армія, дѣйствовавшая въ полѣ, уменьшилась до цифры, приведенной у Шварценберга.

глубокаго утомленія и страстное желаніе мира овладѣли французскимъ народомъ, но онъ закрывалъ глаза передъ этими грозными симптомами и составилъ себѣ совершенно ложное понятіе и о своемъ собственномъ положеніи, и о настроеніи націи. Онъ воображалъ, что его правленіе и даже его династія стоятъ твердо и незыблемо во Франціи, онъ думалъ, что они пустили глубокіе корни въ этой взрыхленной столькими революціонными потрясеніями почвѣ, и что никакая буря не въ состояніи опрокинуть ихъ. Нація вѣритъ въ него, она вѣритъ въ будущность его династіи, это убѣжденіе проникало все его существо. Съ негодованіемъ и ироніею относился онъ къ тѣмъ изъ своихъ приверженцевъ, которые смотрѣли на положеніе дѣлъ иначе, нежели онъ, которые задавали себѣ съ тревогою вопросъ, что станется съ императоромъ и его династіею, если союзники успѣютъ завладѣть Парижемъ, или если они явятся съ большими силами подъ стѣнами этого города. Нашлись смѣльчаки, которые рѣшились повергнуть этотъ вопросъ на усмотрѣніе императора, какъ-разъ передъ отъѣздомъ его изъ столицы. Наполеонъ вспыхнулъ. „Это можетъ случиться лишь тогда, воскликнулъ онъ съ негодованіемъ, когда императоръ и имперія не будутъ уже существовать. Пока я живъ, до тѣхъ поръ этого не случится“. Подумавъ немного, Наполеонъ добавилъ: „Допустимъ, что я потеряю генеральное сраженіе и паду самъ въ битвѣ, что союзникамъ будетъ открытъ свободный путь къ Парижу. Въ такомъ случаѣ императрица и ея сынъ должны удалиться поспѣшно за Луару. Тамъ должны собраться вокругъ нихъ правительство и армія и продолжать борьбу съ нашествіемъ. Что-же касается до Парижа, то онъ будетъ предоставленъ его участи“¹⁾.

Съ изумленіемъ слушали люди, хорошо знавшіе Францію и понимавшіе, что судьба государства неразрывно связана съ участію Парижа, эти странныя рѣчи императора. Никто не осмѣлился, однако-же, противорѣчить деспоту; всѣ видѣ-

¹⁾ Берригарди, Т. IV, стр. 252, гдѣ извѣстіе это заимствовано изъ мемуаровъ Іосифа Бонапарте.

ли, что его ослѣпленіе глубоко и безповоротно и послѣшили принять видъ, что и они проникнуты незыблемою вѣрою въ полнѣйшую и неразрывную солидарность Франціи и Наполеоновской династіи. Затѣмъ поднятъ былъ вопросъ объ укрѣпленіи Парижа, на тотъ, впрочемъ, маловѣроятный случай, если-бы союзники явились въ его окрестностяхъ. Императоръ не отрицалъ необходимости укрѣпленія, но онъ опасался, чтобы фортификаціонныя работы не произвели дурнаго впечатлѣнія на Парижъ. Онъ не хотѣлъ возбуждать въ парижанахъ сомнѣнія на счетъ возможности его успѣховъ въ открытомъ полѣ,—и на этомъ основаніи пренебрегъ даже самыми необходимыми мѣрами предосторожности. Онъ приказалъ, правда, организовать комитетъ защиты и велѣлъ инженерамъ обслѣдовать окрестности Парижа, но это обслѣдованіе произведено было въ глубокой тайнѣ и не имѣло никакихъ послѣдствій. Императоръ отвергъ всѣ планы укрѣпленій, составленные комитетомъ и ограничилъ всѣ оборонительныя мѣры сооруженіемъ нѣсколькихъ тамбуровъ, т. е. деревянныхъ бойницъ, которые давали-бы возможность обстрѣливать боковымъ огнемъ пространство между городскими заставами. Заботливость о спокойствіи парижанъ дошла, наконецъ, до того, что самое сооруженіе тамбуровъ происходило въ глубокой тайнѣ. Ихъ дѣлали по частямъ въ мастерскихъ и собирались сложить и поставить на мѣстѣ лишь въ томъ случаѣ, когда непріятель дѣйствительно явится подъ стѣнами Парижа ¹⁾.

Между тѣмъ пришли извѣстія, что союзники приближаются уже къ Марнѣ и Обѣ, и Наполеонъ рѣшился выѣхать къ арміи. Еще никогда отъѣздъ его не совершался при такихъ неутѣшительныхъ для него обстоятельствахъ. До сихъ поръ онъ привыкъ становиться во главѣ арміи лишь въ такіе моменты, когда въ распоряженіи его находились массы, дававшія ему возможность открывать тотчасъ-же по прибытіи рядъ смѣлыхъ и блестящихъ операцій. Теперь о такихъ массахъ

¹⁾ Подробности объ укрѣпленіи Парижа въ запискахъ Іосифа Бонапарте. Мы пользуемся извлеченіемъ у Берригарди.

не было и помину. На театрѣ военныхъ дѣйствій находилось не болѣе 65,000 человекъ, а всѣ подкрѣпленія, которыя могъ отправить Наполеонъ наканунѣ своего отъѣзда, состояли изъ 4,600 ч. пѣхоты, 1,700 всадниковъ и четырехъ батарей. Какъ предъ началомъ германской кампаніи, такъ и теперь Наполеонъ назначилъ на время своего отсутствія правительницею Марію-Луизу, но ея полномочія не были особенно обширны, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ она должна была совѣтоваться: во-первыхъ, съ такъ называемымъ совѣтомъ регентства, составленнымъ изъ министровъ и государственныхъ сановниковъ; а во-вторыхъ, съ братомъ императора Іосифомъ, экс-королемъ испанскимъ, котораго Наполеонъ назначилъ своимъ намѣстникомъ. На Іосифа возложены были всѣ заботы о дальнѣйшихъ вооруженіяхъ; онъ былъ назначенъ начальникомъ первой военной территоріальной дивизіи; ему были подчинены всѣ гвардейскіе депо, а равно и національная гвардія города Парижа. Наполеонъ могъ безусловно рассчитывать на вѣрность и слѣпое повиновеніе своего брата, но онъ не могъ ожидать отъ него ни особенной энергіи, ни распорядительности, такъ какъ бывший испанскій король никогда не отличался этими качествами ¹⁾.

Наполеонъ никогда не придавалъ особеннаго значенія національному патріотическому энтузіазму. Онъ былъ врагъ всякихъ шумныхъ заявленій и манифестацій, какой-бы оттѣнокъ ни носили онѣ на себѣ. Природный солдатъ, онъ не признавалъ другаго одушевленія кромѣ чисто солдатскаго; все, что носило на себѣ оттѣнокъ гражданства, все, что напоминало хотя сколько нибудь революціонныя времена, возбуждало его инстинктивное отвращеніе. Онъ никогда не сочувствовалъ такому чисто революціонному институту, какимъ была національная гвардія. Но теперь Наполеонъ вдругъ вспомнилъ, что французы привыкли считать себя гражданами, а не подданными и началъ употреблять даже въ оффиціальныхъ бумагахъ столь непріятное для него до сихъ поръ

¹⁾ Инструкція Іосифу Бонапарту напечатана въ 27 томѣ *Correspondence de Napoleon*, стр. 84—91.

слово, *citoyennes*. Онъ началъ любезничать съ національною гвардіею, хотя въ глубинѣ души относился къ ней съ величайшимъ презрѣніемъ. Наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ къ арміи, онъ устроилъ даже одну изъ тѣхъ театральныхъ сценъ, въ аранжировкѣ которыхъ онъ былъ такой великій мастеръ ¹⁾. Всѣ офицеры парижской національной гвардіи приглашены были на торжественное богослуженіе въ придворную церковь тюльирійскаго дворца. По окончаніи мессы офицеры были собраны въ такъ называемомъ маршальскомъ залѣ. Едва только построились они въ ряды, какъ одновременно открылись двѣ двери на противоположныхъ сторонахъ залы. Въ одну дверь вошелъ Наполеонъ, ведя подъ руку императрицу; въ другую вступила мадамъ де-Монтескью, держа на рукахъ римскаго короля. Среди всеобщей, глубокой тишины Наполеонъ подошелъ къ своему сыну, велѣлъ поставить его на полъ, взялъ его за руку, а за другую руку взяла его императрица и обратился къ офицерамъ съ такими словами:

„Господа офицеры національной гвардіи города Парижа! съ удовольствіемъ вижу я васъ вокругъ себя. Я рассчитываю выѣхать въ эту ночь, дабы стать во главѣ моей арміи. Оставляя столицу, я оставляю съ довѣріемъ въ вашей средѣ мою жену и моего сына, на которыхъ возлагается столько надеждъ. Я плачѹ этимъ довѣріемъ за ту преданность, которую оказывали вы мнѣ во всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни. Я уѣзжаю спокойно, зная, что они будутъ находиться подъ вашею охраною. Я оставляю вамъ и поручаю вашимъ заботамъ то, что для меня послѣ Франціи дороже всего въ мірѣ. Можетъ случиться, что непріятель, пользуясь моими маневрами, найдетъ случай приблизиться къ вашимъ стѣнамъ. Если это случится, помните, что такая случайность можетъ продолжаться лишь нѣсколько дней, ибо я не замедлю испѣшить къ вамъ на помощь. Я совѣтую вамъ дѣй-

¹⁾ Вся послѣдующая сцена изложена у насъ на основаніи *Memoires du duc de Rovigo*, т. VI, стр. 314—317. См. также мемуары Дюрандъ, придворной дамы Маріи Луизы, въ которыхъ всей этой сценѣ приданъ слишкомъ сентиментальный и мало достоверный характеръ стр. 183 и 184.

ствовать согласно и противиться всѣмъ попыткамъ, направленнымъ къ вашему разъединенію. Не будетъ недостатка въ стремленіяхъ поколебать вашу вѣрность, но я увѣренъ, что вы отвергнете всѣ подобныя коварныя внушенія“.

Наполеонъ говорилъ свою рѣчь съ видимымъ одушевленіемъ. Произнося послѣднія слова, онъ взялъ на руки малютку и прошелъ съ нимъ вдоль рядовъ офицеровъ. Энтузіазмъ овладѣлъ присутствующими при этомъ зрѣлицѣ. Восторженные клики: да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ императрица! да здравствуетъ король римскій! раздались въ залѣ. Наполеонъ достигъ своей цѣли. Ему казалось, что эти возгласы громко свидѣтельствуютъ о преданности парижскаго населенія его особѣ и его династіи. Онъ не подозрѣвалъ, что шумная манифестація вызвана была лишь моментальнымъ и скоропреходящимъ настроеніемъ его слушателей.

Не безъ тяжелаго чувства покидалъ Наполеонъ тюльрийскій дворець. Какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, что все кончено, что онъ никогда не увидитъ болѣе этихъ роскошныхъ залъ, что онъ расстается на-вѣки съ своимъ сыномъ. Самоувѣренность, никогда не покидавшая его, колебалась въ тотъ моментъ отъѣзда. „Прощайте господа“, сказалъ онъ собравшимся вокругъ него министрамъ и сановникамъ, „быть можетъ увидимся!“ Было что-то странное, безнадежное въ тонѣ, которымъ произнесены были эти слова. Нѣкоторымъ изъ присутствующихъ вдругъ показалось, что они въ послѣдній разъ видятъ своего императора ¹⁾.

Наполеонъ путешествовалъ съ необычайною быстротою. 25 января вечеромъ онъ выѣхалъ изъ Парижа и уже на другое утро былъ въ Шалонѣ. Его войска занимали въ этотъ

¹⁾ Таково было впечатлѣніе, произведенное на Савари. J'avais l'honneur d'être chez lui ce soir-là: il m'accabla de tristesse, parce qu'il me fit l'effet de quelqu'un qui fait un dernier adieu. Memoires du duc de Rovigo. T. VI, стр. 317. „Прощаніе Наполеона съ императрицею и маленькимъ принцемъ, съ женою и ребенкомъ, какъ выражался онъ самъ, было долгое и мучительное; онъ едва могъ оторваться отъ нихъ, и императрица все вновь обнимала его. Быть можетъ, онъ предчувствовалъ уже тогда, что онъ никогда не увидитъ болѣе ихъ обоихъ“. Мемуары Дюрандъ, нѣмецкій переводъ, стр. 186.

моментъ слѣдующія позиціи. Между Шалонемъ и Витри стояли корпуса Мармона, Виктора и Нея, всего около 46,600 ч.; близъ Труа, у Вандевра расположены были войска Мортье, усиленные въ послѣдніе дни до 20,500 ч., тогда какъ маршалъ Макдональдъ находился съ 10,000 ч. у Мезьера. Всего въ распоряженіи императора французовъ находилось слѣдовательно около 71,000 чел., въ томъ числѣ 16,100 всадниковъ. Наполеонъ не могъ не знать, что непріятель, стоявшій вблизи отъ него, располагалъ почти что тройнымъ количествомъ силъ, но не колеблясь ни минуты, онъ порѣшилъ тотчасъ-же перейти въ наступленіе. Съ недоумѣніемъ встрѣтили его маршалы, ожидавшіе, что онъ явится къ арміи въ сопровожденіи цѣлыхъ массъ свѣжаго войска. Еще только что прочли они въ Монитерѣ, что въ Шалонѣ сформированъ цѣлый лагерь. Мармонъ отважился спросить императора, что означаетъ это извѣстіе и какъ велики подкрѣпленія приведенныя имъ къ арміи. „Я не привелъ никакихъ подкрѣпленій. Я пріѣхалъ въ Шалонъ одинъ“, отвѣчалъ ему спокойно Наполеонъ.— „Но съ кѣмъ же пойдете вы на непріятеля?“ возразилъ ему маршалъ.— „Мы попытаемъ счастье съ тѣмъ, что у насъ есть подъ руками. Быть можетъ оно будетъ благоволить намъ“ ¹⁾.

Наполеонъ не терпѣлъ никакихъ возраженій, и его подчиненные очень хорошо знали это. Онъ составлялъ свои планы въ невѣроятно короткое время и принявъ какое либо рѣшеніе, приводилъ его тотчасъ же въ исполненіе. Такъ дѣйствовалъ онъ всегда, такъ поступилъ онъ и теперь. Ознакомившись съ расположеніемъ непріятельскихъ силъ, онъ вознамѣрился двинуть свои войска отъ Витри вверхъ по Марнѣ на С.-Дизье, Жуанвиль и Шомонъ ²⁾. Онъ рассчитывалъ отрѣзать этимъ маневромъ силезскую армію отъ главной, разбить Блюхера по частямъ и обратиться вслѣдъ за тѣмъ на

¹⁾ Memoires de Marmont, T. VI, стр. 27. „Слыша подобныя слова, мнѣ казалось, что я грежу“.

²⁾ О распоряженіяхъ и планахъ Наполеона тотчасъ-же по прибытіи въ Шалонъ, см. Correspondance, T. VI, стр. 91—92.

Шварценберга, массы котораго Наполеонъ предполагалъ между Шомономъ и Лангромъ. Уже 27 января французы двинулись впередъ. Впереди всѣхъ шелъ маршалъ Викторъ съ своимъ корпусомъ и кавалеріею Мильго, за нимъ слѣдовали Мармонъ, Ней съ молодою гвардіею и позади всѣхъ Удино. Въ С-Дизье Викторъ наткнулся на авангардъ силезской арміи, подъ начальствомъ Ланскаго и послѣ упорной схватки вытѣснилъ его изъ города. Наполеонъ старался придать этому незначительному дѣлу самые громадныя размѣры. Въ своихъ бюлетеняхъ и письмахъ онъ превратилъ эту кавалерійскую схватку въ крупную побѣду надъ цѣлымъ непріятельскимъ корпусомъ. Маршалъ Бертъе увѣдомлялъ, по его приказанію, начальниковъ отдаленныхъ отрядовъ, что движенія императора увѣнчались успѣхомъ, что онъ стоитъ уже въ тылу и на сообщеніяхъ непріятеля съ прекрасною и многочисленною арміею.

Въ С.-Дизье Наполеонъ получилъ, однако-же, новыя свѣдѣнія о движеніи непріятельскихъ колоннъ и эти извѣстія побудили его измѣнить свои собственныя намѣренія. Императору доносили, что часть силезской арміи, корпуса Сакена и Олсуфьева прошли уже черезъ С.-Дизье и направляются къ Объ, вѣроятно на соединеніе съ главными силами союзниковъ, тогда какъ корпусъ Торка находится еще далеко позади на Маасѣ. Наступилъ, казалось, удобный моментъ, чтобы разбить непріятеля по частямъ и Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться этимъ моментомъ ¹⁾. Оставивъ Мармона въ С.-Дизье, императоръ двинулся вправо съ корпусами Виктора и Нея, направляясь на Бриеннъ и Ла-Ротьеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ приказъ маршалу Мортъе двинуться къ нему на встрѣчу черезъ Арсисъ и составить правое крыло французской арміи.

Свѣдѣнія, полученныя Наполеономъ, были, однако-же, не вполне точны и его распоряженія не вполне основательны. Блюхеръ занималъ уже въ это время съ своими войсками

¹⁾ См. письмо Наполеона къ военному министру Кларке, отъ 28-го января. Correspondance, T. VI, стр. 97.

Бріеннь и окрестности, и въ его распоряженіи находилось около 30,000 войска и, что самое важное, въ тылу его находились и притомъ по близости два корпуса главной арміи подъ начальствомъ кронъ-принца виртембергскаго и генерала Гіулая. Занимая такое выгодное положеніе, Блюхеръ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія опасаться наступленія Наполеона. Къ тому-же казаки успѣли перехватить офицера, ѣхавшаго съ приказаніями Наполеона къ маршалу Мортье и изъ найденныхъ при немъ депешъ главнокомандующій силезской арміи узналъ о всѣхъ намѣреніяхъ своего противника, равно какъ и о силахъ, бывшихъ въ его распоряженіи. Блюхеръ рѣшился стянуть свои войска въ Бріенни и отразить силою наступательную попытку Наполеона; въ случаѣ-же крайности, онъ намѣревался отступить въ заранѣе избранную имъ крѣпкую позицію при Траннѣ, позади Бріенни и удерживаться въ ней до прибытія главной арміи союзниковъ. О всѣхъ своихъ предположеніяхъ Блюхеръ послѣдилъ увѣдомить князя Шварценберга.

Въ главной союзной квартирѣ извѣстіе о появленіи Блюхера впереди союзной арміи произвело настоящей переполохъ. Шварценбергъ и его совѣтники были въ отчаяніи. Произвольное и неожиданное движеніе Блюхера, его бѣшеные порывы разстроили всѣ ихъ хитросплетенія. Не имѣя никакихъ точныхъ свѣдѣній о движеніяхъ непріятеля, австрійскіе стратеги вообразили, что правый флангъ ихъ арміи, открытый теперь Блюхеромъ, подвергнется нападенію Наполеона и въ виду этой ужасной возможности, они совершенно забыли о своемъ колоссальномъ численномъ превосходствѣ и окончательно потеряли голову ¹⁾. Они пытались сначала уговорить

¹⁾ „Блюхеръ“, писалъ Меттерниху Шварценбергъ отъ 29-го января, „бѣжить впередъ какъ школьникъ, пренебрегая всѣми правилами военнаго искусства. Онъ бросается на Бріеннь, въ то время какъ непріятель, пользуясь этою ошибкою, двигаетъ 35,000 человекъ черезъ С.-Дизье на Жуанвилль. Непріятель можетъ имѣть намѣреніе обойти нашъ правый флангъ и броситься на наши сообщенія... Постъ при Жуанвиллѣ становится при такихъ обстоятельствахъ крайне интересенъ и не можетъ быть оставленъ на произволъ судьбы, а потому, я двигаю въ этомъ направленіи весь корпусъ Вреде съ приказаніемъ огласовать свои движенія съ движеніями Витгенштейна, которому я далъ еще

Блюхера укротить свой воинственный пылъ и усвоить себѣ ихъ стратегическую систему; но отправленный съ этою цѣлію въ главную квартиру силезской арміи полковникъ Штейнгечъ возвратился съ рѣшительнымъ отвѣтомъ Блюхера, въ которомъ старый фельдмаршалъ оправдывалъ свой образъ дѣйствія и убѣждалъ съ своей стороны Шварценберга дѣйствовать смѣло и рѣшительно противъ непріятеля, слабого численностью, а еще болѣе духомъ. Такой отвѣтъ Блюхера усилилъ еще болѣе тревогу Шварценберга. Немедленно приостановилъ онъ начатое его арміею движеніе къ Труа и поспѣшилъ выдвинуть на свой правый флангъ корпуса Вреде и Витгенштейна для предупрежденія воображаемой опасности со стороны Наполеона. Едва только успѣли составить и разослать австрійцы эти новыя диспозиціи, какъ пришло уже извѣстіе о кровавомъ столкновеніи Блюхера съ самимъ Наполеономъ.

Императоръ французовъ двинулся къ Бриенни не со всѣми своими войсками. Принужденный оставить у С.-Дизье и Васквесь корпусъ Мармона для предупрежденія нападенія Гюрка, наступавшаго со стороны Мааса, онъ имѣлъ въ своемъ рас-

раньше это направленіе и который долженъ прибыть въ Жуанвиль сегодня". Шварценбергъ досадовалъ не на одного Блюхера и его легкомысленныхъ совѣтниковъ, но и на императора Александра. Въ томъ-же письмѣ мы читаемъ: „Но это возвышенное легкомысліе, пренебрегающее всѣми правилами благоразумія въ связи съ этимъ смѣшнымъ порывомъ лобызать поскорѣе въ Пале-Рояль, можетъ погубить всѣ плоды нашихъ усилій. Въ главной квартирѣ арміи только и мечтаютъ о Парижѣ. Какъ-бы императоръ Александръ не добился второго урока подобнаго, полученному имъ подъ Люцеюмъ. Онъ будетъ обязанъ имъ тѣмъ-же господамъ, которые усматривали въ спасительномъ перемиріи, состоявшемся, благодаря мудрости австрійскаго кабинета, гибель двухъ націй. Эти-же самые господа кричатъ теперь неустанно, распивая шампанское, въ Парижѣ! Но чтобы понасть туда, слѣдовало-бы позаботиться о средствахъ. И что-же? Въмѣсто того, чтобы прикрыть мой правый флангъ, они заставляютъ меня раздробить мою армію, дабы прикрыть ихъ тылъ. Это значитъ маневрировать, подобно свиньямъ. Да спасетъ насъ небо отъ этого безпримѣрнаго замѣшательства!“ Письмо оканчивается трогательною фразою, бросающею яркій свѣтъ на всю политику австрійскаго двора: „Не покидайте меня, мой дорогой другъ. Вы обѣщали мнѣ во Франкфуртѣ, когда я взялся руководить энергически военными операціями, двигать впередъ мирные переговоры. Я сдержалъ мое слово, но, увы, какъ далеко отстали вы отъ меня!“

пораженіи всего лишь 27,000 человекъ; но не имѣя точныхъ свѣдѣній ни о численности Блюхера, ни о близости его къ главнымъ силамъ союзниковъ, онъ смѣло шелъ впередъ, рассчитывая истребить однимъ ударомъ самого опаснаго изъ своихъ враговъ. Его войска наступали одною большою колонною; впереди шла кавалерія, за нею слѣдовала пѣхота и молодая гвардія. Около полудня 29-го января французы достигли окрестностей Бриенни и немедленно выстроились въ боевой порядокъ. Съ своей стороны Блюхеръ измѣнилъ въ послѣдній моментъ свои намѣренія. Онъ не предполагалъ вступать у Бриенни въ рѣшительный бой съ непріателемъ, а рассчитывалъ держаться въ городѣ до тѣхъ поръ, пока войска Сакена, составлявшіе главную массу его силъ, успѣютъ отойти на крѣпкую позицію при Траннѣ. Съ этою цѣлью Блюхеръ выдвинулъ впередъ бывшую при немъ русскую кавалерію подъ начальствомъ графа Палена, занялъ городъ Бриеннъ небольшимъ пѣхотнымъ отрядомъ Олсуфьева и отдалъ приказъ Сакену отходить постепенно и не торопясь съ своимъ корпусомъ къ Транну. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Блюхеръ спокойно выжидалъ наступленіе противника, намѣреваясь воспользоваться каждою его оплошностью ¹⁾).

Между тѣмъ непріатель не обнаруживалъ въ своихъ движеніяхъ ни особенной энергіи, ни рѣшительности. Французская кавалерія развернулась въ равнинѣ передъ Бриенною, но не выказывала особеннаго желанія атаковать далеко уступавшую ей въ числѣ конницу Палена. Послѣ нѣкотораго колебанія, французы начали наконецъ обходить лѣвый флангъ русскихъ, тогда Паленъ, исполняя заранѣе отданное ему приказаніе, сталъ отходить назадъ медленно и въ стройномъ порядкѣ. Только у самого города двѣ драгунскихъ дивизіи французовъ рѣшились наконецъ броситься въ атаку, но встрѣтили самый энергическій отпоръ. Драгуны обращены были въ бѣгство и оставили въ рукахъ русскихъ три артиллерійскихъ орудія. Этотъ уронъ произвелъ видимое впечатлѣніе

¹⁾ Подробности о сраженіи при Бриенни см. Плото, т. III, стр. 103 — 106; Бернгарди, т. IV, стр. 274—78.

на французовъ. Ихъ кавалерія не рѣшалась въ теченіи цѣлаго дня ни на одну дальнѣйшую атаку.

Уже пробило четыре часа пополудни и пѣхота Сакена прошла уже черезъ Бріеннь, когда Наполеонъ двинулъ, наконецъ, на русскихъ свою пѣхоту. Бригадный генералъ Шато съ нѣсколькими баталіонами получилъ приказаніе обойти городъ съ правой стороны и попытаться захватить въ распахъ бріеннскій замокъ, построенный на холмѣ къ западу отъ города и окруженный садами, террасами, дворами и нѣсколькими каменными оградами. Шесть баталіоновъ подъ начальствомъ генерала Декуца должны были атаковать городъ съ фронта, тогда какъ дивизія Дюгема должна была повести главную атаку съ восточной стороны. Въ то время какъ войска Шато тихо и незамѣтно двинулись въ обходъ города, Декуцъ послѣ упорнаго боя съ Олсуфьевымъ успѣлъ ворваться въ улицы Бріенни и захватить даже два орудія, но всѣ его попытки проникнуть далѣе встрѣтили самый энергическій отпоръ. Между тѣмъ Дюгема построилъ свою дивизію на совершенно открытой равнинѣ и двинулся на городъ. Блюхеръ, зорко слѣдившій за всѣми движеніями непріятеля, только и ожидалъ этого момента. Его кавалерія, эскадроны Палена и Васильчикова, — всѣ безъ исключенія русскіе войска, — были наготовѣ. Старый фельдмаршалъ самъ сталъ во главѣ ихъ. Онъ обнажилъ саблю и хорошо знакомымъ русскимъ солдатамъ словомъ „Пошелъ!“ командовалъ въ атаку. Съ крикомъ ура бросились впередъ русскіе всадники за своимъ любимымъ вождемъ. Ничто не могло противостать ихъ отважному и дружному натиску. Нападеніе было такъ внезапно и такъ быстро, что французскіе баталіоны не успѣли даже построиться въ карре. Они были опрокинуты и смяты почти мгновенно. Вся дивизія Дюгема бѣжала въ дикомъ безпорядкѣ. Цѣлые баталіоны были истоптаны и изрублены; другіе, пораженные паническимъ страхомъ, разбѣжались во всѣ стороны. Вся артиллерія дивизіи осталась на мѣстѣ боя. Въ этотъ-же самый моментъ войска Олсуфьева отчаяннымъ натискомъ выбросили изъ города баталіоны Декуца и взяли обратно отбитые у нихъ два орудія.

Уже вечерѣло и сраженіе, повидимому, окончилось полною побѣдою русскихъ. Блюхеръ и Гнейзенау спокойно возвратились въ бріеннскій замокъ, гдѣ находилась главная квартира, осмотрѣли еще разъ съ террасы, на сколько дозволяла эта наступившая темнота, окрестности, и не замѣтивъ ничего подозрительнаго, собирались сѣсть за ужинъ. Какъ вдругъ въ замкѣ поднялась страшная тревога. Ружейные выстрѣлы, дикіе крики раздались во дворахъ и корридорахъ. Еще моментъ и непріятельскіе солдаты хлынули со всѣхъ сторонъ въ замокъ. То были застрѣльщики генерала Шато. Положеніе Блюхера и Гнейзенау было самое отчаянное. Слабый конвой, находившійся при нихъ, не въ состояніи былъ бороться съ многочисленными непріятелями. Многие изъ штабныхъ офицеровъ были убиты на ихъ глазахъ. Но старый фельдмаршалъ и его начальникъ штаба не потеряли присутствія духа. Они успѣли пробраться въ дворъ, гдѣ стояли уже наготовѣ ихъ осѣдланные кони и благополучно спаслись въ городъ отъ своихъ многочисленныхъ преслѣдователей ¹⁾.

Старый Блюхеръ страшно негодовалъ на коварное нападеніе непріятеля. Въ пылу гнѣва онъ забылъ на одинъ моментъ свои планы и рѣшился во что-бы то ни стало выгнать французовъ изъ замка. Войска Олсуфьева, подкрѣпленные четырьмя полками изъ корпуса Сакена, бросились на штурмъ. Загорѣлась отчаянная свалка. Французы бросали на Бріеннь бомбы и гранаты и вскорѣ городъ запылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Яркое зарево пожара освѣщало мѣсто боища. Русскіе солдаты, тамбовцы, костромичи и егеря дрались какъ львы, но французы оборонялись отчаянно и всѣ преимущества мѣстности были на ихъ сторонѣ. Вскорѣ самъ Блюхеръ убѣдился въ бесполезности дальнѣйшаго кровопролитія. Онъ приказалъ прекратить штурмъ замка и послѣ полуночи русскія войска очистили городъ, находившійся до

¹⁾ Подробности о сценѣ въ замкѣ у Шерра Blücher etc. Т. III, стр. 337—38; Кейзерлингъ, Erinnerungen aus der Kriegszeit. Т. II, стр. 138.

тѣхъ поръ всецѣло въ ихъ рукахъ и расположились на позиціи у Транна.

Наполеонъ не могъ быть особенно доволенъ результатами этого кроваваго дня. Всѣ его выгоды ограничивались занятіемъ Бриенни, но тактическія преимущества были несомнѣнно на сторонѣ противника. Русскіе не только отбили всѣ его атаки, но и отняли у него 11 орудій, тогда какъ въ рукахъ его не осталось никакихъ трофеевъ. Само собою понятно, что Наполеонъ выдавалъ сраженіе при Бриенни не только въ своихъ бюлетеняхъ, но даже въ своихъ частныхъ письмахъ къ брату Іосифу и другимъ лицамъ за побѣду ¹⁾, но онъ самъ принужденъ былъ сознаться, что эта побѣда была куплена дорогою цѣною. Его потери убитыми, ранеными и плѣнными доходили въ этотъ день, по его собственнымъ словамъ, до 3000 ч., а въ дѣйствительности онѣ были вѣроятно еще значительнѣе. Потеря вдвойнѣ тяжелая, почти невознаградимая, при его стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Въ теченіи всего 29-го января, въ то время какъ въ Бриенни кипѣлъ отчаянный бой, австрійскіе стратеги ожидали нападенія со стороны Жуанвиля, хотя генераль Вреде, выдвинутый въ этомъ направленіи съ своимъ корпусомъ, неоднократно доносилъ, что о непріятелѣ нѣтъ съ этой стороны даже и слуху. Только въ три часа утра прибылъ, наконецъ, въ главную квартиру адъютантъ Блюхера и раскрылъ

¹⁾ „Я имѣлъ жаркое дѣло 29 числа подъ Бриеннью. Я атаковалъ всю армію маршала Блюхера и генерала Сакена въ составѣ 30,000 пѣхоты и многочисленной конницы. Я атаковалъ ихъ съ 10,000 ч. тотчасъ-же послѣ утомительнаго перехода. Я имѣлъ счастье завладѣть въ самомъ началѣ боя замкомъ, господствующимъ надъ всею окрестностью. Такъ какъ атака началась за часъ до темноты, то пришлось биться всю ночь. Блюхеръ былъ разбитъ; у него взяли отъ 500 до 600 плѣнныхъ, убили и ранили отъ 3 до 4000 ч. Онъ принужденъ былъ отозвать всѣ свои отряды, направленные въ сторону Царжа, дабы отступить къ Бару на Обѣ“. Въ заключеніе Наполеонъ увѣряетъ, что онъ-бы совершенно истребилъ непріятеля, если-бы въ его распоряженіи были болѣе старыя и опытныя войска. Такъ писалъ Наполеонъ своему военному министру, т. е. тому лицу, отъ котораго онъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія скрывать истину. Легко себѣ послѣ этого представить, что онъ писалъ другимъ и что приказывалъ писать въ своихъ бюлетеняхъ. *Correspondance de Napoleon*. Т. 27, стр. 103.

глаза австрійцамъ. Блюхеръ увѣдомлялъ, что всѣ войска его сосредоточены на позиціи при Траннѣ и что онъ надѣется удержаться здѣсь и въ теченіи слѣдующаго дня. Какъ ни успокоительны были въ сущности эти вѣсти, но онѣ только усилили тревожное настроеніе Шварценберга и его совѣтниковъ. Они находили, что положеніе Блюхера крайне опасное, почти отчаянное, что онъ можетъ подвергнуться совершенному истребленію. Они полагали, что ихъ собственная задача заключается вовсе не въ томъ, чтобы подкрѣпить Блюхера, а чтобы выручить его, если возможно изъ его безвыходнаго положенія ¹⁾.

По всегдашнему австрійскому обычаю, созванъ былъ немедленно военный совѣтъ. Императоръ Александръ и король прусскій, только что прибывшіе изъ Лангра, принимали участіе въ совѣщаніи, но главную роль играли, какъ и всегда, австрійскіе генералы. Результаты совѣщанія были также чисто австрійскіе. Несмотря на настойчивыя требованія императора Александра подкрѣпить какъ можно скорѣе Блюхера, совѣтъ остановился частью на полумѣрахъ, частью на такихъ рѣшеніяхъ, которые могли быть приведены въ исполненіе ни какъ не ранѣе, какъ черезъ двое сутокъ. Кронпринцу виртембергскому и Гиулаю отданъ былъ приказъ быть наготовѣ помочь Блюхеру; всѣмъ-же остальнымъ колоннамъ разослана была диспозиція, предписывавшая имъ концентрическое движеніе къ Бриенни. Къ счастью для союзниковъ положеніе Блюхера вовсе не было такъ отчаянно, какъ казалось это въ главной квартирѣ, а силы Наполеона вовсе не такъ велики, чтобы онъ могъ отважиться атаковать съ ними траннскія высоты. Обстоятельства сложились такъ, что даже медленныя и плохо рассчитанныя комбинаціи австрійскаго штаба не могли не увѣнчаться въ концѣ концовъ довольно значительнымъ результатомъ.

Наполеонъ былъ крайне обрадованъ, узнавъ утромъ 30 января, что русскіе очистили Бриеннь. Предполагая, что Блюхеръ будетъ отступать на главныя силы союзниковъ,

¹⁾ Такъ свидѣтельствуетъ Толль у Бернгарда, т. IV, стр. 278.

императоръ рѣшился преслѣдовать его энергически. Съ этою цѣлью онъ выдвинулъ впередъ свою кавалерію, но уже тотчасъ-же за Бриенною французы наткнулись у деревень Динвиль и Ла-Ротьеръ на конницу Палена и встрѣченные артиллерійскимъ огнемъ принуждены были остановиться въ недоумѣніи. Густой туманъ покрывалъ всѣ окрестности и французскіе генералы не имѣли даже возможности опредѣлится съ какимъ противникомъ имѣютъ они дѣло. Туманъ разсѣялся около часу дня, но и послѣ этого французы не предприняли ничего рѣшительнаго и ограничились одною капонадою. Съ своей стороны Паленъ медленно отошелъ къ транскимъ возвышенностямъ и присоединился здѣсь къ остальнымъ войскамъ Блюхера. Французская кавалерія не отважилась слѣдовать за нимъ. Самъ Наполеонъ находилъ, что атака транскихъ позицій невозможна. Онъ приказалъ занять лишь деревни, лежавшія между Транномъ и Бриенною, въ томъ числѣ Динвиль и Ла-Ротьеръ, притянулъ къ себѣ дивизію Жерара и отдалъ приказъ Мармону спѣшить къ нему на помощь со всѣми своими войсками.

И въ теченіи всего слѣдующаго дня, 31-го января Наполеонъ оставался въ выжидательномъ положеніи. Правда, онъ придвинулъ свои передовыя войска еще ближе къ позиціямъ Блюхера, занялъ пѣхотою даже Больескій лѣсъ, лежавшій у самой подошвы транской возвышенности, но не обнаружилъ при этомъ ни малѣйшаго желанія атаковать Блюхера, съ петерпѣніемъ и съ увѣренностью ожидавшаго его нападенія. Положеніе Наполеона было въ эти дни въ высшей степени затруднительное. Онъ отлично сознавалъ всю недостаточность своихъ силъ для серьезнаго нападенія даже на одного Блюхера, онъ зналъ, что вблизи находится вся армія Шварценберга, и что союзники могутъ атаковать его превосходными силами и съ фронта и съ фланговъ. Онъ долженъ былъ понимать, что при подобныхъ обстоятельствахъ для него не остается иного исхода, какъ возможно скорѣйшее отступленіе, но онъ не рѣшался подать сигналъ къ этому отступленію, опасаясь не столько военныхъ, сколько политическихъ его послѣдствій. Онъ дрожалъ передъ убійствен-

нымъ впечатлѣніемъ, которое должна произвести во всей Франціи вѣсть, что онъ принужденъ былъ начать отступленіе уже послѣ перваго столкновенія съ непріателемъ, столкновенія, разглашеннаго имъ повсюду за великую побѣду, уже черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія своего въ армію. Этотъ, столь чуждый ему въ прежнее время, страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ повергалъ его теперь въ крайнюю нерѣшительность. Онъ продолжалъ стоять въ виду непріателя съ силами во всѣхъ отношеніяхъ недостаточными, на позиціи почти открытой, не защищенной природою. Онъ самъ понималъ, что онъ дѣйствуетъ ошибочно; но его прежде столь сильная и непреклонная воля смущалась теперь даже призраками, трепетала передъ тѣмъ самымъ общественнымъ мнѣніемъ, къ которому онъ всегда относился съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ ¹⁾.

Бездѣйствіе Наполеона дало возможность союзникамъ окончить всѣ свои приготовленія и окружить почти со всѣхъ сторонъ его позиціи своими колоннами. Императоръ Александръ, тщательно слѣдившій за всѣми движеніями своихъ и непріятельскихъ войскъ, пришелъ къ окончательному и твердому рѣшенію, атаковать Наполеона всѣми силами, вырвать команду надъ союзными войсками, хотя на нѣсколько дней, изъ рукъ Шварценберга и его штаба и передать ее въ болѣе достойныя и умѣлыя руки. 31 января императоръ прибылъ въ Шомонъ въ сопровожденіи короля прусскаго и тотчасъ-же отправился на квартиру Шварценберга. Онъ заявилъ князю, что, по его убѣжденію, слѣдуетъ атаковать непріателя непременно на слѣдующій-же день. Шварценбергъ не могъ ничего возразить противъ такого мнѣнія и тотчасъ-

¹⁾ Наполеонъ писалъ на другой день послѣ сраженія при Бриенни брату своему Іосифу: „Depuis ce combat de Brienne, nos armées sont en grande réputation chez les alliés. Ils ne croyaient plus à l'existence de nos armées. Cette affaire de Brienne, la position de nos armées et l'opinion qu'on en a pourraient accélérer la conclusion de la paix. Il est convenable que les journaux montrent Paris dans l'intention de se défendre, et beaucoup de troupes comme y arrivant de tous cotes“. Понятно, что въ виду такого настроенія и такихъ взглядовъ, Наполеонъ не могъ отступить. Correspondance de Napoleon, т. 27. Письмо къ королю Іосифу, стр. 110.

же поспѣшилъ согласиться съ нимъ. Тогда Александръ выдвинулъ другой вопросъ и, соблюдая всю свойственную ему деликатность, спросилъ, кому слѣдуетъ вручить начальство надъ союзными арміями на слѣдующій день. На лице, замѣтилъ онъ, двѣ арміи и два главнокомандующіе и само собою является вопросъ, кто изъ нихъ долженъ распоряжаться завтрашній день на полѣ битвы. Такой вопросъ не долженъ оскорблять ни чьего самолюбія; всякое личное чувство должно преклониться передъ великими интересами человѣчества, поставленными теперь на карту. Онъ увѣренъ, что оба главнокомандующіе какъ Блюхеръ, такъ и Шварценбергъ, охотно и съ полнымъ самоотверженіемъ откажутся отъ перваго мѣста въ пользу другаго. Питая одинаковое уваженіе и довѣріе къ обоимъ полководцамъ, онъ, императоръ, полагаетъ, однакоже, что фельдмаршалу Блюхеру, выдержавшему съ такимъ геройствомъ первый натискъ Наполеона, и имѣющему самыя точныя и полныя свѣдѣнія о силахъ и расположеніи непріятеля, подобаетъ принять на себя высокую честь и тяжелую отвѣтственность вести завтра въ бой союзныя войска.

Никто не рѣшился возражать противъ рѣчи Александра, но до насъ не дошло также извѣстія, чтобы ктонибудь изъ присутствующихъ отважился поддержать его мнѣніе. Князь Шварценбергъ самъ вывелъ всѣхъ изъ затруднительнаго, почти неловкаго положенія. Джелътмень съ головы до ногъ, благородный по натурѣ и чуждый всякаго мелочнаго честолюбія, онъ всегда привыкъ ставить свои частныя интересы ниже интересовъ общихъ. Такъ поступалъ онъ въ другихъ трудныхъ случаяхъ своего командованія, такъ поступилъ онъ и теперь. Онъ изъявилъ полную готовность уступить на завтрашній день первое мѣсто Блюхеру и онъ сдѣлалъ это безъ всякой горечи и безъ всякихъ заднихъ мыслей. Никогда, впоследствии, не упоминалъ онъ объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ и никогда ни единымъ словомъ, или намекомъ не высказывалъ своего недовольства, и не смотрѣлъ на предложеніе императора Александра, какъ на личную для себя обиду ¹⁾.

¹⁾ См. Плото, т. III, стр. 110; Беригарди, т. IV, стр. 292.

Но любезность и уступчивость одной стороны обязывала при извѣстной мягкости характера къ тому-же и другую сторону. Самъ императоръ Александръ, обрадованный и тронутый самоотверженнымъ поступкомъ князя, не рѣшился устранить его вовсе отъ команды, отнять у него всѣ войска и подчинить ихъ хотя-бы на одинъ день Блюхеру ¹⁾. Онъ нашелъ возможнымъ усилить армию Блюхера лишь нѣсколькими корпусами большой армии, а остальные отряды ея оставить подъ начальствомъ Шварценберга. Эта нѣсколько странная мѣра одобрена была всѣми присутствующими. Было постановлено, что корпуса кронъ-принца виртембергскаго? Гиулая и русскіе гренадеры должны быть предоставлены въ распоряженіе Блюхера; тогда какъ отряды Вреде, Витгенштейна и Коллоредо останутся подъ начальствомъ Шварценберга. Только одни войска Блюхера должны были принять участіе въ сраженіи; войска-же Шварценберга должны были присутствовать при битвѣ въ качествѣ зрителей. Рѣшеніе небывалое, замѣчаетъ Клаузевицъ, во всей военной исторіи ²⁾.

Армія Наполеона занимала позицію, вовсе не соответствовавшую ея численности и не представлявшую особенныхъ удобствъ для обороны. Впереди Бриенни растилалась широкая равнина, ограниченная на западѣ теченіемъ рѣки Обы, противоположный высокій берегъ которой господствовалъ надъ всею окрестностію. На югѣ равнина ограничивалась

¹⁾ Формально начальство осталось за Шварценбергомъ; общая диспозиція была составлена отъ его имени, но въ этой диспозиціи относительно войскъ Блюхера сказано было только, что они произведутъ нападеніе на непріятеля совокуино съ 3-мъ и 4-мъ корпусами главной арміи, которые подчиняются на этотъ день фельдмаршалу Блюхеру по диспозиціи, составленной симъ послѣднимъ. См. текстъ дис. Плото, т. III, стр. 112—113.

²⁾ Клаузевицъ приписываетъ это странное рѣшеніе одному Шварценбергу, что впрочемъ не совсѣмъ вѣрно. Вотъ его слова: *Anstatt seine Überlegenheit zu benutzen, um den Gegner von allen Seiten zu umfassen und ihm durch einen grossen Sieg Verluste beizubringen, behielt er noch eine beträchtliche Truppenmasse ganz ausserhalb des Schlachtfelds und delegirt gewissermassen einen seiner (?) Feldherren (Blucher) mit einem Theil seiner Kräfte um eine Schlacht zu versuchen. Ein solches Beispiel war noch in der Geschichte Clausewitz, Hinterlassene Werke, т, VII, стр. 359.*

извѣстными уже намъ трапнскими возвышенностями, на которыхъ стояли войска Блюхера. На востокъ тянулись ряды другихъ холмовъ, поросшихъ по большей части лѣсомъ. Между параллельными грядами холмовъ пролегали низменные болотистыя долины, по которымъ текли ручьи и рѣчки, направлявшіеся въ Буару, ближайшій притокъ Обы. Правое крыло французской арміи опиралось на деревню Динвиль, расположенную у самого берега Обы. Тутъ стояла дивизія Жерара съ небольшимъ коннымъ отрядомъ, всего на-всего 7,500 чел. Отъ Динвиля французская линія тянулась прямо на востокъ черезъ равнину до Ла-Ротьера. Здѣсь расположенъ былъ центръ арміи, подъ начальствомъ маршала Виктора, всего около 6,000 чел. Лѣвое крыло, расположенное на холмистыхъ возвышенностяхъ Шомениля, Морвилье и Лажибери, состояло изъ войскъ Мармона около 4,000. Позади во второй линіи стояла кавалерія Нансути въ числѣ 8,000 лошадей; тогда какъ въ третьей линіи передъ самой Бриенною поставлена была въ качествѣ общаго резерва вся гвардія, въ числѣ 10,000 чел. подъ начальствомъ маршала Нея. Длина всей французской линіи доходила до 12,000 шаговъ; число-же всѣхъ войскъ, назначенныхъ для ея обороны равнялось 40,000 чел. Только одною артиллеріею Наполеонъ былъ снабженъ въ достаточномъ количествѣ. Въ его распоряженіи находилось около 130 орудій ¹⁾).

Позиція и силы Наполеона были, такимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ крайне слабы, и если бы союзники пустили въ дѣло всѣ войска, бывшія въ ихъ распоряженіи, то пораженіе французовъ было бы полное, оно равнялось бы ихъ совершенному истребленію. Но мы уже знаемъ, что для атаки французскихъ позицій предназначена была всего лишь одна половина союзной арміи, тогда какъ другая половина должна была присутствовать лишь въ качествѣ зрителей. Въ распоряженіи Блюхера было всего лишь 46,000 ч., и хотя онъ могъ рассчитывать на содѣйствіе русскихъ гренадеръ,

¹⁾ О мѣстности и о расположеніи французскихъ войскъ см. Бернгарди. Т. IV, стр. 300—301.

около 12,000 и корпуса Вреде (27,000 чел.), но войска эти могли принять участіе въ боѣ лишь въ концѣ дня, да къ тому же Вреде дѣйствовалъ совершенно самостоятельно и вовсе не былъ подчиненъ старому фельдмаршалу. По диспозиціи, составленной Гнейзенау, войска должны были двинуться впередъ нѣсколькими колоннами. Гіулай съ своимъ корпусомъ долженъ былъ атаковать Динвиль и опрокинуть правое крыло непріятели. Сакенъ, Олсуфьевъ и кавалерія Васильчикова должны были ударить на центръ непріятельской позиціи и завладѣть Ла-Ротьеромъ. Наконецъ, войска кронъ-принца виртембергскаго должны были атаковать высоты у Лажибери, Морвилье и Шомениля и вступить въ связь съ корпусомъ Вреде, наступавшимъ на лѣвѣйшій флангъ непріятели ¹⁾).

Сраженіе при Ла-Ротьерѣ началось со стороны союзниковъ сильнѣйшею канонадою въ центрѣ. Русская артиллерія, подъ начальствомъ генерала Никитина, смѣло выдвинулась впередъ и открыла огонь по непріятели на самомъ близкомъ разстояніи. Конница Нансути, замѣтивъ, что русская артиллерія дѣйствуетъ безъ всякаго прикрытія, стремительно бросилась на нее, но всѣ ея яростныя, повторенныя атаки были отражены картечнымъ огнемъ. Между тѣмъ двинулась впередъ кавалерія Ланскаго и Васильчикова, а за нею пѣхота Сакена и Олсуфьева. Императоръ Александръ присутствовалъ при этой блистательной атакѣ. Самъ Блюхеръ сталъ во главѣ русской конницы и съ крикомъ: „впередъ ребята! Пошелъ!“ повелъ ее на непріятели. Пѣхота, предводимая Сакеномъ, двинулась вслѣдъ за всадниками бѣглымъ шагомъ. Ничто не могло противостать стремительному натиску. Нансути пытался остановить русскихъ, но атакованный съ фронта и съ фланговъ Ланскимъ и Васильчиковымъ былъ мгновенно обращенъ въ бѣгство. Французскіе драгуны, подъ начальствомъ Лефевра-Денуэта, спѣшили на помощь своимъ товарищамъ, но и они были смяты и увлечены общимъ потокомъ бѣгущихъ. Какъ ураганъ неслась впередъ русская

¹⁾ Текстъ диспозиціи Блюхера см. Плато, Т. III, стр. 113—114.

конница, сметая все на своемъ пути. Четыре конныхъ батареи достались въ руки побѣдителей; французская кавалерія, за исключеніемъ одной дивизіи Лефебра-Денуэта, была совершенно разстроена и прогнана съ поля битвы.

Между тѣмъ подоспѣла на мѣсто боя и русская пѣхота. Баталіоны Сакена послѣ упорнаго сопротивленія французовъ ворвались въ деревню Ла-Ротьеръ и завладѣли нѣсколькими орудіями. Но французы укрѣпились въ нѣсколькихъ домахъ и продолжали обороняться упорно. Сильная мятель, поднявшаяся въ это время, не позволяла обозрѣвать мѣстность. Сакенъ, распорядившись въ Ла-Ротьерѣ, не замѣтилъ совершеннаго пораженія французской конницы. Ожидая новаго наступленія непріятели, онъ не рѣшался ввести въ дѣло баталіоны Олсуфьева и отложилъ рѣшительную атаку до прибытія гренадеръ.

На обоихъ флангахъ союзники дѣйствовали далеко не такъ рѣшительно какъ въ центрѣ. Отсутствіе Блюхера дало себя чувствовать здѣсь. Гиулай безъ труда оттѣснилъ французовъ отъ берега Обы, но всѣ его попытки завладѣть Динвелемъ оканчивались неудачно и только при наступленіи темноты онъ успѣлъ, наконецъ, выгнать французовъ изъ селенія. Столь-же медленно подвигался впередъ и кронъ-принцъ виртембергскій. Его войска принуждены были бороться съ мѣстными условіями болотистой и пересѣченной мѣстности. Только прибытіе Вреде съ свѣжими войсками склонило, наконецъ, побѣду на сторону союзниковъ. Войска Мармона выбиты были послѣдовательно изъ всѣхъ своихъ позицій. Морвилье, Шомениль и Ла-Жибери были взяты штурмомъ и вся французская линія отброшена назадъ.

Наполеонъ, слѣдившій за ходомъ боя, понялъ, что сраженіе проиграно на всѣхъ пунктахъ. Онъ видѣлъ, что рѣшительное преслѣдованіе союзниковъ можетъ имѣть самыя ужасныя послѣдствія для его арміи, и, желая задержать его хотя сколько нибудь, двинулъ на встрѣчу непріятели свои послѣдніе резервы. Онъ самъ сталъ во главѣ двухъ гвардейскихъ дивизій и повелъ ихъ на деревню Шомениль. Французы, одушевленные присутствіемъ своего императора, нѣ-

сколько разъ бросались на приступъ, но баварцы и австрійцы встрѣчали ихъ каждый разъ убійственнымъ огнемъ и обращали въ бѣгство. Одновременно съ этими атаками, маршалъ Удино бросился съ другою частью гвардіи на Ла-Ротьеръ и стремительнымъ натискомъ отбѣснилъ русскихъ до середины деревни. Напоръ французовъ былъ вскорѣ остановленъ баталіонами Олсуфьева. Они ударили на непріятеля въ штыки и прогнали его до послѣднихъ домовъ селенія. Тогда Удино двинулъ противъ русскихъ еще одну свѣжую гвардейскую бригаду. Въ улицахъ Ла-Ротьера, среди домовъ, объятыхъ пламенемъ, загорѣлся самый ожесточенный бой. Русскіе держались крѣпко и не уступали непріятелю ни пяди земли. Уже почти стемнѣло, когда на мѣсто боя прибыли давно ожидаемые русскіе гренадеры. Появленіе этой свѣжей силы окончательно рѣшило дѣло. Гренадеры однимъ натискомъ выбросили непріятеля изъ деревни. Въ дикомъ безпорядкѣ бѣжали французы къ Бриенни, по совершенно открытой равнинѣ. Союзная конница гналась за ними по пятамъ и забирала орудія и плѣнныхъ. Только наступившая темнота прекратила преслѣдованіе и спасла французовъ отъ совершеннаго истребленія ¹⁾.

Наполеонъ провелъ ночь послѣ битвы въ бриенскомъ замкѣ. Его настроеніе было самое тревожное. Онъ замѣчалъ, что его молодая войска были страшно потрясены, почти деморализованы и опасался самыхъ гибельныхъ послѣдствій въ случаѣ энергическаго преслѣдованія. Онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы обезпечить отступление своихъ войскъ и отвлечь вниманіе противника въ фальшивую сторону. Главная масса его арміи должна была отступать на Лемонъ тремя линіями, тогда какъ Мармонъ съ своимъ отрядомъ долженъ былъ расположиться у Перпа и Рони и стараться привлечь на себя вниманіе преслѣдователей ²⁾. Но эти мѣры предосто-

¹⁾ Подробности о сраженіи при Ла-Ротьерѣ см. Богдановичъ, т. IV, стр. 367—370; Плото, т. III, стр. 114—123; Берягарди, т. IV, стр. 308—317; Мармонъ, т. VI, стр. 33—39 и другіе.

²⁾ Объ этихъ распоряженіяхъ Наполеона см. мемуары Мармона, т. VI стр. 39—40.

рожности оказались почти излишними. Союзники начали преслѣдованіе такъ поздно и вели его такъ вяло ¹⁾, что Наполеонъ имѣлъ полную возможность перевести спокойно войска свои черезъ Обу у Лемона по единственному мосту и достигнуть затѣмъ благополучно Труа, гдѣ онъ занялся реорганизаціею своей разстроенной арміи и соединился съ войсками маршала Мортъе. Даже Мармонъ, оставленный почти на жертву, успѣлъ переправиться черезъ Вуару и соединиться съ императоромъ. Онъ былъ спасенъ не столько своими искусными распоряженіями, сколько оплошностью своихъ преслѣдователей и сильною мятелью, вб-время скрывшей его маршъ отъ противника непроицаемою завѣсою.

Наполеонъ спасся отъ совершеннаго истребленія, но положеніе его было самое печальное, почти отчаянное. Въ битвѣ при Ла-Ротьерѣ онъ понесъ тяжелыя и невознаградимыя потери, 4,000 лучшихъ его солдатъ остались на мѣстѣ убитыми или ранеными; союзники взяли кромѣ того болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ и захватили большую половину его артиллеріи, около 70 орудій. Еще важнѣе было нравственное впечатлѣніе этого кроваваго дня. Страшная катастрофа произвела подавляющее впечатлѣніе на умы солдатъ и офицеровъ. Дикій безпорядокъ, деморализація арміи напоминали самые печальные моменты двухъ предшествующихъ кампаній и заставляли опасаться самыхъ великихъ несчастій. Дезертирство достигло до громадныхъ размѣровъ. Солдаты уходили уже не въ одиночку, а цѣлыми сотнями, унося съ собою оружіе. Одни изъ нихъ старались пробраться на родину, другіе составляли шайки мародеровъ и разбойниковъ, тогда какъ вѣкоторые переходили прямо къ непріятелю. Въ одну ночь, говоритъ маршалъ Мармонъ, дезертировали 265 солдатъ 37 легкаго пѣхотнаго полка. Тогда-же бѣжали нѣ-

¹⁾ Мармонъ замѣчаетъ объ этомъ преслѣдованіи: Enfin, si quelque chose doit etonner, après l'idée de donner cette bataille, c'est d'avoir vu l'ennemi si mal profiter des ses avantages, et l'armée française échapper à une destruction complete. Мемуары, т. VI, стр. 39.

сколько кирасировъ, вмѣстѣ съ знатнымъ плѣнникомъ, отданнымъ подъ ихъ охрану ¹⁾.

Еще мрачнѣе и безотраднѣе было настроеніе населенія ²⁾. Вѣсть о пораженіи, понесенномъ Наполеономъ при Ла-Ротьерѣ, всего лишь въ шести переходахъ отъ Парижа, распространила ужасъ и смятеніе во всей странѣ. Въ самой столицѣ господствовала паника и Іосифъ Бонапарте готовился уже отправить императрицу и ея сына изъ города. Повсюду зашевелились сторонники Бурбоновъ. Жители Труа, несмотря на присутствіе самого императора, относились съ явнымъ недоброжелательствомъ къ собственнымъ войскамъ и съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія союзниковъ. Все предвѣщало, повидимому, скорый конецъ борьбы. Еще нѣсколько дружныхъ усилій союзниковъ, и судьба Франціи и Наполеона должна была рѣшиться.

В. Фадлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Мармонъ, Мемуары, т. VI, стр. 46—47.

²⁾ Для успокоенія общественнаго мнѣнія Наполеонъ прибѣгалъ къ своему обычному средству. Онъ объявлялъ, что Шварценбергъ лжетъ въ своихъ донесеніяхъ, что при Ла-Ротьерѣ вовсе не было сраженія и что все дѣло ограничилось нѣсколькими кавалерійскими атаками и потерей нѣсколькихъ орудій. См. письмо къ Коленкуру отъ 4 февраля. *Congresspandance de Napoleon* т. 27, стр. 127.

КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ БУДДИЗМА.

То почтительное удивленіе, какое возбуждаетъ къ себѣ буддизмъ среди многихъ изъ нашихъ современниковъ, по нашему мнѣнію, въ немалой степени объясняется тѣмъ, что вся эта религіозная система построена на чисто атеистическомъ основаніи. Едва-ли кто станетъ спорить съ нами, если мы скажемъ, что атеизмъ нравится нашему времени болѣе, чѣмъ какому-либо другому времени,— все равно — проявляется-ли эта умственная болѣзнь просто въ положительномъ отрицаніи Бога и божественнаго міроуправленія, или она огравичивается лишь признаніемъ болѣе почетной въ наше время точки зрѣнія агностицизма, когда ссылаются на неспособность человѣческаго ума къ познанію Бога, чтобы затѣмъ уже фактически объявить столь „трансцендентальное“ понятіе (о Богѣ) совершенно непримѣнимымъ и бесполезнымъ для практической жизни человѣчества.

Многіе съ нетерпѣніемъ ожидаютъ того дня, когда явное отрицаніе или простое игнорированіе Бога изъ философскихъ аудиторій и изъ тѣсныхъ кружковъ „образованныхъ“ свободно и смѣло вступитъ въ народную массу, такъ чтобы и простой человѣкъ „изъ народа“, свободный отъ всякихъ „гетерономныхъ“ предразсудковъ, руководствуясь уже исключительно лишь „автономными“ началами, могъ вполне раскрывать и развѣивать свои прекрасныя природныя дарованія.

Но на пути къ осуществленію этой пріятной для многихъ грезы теперь встрѣчается препятствіе, по нашему мнѣнію,

весьма трудно устранимое. Уничтожить, вмѣстѣ съ религіей, всякую нравственность и право—на это едва-ли когда согласятся человѣческія общества. Если иногда, — и то, кажется намъ, въ случаяхъ крайнихъ, — дается возможность человѣку въ своей личной, субъективной жизни отказаться отъ всякой нравственности; то все-таки въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ должна быть соблюдаема, по крайней мѣрѣ, извѣстная общественная мораль и прежде всего должны быть строго охраняемы право и справедливость. Поэтому-то, пока на взглядъ непредубѣжденнаго человѣка атеизмъ и агностицизмъ являются лишь въ видѣ основаній для коммунизма и социализма, до тѣхъ поръ пресловутое „просвѣщеніе народа“ (т. е. въ духѣ атеизма) можетъ подвигаться лишь путемъ тайной агитаціи. Самъ-же „народъ“ или—лучше сказать—все человѣческое общество будетъ нуждаться въ религіи, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока его доброжелатели не найдутъ способа воспитывать въ немъ необходимыя нравственныя понятія посредствомъ одной только философіи.

Но, кажется, этотъ путь уже найденъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, имѣетъ-же просвѣщенная Франція свой катихизисъ свѣтской морали? и не сочинилъ-ли Спенсеръ системы такой этики, лучше которой ужъ нечего и желать благопристойному человѣку 19-го столѣтія? Но всякая теорія сама по себѣ еще слаба и недостаточна для жизни. Какъ и насколько проводится она въ дѣйствительность—вотъ существенный вопросъ. Что-же, есть-ли до сихъ поръ хотя малѣйшее основаніе заключать, что мораль безъ Бога и религіи приложима на практикѣ и способна — обуздывать дикія страсти и сохранять въ цѣлости порядоужь, необходимо нужный для прочнаго существованія человѣческаго общества? Это — вопросъ слишкомъ щекотливый, потому что, какъ показалъ опытъ, именно та часть народа, которая отвергла религію въ жизни, всегда, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ доставляла изъ своей среды самый значительный контингентъ новобранцевъ въ армию разнаго рода анархистовъ, стремящихся къ ниспроверженію всякаго общественнаго благоустройства. Поэтому-то, всѣ болѣе умные и дальновидные люди, хотя-бы они и не отличались особенно

религіознымъ настроеніемъ мыслей, лишь сомнительно покачиваютъ головою, когда имъ начинаютъ говорить о возможности воспитанія всего вообще народа на основаніи морали безъ религіи.

Въ этомъ-то затруднительномъ положеніи и обращаются за помощію къ буддизму многіе изъ нашихъ современниковъ, простодушнo вѣруя, что этотъ *арнольдovскій* „свѣтъ“ лучше всего освѣтилъ ту истину, что высокая нравственность безъ вѣры въ Бога не есть невозможное дѣло даже и для цѣлаго народа. Буддизмъ, безъ сомнѣнія, есть атеизмъ или агностицизмъ, а быть можетъ, даже и нигилизмъ. И однако, говорятъ, его нравственное ученіе не только въ теоріи—одно изъ самыхъ превосходныхъ, но также и на практикѣ—одно изъ самыхъ благонадежныхъ и испытанныхъ, и притомъ испытано на такомъ пространствѣ и въ такихъ размѣрахъ, какъ никакое другое религіозное ученіе. Раздѣлите только все человѣчество по религіямъ и громаднѣйшее число, милліоновъ въ 300, 400 или 500, протянетъ свои руки къ буддизму; и—что всего удивительнѣе—во всѣхъ этихъ милліонахъ буддизмъ умѣлъ посадить духъ человѣколюбія, благотворительности, кротости и порядка, въ достойной удивленія степени. Его дѣйствія и результаты въ этомъ отношеніи могутъ быть по праву поставлены рядомъ съ подобными же дѣйствіями христіанства. Но что не было невозможно среди жителей восточной Азіи, то тѣмъ болѣе должно быть возможно среди болѣе высоко развитыхъ европейцевъ. Такимъ образомъ, возможность и приложимость нравственнаго воспитанія народа безъ участія религіи, говорятъ, доказана была и на практикѣ.

И такъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что именно атеистическій характеръ буддизма привлекаетъ на его сторону многихъ друзей и почитателей среди современнаго общества. Именно то обстоятельство, что, по ученію буддизма, человѣкъ созидаетъ свою жизнь не на Богѣ, а исключительно на самомъ себѣ, что человѣкъ—самъ все для себя, и что на этой чистой человѣчности, однако, развилась теоретически и практически, повидимому, столь безупречная мораль,—это обстоятельство приобрѣтаетъ буддизму симпатіи среди тѣхъ об-

разованныхъ европейцевъ, которые не гнушаются рекомендо-
вать здѣсь въ Европѣ нищенствующаго монаха съ острова
Цейлона въ качествѣ идеала „благороднаго, непреклоннаго му-
жества“, вполне достойнаго подражанія „зрѣлѣйшаго сына
времени“. Но нужно бы спросить при этомъ, можно ли на-
дѣяться, что еще здоровый, дѣятельный народъ позволить об-
резывавать себя на манеръ того, утомленнаго существованіемъ,
поколѣнія, которое слишкомъ вяло, устало и невосприимчиво
для того, чтобы съ логической послѣдовательностію извлекать
изъ какого-либо ученія также и всѣ практическіе его резуль-
таты. Если индусы по ту сторону Ганга вполне удовлетворя-
ются такою вѣрою, которая оставляетъ для нихъ необходимую
порцію рисовой каши, а въ будущемъ сулитъ блаженство пол-
наго уничтоженія, слѣдовательно, полнаго бездѣйствія; то от-
сюда еще не слѣдуетъ, что и наши рабочіе баталіоны позво-
лятъ кормить себя такимъ же утѣшеніемъ...

Но и помимо всего этого, всѣ доказательства морализующей,
культивирующей силы буддизма такъ хрупки, какъ только
можно себѣ представить. Всегда и всюду, гдѣ только мы ви-
димъ практическій буддизмъ не сквозь тусклую и обманчивую
призму мѣа, но во свѣтѣ истинной исторіи, предъ нами вы-
ступаетъ нѣчто, совсѣмъ не похожее на картину прекраснаго
института нравственнаго воспитанія.

Говорятъ, что буддизмъ облагородилъ, научилъ благонравію
отъ 400 до 500 милліоновъ людей. Но и то и другое, и вы-
сокая цифра, и высокое облагороженіе—суть положенія не до-
казанныя. Прежде всего нужно замѣтить, что ни въ одной изъ
странъ, населенныхъ буддистами, доселѣ не было и нѣтъ точ-
наго народоисчисленія и тѣмъ болѣе—точного подраздѣленія
народонаселенія по религіознымъ вѣрованіямъ. Громадное чи-
сло послѣдователей Будды получается очень просто потому,
что обыкновенно, безъ дальнѣйшихъ справокъ, къ буддистамъ
причисляють всѣхъ китайцевъ поголовно. При такомъ счетѣ,
дѣйствительно, ничего не стоитъ дойти и до 500 милліоновъ.
Но противъ правильности такого исчисленія уже не одинъ разъ
поднимались голоса, на которые нельзя не обратить вниманія.
Такъ, еще не очень давно докторъ Гапцеръ опубликовалъ въ

Кантонѣ брошюру, по которой огромное количество китайцевъ не должно быть причисляемо къ буддистамъ. А докторъ Kellogg утверждаетъ, что число тѣхъ, которые дѣйствительно заслуживаютъ названія буддистовъ, едва достигаетъ 73.000,000. Разногласія въ такомъ опредѣленіи численности современныхъ буддистовъ весьма легко объясняются. Если буддистами называть всѣхъ тѣхъ, которые только знаютъ имя Будды и произносятъ его съ благоговѣніемъ, тогда, конечно, можно безъ затрудненія насчитать буддистовъ вѣскольکو сотъ милліоновъ. Но по такому способу исчисленія не трудно было бы, вѣдь, и магометанъ причислить къ христіанамъ, потому что знаніе корана касательно личности Христа и Его ученія ни чуть не меньше, если только не гораздо шире, чѣмъ знаніе большинства буддистовъ касательно Будды и его ученія. Если же, напротивъ, буддистами слѣдуетъ называть только тѣхъ, которые знаютъ и соблюдаютъ, по крайней мѣрѣ, самое существенное изъ ученія Будды, тогда едва ли можно будетъ насчитать ихъ даже и 73 милліона.

Является вопросъ: чѣмъ можно объяснить все-таки значительный успѣхъ проповѣди буддизма въ восточной Азіи? что привлекло на его сторону цѣлыя милліоны послѣдователей? Заключалась-ли причина этого во внѣшнихъ заповѣдяхъ буддизма, которыя, быть можетъ, дѣйствительно въ состояніи покорять себѣ сердца людей, или нужно искать этой причины собственно внѣ буддизма?—Мы уже имѣли случай познакомить читателей съ основными заповѣдями буддѣйской морали, и дали посильную оцѣнку этическаго достоинства этихъ заповѣдей. Теперь укажемъ примѣры того, какъ главнѣйшая изъ этихъ заповѣдей примѣнялась и примѣняется буддистами на практикѣ, въ жизни. Заповѣдь, стоящая во главѣ буддѣйской этики, какъ извѣстно, гласитъ такъ: Ты не долженъ умерщвлять, и притомъ не только человѣка, но и вообще ни одного живаго существа. Поэтому, Будда запрещалъ своимъ ученикамъ ношеніе шелковыхъ одеждъ, потому что для приготовленія ихъ требуется, какъ извѣстно, умерщвленіе шелковыхъ червей. По объясненію, данному по этому предмету самимъ Буддой и записанному въ *винайтъ нитакъ*, на основаніи

этой заповѣди не позволительно вообще всякое употребленіе шелковыхъ матерій. Такимъ образомъ, далѣе всякая культура шелка оказывается постояннымъ нарушеніемъ одной изъ самыхъ важныхъ заповѣдей буддизма; и, слѣдовательно, китайцы и японцы, которые занимаются приготовленіемъ шелка, постоянно, поэтому, стоятъ въ прямомъ противорѣчїи съ буддизмомъ ¹⁾.

Другой примѣръ такого-же рода: въ Бирманѣ ѣдятъ мясо не только міряне, но и монахи. Они оправдываются въ этомъ случаѣ тѣмъ, что-де они не сами убиваютъ животныхъ, но другіе, и что, поэтому, грѣхъ убійства падаетъ не на нихъ, но на мясниковъ. И однако-же, такая увертка предусмотрѣна и рѣшительно отвергнута уже въ каноническихъ книгахъ буддизма. Одинъ монахъ подговорилъ кого-то убить быка. Будда услыхалъ объ этомъ и спросилъ монаха: „Правда-ли, монахъ, то, что говорятъ, будто-бы ты кого-то подговорилъ—отнять жизнь у одного живаго существа?“ — „Это правда, о Господинъ!“ — „Но какъ-же ты могъ быть настолько глупъ, чтобы сдѣлать это?“ разсердился Будда. „Развѣ я не часто въ своихъ рѣчахъ осуждалъ убійство и восхвалялъ воздержаніе отъ убитаго, о глупецъ? Такое поведеніе, глупый—ты, не послужитъ къ тому, чтобы обратить не обращенныхъ“... „Монахи,—продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ ученикамъ,—никто (изъ васъ) не смѣетъ давать поводъ къ тому, чтобы отнимать жизнь у какого-либо живаго существа. Кто-же это сдѣлаетъ, тотъ пусть будетъ наказанъ по закону“ (Магавагга 5, 10). Впрочемъ, самъ „Великій“ не такъ-то строго заботился о соблюденіи своей заповѣди; ибо въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ, что однажды онъ самъ наѣлся свиннаго мяса, такъ что даже заболѣлъ, и это было уже не задолго предъ его смертію (Мага-париниббана-сутта, 4, 18). Такимъ образомъ, изъ этихъ немногихъ примѣровъ достаточно видно, что самъ буддизмъ впадалъ въ неразрѣшимыя противорѣчїя съ своими заповѣдями, опредѣлявшими поведеніе его послѣдователей. Поэтому, и не удивительно, если эти заповѣди почти

¹⁾ Ср. у Ольденберга, Будда, его жизнь и проч., стр. 239, примѣч.

повсюду между буддистами оставались обыкновенно безъ вниманія. Въ этомъ отношеніи, буддисты обыкновенно принаравливались къ существующимъ правамъ и обычаямъ извѣстной страны, такъ что часто выходило, что не они морализовали невѣрныхъ, а, напротивъ, невѣрные ихъ.

Болѣе глубокое пониманіе исторіи буддизма заставляетъ сказать, что вовсе не эти внѣшнія заповѣди были тою силой, которая вербовала и завоевывала буддизму его многочисленныхъ послѣдователей. Тѣ тысячи и милліоны, которые рѣшались сдѣлаться буддистами, большею частію оставляли эти заповѣди — только писанными, безъ живого примѣненія ихъ въ своей практической жизни; то-же, что притягивало ихъ къ проповѣди Сакія-Муни, имѣло болѣе внутреннюю, духовную природу, лежало глубже въ ихъ собственномъ сердцѣ.

Спасеніе, вѣрное, несомнѣнное спасеніе проповѣдывалъ Будда людямъ. И оно-то было тѣмъ волшебнымъ, чарующимъ словомъ, которое отворяло для него сердца слушателей. Ибо спасенія „съ надеждою ожидаетъ“ вся тварь, которая подчинена законамъ тлѣнія и страданія; вся тварь „совокупно стонаетъ“ и мучится, въ ожиданіи освобожденія отъ рабства тлѣнію и суетѣ (ср. Римл. 8, 19 и дал.).

Въ кругу мыслей Будды, идея искупленія не только стоитъ на первомъ планѣ, но можно сказать, составляетъ одна все. Во всей системѣ его ученія дѣло идетъ вовсе не о болѣе или менѣе глубокомъ изслѣдованіи основаній и причинъ всего сущаго, не о составленіи космологической и метафизической системы ученія. Да и кому-бы пришло въ голову, очутившись въ домѣ, объятomъ пламенемъ, предаваться тонкимъ спекулятивнымъ мудрованіямъ, вмѣсто того, чтобы направить всѣ свои мысли на отысканіе скорѣйшаго выхода изъ пламени? Весь міръ объятъ пламенемъ; муки бытія, какъ огненные язычки, охватываютъ со всѣхъ сторонъ человѣка — таковъ основной тонъ религіозной настроенности древней браминской Индіи, и выходъ изъ этого тяжелаго состоянія — главная жизненная задача древняго индуса. Страстное желаніе найти выходъ изъ этой жизни къ „иному міру“ довольно наглядно изображено въ *Упанишадѣ*, въ лицѣ Начикеты, который нарочито слу-

скается въ царство смерти, чтобы у бога смерти выпытать разгадку смерти:

„Проходятъ день за днемъ, о смерти властелины!
И сила чувствъ съ годами въ насъ дряхлѣетъ
Жизнь человѣка—скоротечна;
И пѣснь, и пляска, конь и колесница—все твое.
Богатство не даетъ довольства человѣку.
Къ чему имущество, когда тебя мы узримъ?
Пусть длится наша жизнь пока того ты хочешь—
Мое желаніе все тоже остается:
То что является предметомъ всѣхъ сомнѣній,
Открой мнѣ, смерть, и дай постичь ты жизнь иного міра.
Запало въ душу глубоко желанье это,
И нѣтъ для Начикеты выбора иного“¹⁾.

И вотъ, среди этихъ, близкихъ къ отчаянію, воплей погибающихъ, слышится громкій зовъ Будды: За мной! я укажу вамъ единственный, но вѣрный выходъ изъ гибели къ блаженству! Кто-же, послѣ этого, могъ еще медлить и спрашивать о достаточныхъ метафизическихъ основаніяхъ теоріи искупленія, когда всякій мигъ увеличиваетъ страданія и дѣлаетъ острѣе? Люди жаждали, требовали, вопіяли о спасеніи, и Будда провозвѣстилъ имъ это спасеніе: вотъ — въ краткихъ словахъ объясненіе огромнаго успѣха буддизма.

Правда, и всякая, даже языческая, религія въ извѣстномъ смыслѣ ставитъ спасеніе свдею послѣднею цѣлію; такую-же цѣль поставляли себѣ, конечно, и тѣ древне-азіатскія религіи, отъ которыхъ буддизмъ привлекалъ къ себѣ на первыхъ порахъ массы послѣдователей. Но буддизмъ взялъ перевѣсъ надъ прочими языческими религіями Азіи потому, что ни одна другая религія не давала человѣку такого способа искупленія, который-бы столь приходился по сердцу азіатцамъ, былъ столь для нихъ понятенъ и общепримѣнимъ, какъ способъ указанный Буддой.

Будда не указывалъ людямъ на тѣхъ, сомнительнаго достоинства, боговъ, благоволеніе которыхъ нужно было покупать дорогими жертвоприношеніями; не находилъ онъ также нужнымъ и посредства между богами и людьми жреческой

¹⁾ См. у Ольденберга, назван. сочин., стр. 49.

касты, оторванной отъ народа и его интересовъ и замкнутой въ ея собственной сферѣ. Въмѣсто всего этого, онъ указывалъ въ каждомъ человѣкѣ своего собственнаго спасителя. И какъ же, по ученію Будды, должно было совершаться и осуществляться это спасеніе, для котораго не требовалось ни боговъ, ни жертвъ, ни жрецовъ? Не посредствомъ тѣхъ безчеловѣчныхъ самоистязаній, въ которыя должны были обрекать себя браминскіе аскеты, и не посредствомъ книжной учености, для пріобрѣтенія которой едва хватало человѣческой жизни. Веды, священныя книги древнихъ индусовъ, Будда презиралъ столь-же сильно, какъ и самихъ боговъ, для почитанія которыхъ нужны были тѣ книги. Единственно посредствомъ своей собственной добродѣтели достигаетъ человѣкъ искупленія, по ученію Будды; непрерывный рядъ правдивыхъ дѣлъ неминуемо ведетъ человѣка къ нирванѣ, если и не тотчасъ послѣ смерти, то, все-таки, въ послѣдующемъ существованіи. Та особливая, отрицательнаго характера, любовь ко всѣмъ живымъ существамъ, которая заботливо избѣгаетъ — увеличивать уже свершившееся и существующее зло своимъ собственнымъ злодѣяніемъ, та благожелательность, которая падаетъ и принимаетъ дружеское участіе въ живомъ существѣ, — составляетъ, дѣйствительно, характерный признакъ буддизма, выдѣляющій его изъ ряда другихъ древне-языческихъ религій. Если же заповѣдь о сострадательной любви уже сама по себѣ въ состояніи вызывать сочувствіе къ себѣ въ сердцѣ cadaго человека, то тѣмъ болѣе эта заповѣдь въ ея буддистическомъ изложеніи должна была нравиться тѣмъ народамъ, которые давно уже утратили жажду подвиговъ и въ чувствѣ ничтожества и трудности бытія ничего легче не понимали, какъ ученіе о состраданіи, о негнѣвливости, невраждованіи, о благодѣяніи. Къ тому-же, эта гуманная буддистическая мораль предлагалась не просто только въ видѣ теоретическаго ученія, но воплощалась въ личности (хотя мнѣческаго) Будды, и именно въ этомъ воплощеніи она способна была покорять себѣ сердца восточно-азиатскихъ народовъ. Въ области теоретическаго ученія буддизма Будда ничто. Онъ никого не можетъ искупить отъ страды бытія; каждый долженъ сдѣлаться Буддой, т. е.

сдѣлаться своимъ собственнымъ спасителемъ. Но въ дѣлѣ образованія религіозной жизни личность Будды—главное условіе. „Отнимите у буддизма ученіе, что Будда сошелъ съ неба, чтобы искупить множество создавій чрезъ возвѣщеніе истины; лишите его вѣры въ воплощеніе нравственнаго идеала,—и вы лишите его всей его силы. Все великое и доброе, что сдѣлалъ буддизмъ, обязано могуществу этой вѣры, которая одна только была въ состояніи оживить сухой скелетъ его морали“¹⁾.

Итакъ, два элемента главнымъ образомъ создали для буддизма огромный успѣхъ въ Азіи, — всѣмъ понятное и всѣмъ соотвѣтствовавшее ученіе объ искупленіи и преобладающая, воплощенная въ лицѣ Будды, черта благожеланія и снисходительности къ людямъ—были тѣми силами, которыя привлекали милліоны людей къ ученію Сакія-Муни.

Въ области обыкновенной гуманности ученіе Сакія-Муни, дѣйствительно, могло по праву разсчитывать на прекраснѣйшій триумфъ среди древняго язычества. Когда говорятъ, что это ученіе устранило многія грубыя формы культа, вообще смягчило нравы и въ прежнихъ каннибалахъ произвело болѣе человѣчное настроеніе духа, то не слѣдуетъ уменьшать эту заслугу ни на одну іоту. Буддистическія предписанія касательно отношенія человѣка къ человѣку, во всякомъ случаѣ, стоятъ далеко выше свирѣпыхъ заповѣдей многихъ языческихъ религій, въ которыхъ потоки человѣческой крови прославлялись какъ жертва самая пріятная для боговъ. И если-бы современные панегиристы буддизма ограничивались только возвышеніемъ этого религіознаго ученія надъ другими формами язычества, то съ ними никто не сталъ-бы и препираться.

Но дѣло въ томъ, что теперь не ограничиваются такою скромною задачей въ оцѣнкѣ религіозно-культурнаго значенія буддизма, но замышляютъ поставить религію Будды, въ разсужденіи ея морализующаго вліянія на пародныя массы, рядомъ или даже гораздо выше христіанства. Но противъ этой попытки мы уже не можемъ не заявить самаго рѣшительнаго протеста. Факты вопіютъ также противъ указанной

¹⁾ Kern, Buddhismus I, 539.

затѣи; и если, быть можетъ, судя безотносительно, было гораздо лучше нѣкоторые изъ этихъ фактовъ покрыть прахомъ забвенія, то подкупленные буддизмомъ, противники христіанства принуждаютъ насъ показать эти факты такъ, какъ они есть, чтобы и здѣсь оправдалось слово Писанія: „по плодамъ ихъ вы узнаете ихъ; не можетъ худое дерево приносить добрые плоды“. И въ буддизмѣ должно было сказаться роковое проклятіе грѣха, проявляющееся всюду, гдѣ только человѣкъ живетъ не на Богѣ и Его благодати, но на своей собственной падшей природѣ. Сравнимъ культурное вліяніе буддизма и христіанства.

Одно изъ главнѣйшихъ дѣйствій христіанства среди грубыхъ, некультурныхъ народовъ было, какъ извѣстно, поднятіе и успѣхъ обработки почвы, земледѣлія. Можно сказать безъ преувеличиванія, что плугъ былъ столь-же отличительнымъ орудіемъ въ рукахъ христіанскихъ миссіонеровъ цивилизаторовъ, какъ и крестъ съ изображеніемъ Распятаго. Поселяясь въ дотолѣ необитаемыхъ пустошахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, среди недоступныхъ горъ и топкихъ болотъ, христіанскіе монахи-миссіонеры прокладывали дороги, строили мосты, расчищали лѣсныя дебри и превращали дикія пустыни въ зеленѣющія нивы. Впослѣдствіи, вокругъ этихъ великихъ подвижниковъ и неутомимыхъ тружениковъ собирался народъ, приходившій со всѣхъ сторонъ послушать ихъ святую проповѣдь и посмотреть ихъ дивные подвиги поста и молитвы,—и вотъ, въ прежней необитаемой пустыни, или въ глухой лѣсной дебри, возникала весь, а изъ нея потомъ выросалъ цѣлый огромный городъ, съ различными образовательными заведеніями, съ промышленными учрежденіями! Мы не нуждаемся здѣсь въ повтореніи всему свѣту извѣстныхъ фактовъ культурнаго вліянія христіанской миссіи; мы скажемъ только, что особенно христіанское монашество сдѣлало божественное благословеніе изъ того проклятія, по которому человѣкъ въ потѣ лица своего долженъ снискивать хлѣбъ свой, потому что на трудъ оно взирало съ религіознымъ благоговѣніемъ и объясняло его въ смыслѣ одной изъ формъ служенія Богу.

Что-же великаго совершили вѣрные поклонники Будды, за

что ихъ, дѣйствительно, слѣдовало-бы, перевозносить, въ противность столь поносимому христіанскому монашеству? Одинъ изъ самыхъ восторженныхъ панегиристовъ буддизма, извѣстный уже намъ Эдвинъ Арнольдъ, несмотря на всю свою изобрѣтательность, ничего лучшаго, однако, не умѣлъ сказать въ этомъ отношеніи о буддійскихъ монахахъ, кромѣ того, что они составляли „правда, невинную, но лѣнивую, полную церемоніальности общину“. Впрочемъ, какъ-бы для смягченія этого своего приговора, Арнольдъ прибавляетъ, что отвращеніе отъ всякаго, болѣе или менѣе упорнаго и разумнаго труда стало свойственно только позднѣйшимъ буддійскимъ монахамъ. Но это не вѣрно: Ольденбергъ, напримѣръ, пишетъ: „Орденъ не владѣлъ ни полями, ни рабами, ни лопадъми, ни рогатымъ скотомъ, и ничего этого онъ не могъ принимать въ даръ. Онъ не занимался сельскимъ хозяйствомъ и не велъ его на свой счетъ черезъ другихъ“. „Тотъ монахъ“, говорится въ древней покаянной формулѣ, „который роетъ землю самъ или заставляетъ рыть ее другихъ, подлежитъ эпитиміи“... Соотвѣтственно съ этимъ мы не встрѣчаемъ въ текстахъ *Vinaya* ничего, что указывало-бы на обработку земли... Какая-бы то ни было регулярная работа оставалась монашеской жизни совершенно чужда, да иначе не могло и быть; самое понятіе буддистовъ о нравственности отрицало воспитательное значеніе работы“¹⁾. Но отрицать значеніе труда,—прибавимъ мы отъ себя,—значитъ не признавать одного изъ самыхъ важнѣйшихъ, морализующихъ общество, факторовъ, значить добровольно устранять себя изъ круга вліянія тѣхъ силъ, которыя именно способны производить прочное облагороживаніе народныхъ нравовъ.

Но спросить читатель: быть можетъ, буддійскіе монахи много великаго совершили въ области духовнаго творчества? Въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлали-ли они какого-либо богатаго вклада для подъема умственнаго развитія человѣчества? Способствовали-ли они процвѣтанію и успѣхамъ наукъ, какъ способствовали этому христіанскіе монахи? Гдѣ и кому извѣстны имена ихъ великихъ ученыхъ?—Христіанская Церковь можетъ съ

¹⁾ См. у Ольденберга, указан. сочин., стр. 292 и 293, примѣч., 300.

великимъ утѣшеніемъ указать на своихъ: Аѳанасія, Василя, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, на своихъ: Іеронима, Августина, наконецъ, на Оому Аквинскаго и многое множество другихъ мужей, которыхъ по справедливости можно причислить къ первокласснымъ мыслителямъ своего времени и которые, однако, или сами были строгими монахами, или получили свое научно-философское образованіе въ кругу монашества. Монашеству мы въ значительной мѣрѣ обязаны сохраненіемъ до нашего времени сокровищъ классической древности; на фундаментѣ, заложенномъ монашествомъ, зиждется добрая часть нашей современной культуры.

Но, конечно, и самые ярые изъ современныхъ европейскихъ почитателей буддизма никогда не осмѣлятся предъявлять, отъ лица буддійскихъ монаховъ, точно такія же права на цѣнные заслуги въ области литературы и науки, потому что въ этой области буддійскіе монахи ничего въ сущности не произвели сколько нибудь важнаго. Такихъ правъ, дѣйствительно, никто еще и не предъявлялъ; но намъ кажется, что умалчивать объ этомъ недостаткѣ,—когда хотятъ уравнивать буддійское вліяніе на воспитаніе человѣческаго рода съ вліяніемъ христіанскимъ,—по меньшей мѣрѣ безчестно. Ни объ одномъ изъ буддійскихъ монастырей нельзя сказать того, что съ полнымъ правомъ говорится о значеніи христіанскихъ монастырей прежнихъ вѣковъ. Монастыри были не только убѣжищемъ молитвы, духовнаго размышленія и аскетическихъ упражненій, не только центромъ, откуда шло заселеніе и обращеніе въ христіанство окрестностей, не только школой для образованія духовенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстами для образованія всѣхъ наукъ и искусствъ, ремеслъ и промысловъ,—откуда разливались свѣтъ, жизнь и образованіе по всей странѣ.

Если мы обратимся, теперь, къ религіозному воспитанію, то здѣсь прежде всего самъ собою представится вопросъ: успѣлъ-ли буддизмъ,—какъ вполне успѣло христіанство,—испровергнуть идолопоклонство и принести погрязшему въ порокахъ идолопоклонства человѣчеству истинныя и вполне достойныя Бога и человѣка понятія о Божествѣ? Мы должны отвѣтить на этотъ вопросъ рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Первоначальный буддизмъ самъ былъ атеизмомъ. Но безъ всякаго Бога человѣческой родъ никогда не оставался и не можетъ остаться. Разумъ и сердце требовали и будутъ требовать настоятельно высочайшаго предмета почитанія и благоговѣйнаго поклоненія. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого неудержимаго стремленія въ буддизмѣ было то, что вскорѣ была обоготворена личность самого Будды. Уже въ каноническихъ книгахъ находятъ множество сверхчеловѣческихъ чертъ въ образѣ Будды; но все-таки здѣсь еще рѣшительно преобладаетъ человѣческая сторона. Поэтому-то, напримѣръ, такой ученый, какъ Кернъ, сдѣлалъ даже попытку изъ сверхъестественныхъ чертъ въ образѣ Будды воспроизвести образъ первобытнаго индійскаго Божества; между тѣмъ какъ Ольденбергъ почти исключительно изображаетъ предъ нами человѣческую сторону въ образѣ Будды. Однако, и Ольденбергъ самъ выставляетъ на видъ, что онъ вовсе не намѣренъ совершенно отвергать присутствіе въ образѣ Будды чертъ божественныхъ. Замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ, что Будда есть лишь человѣческой учитель, онъ продолжаетъ: „Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ права утверждать, что въ вѣрованіяхъ общины личность Будды не переступила границъ земной, человѣческой реальности, что буддистская догматика не осѣнила вѣнцемъ всемірнаго величія его главу... Глазъ индуся привыкъ, вѣдь, на каждомъ шагу ставить естественныя, присущія этому міру явленія въ фантастическія перспективы какихъ-то неизмѣримыхъ далей. Чѣмъ долѣе останавливалось мышленіе на какомъ либо созерцаніи, чѣмъ чаще возвращалось оно къ нему, тѣмъ болѣе исчезало предъ нимъ человѣческое, земное, уступаая мѣсто типическому, воображаемому, всеобщему“ ¹⁾.

Поклоненіе богамъ и истуканамъ Будда довольно часто называлъ глупостію. Въ благодарность за это его ученики и послѣдователи его самого сдѣлали своимъ богомъ и идоломъ, и это идолопоклонство вовсе не принадлежитъ къ числу самыхъ утонченныхъ и замысловатыхъ формъ идолопоклонства, въ то время почти всеобщаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно

¹⁾ У Ольденберга, указан. сочин., стр. 268.

вспомнить только, каковы тѣ идола, которымъ, въ смыслѣ мнимыхъ останковъ Будды, воздавалось и воздается пышное чествованіе. Выдающееся мѣсто въ такихъ истуканахъ занимаютъ четыре глазныхъ зуба; одинъ изъ нихъ есть не что иное, какъ кусокъ желтоватой слоновой кости, длиною въ 2 дюйма и на нижнемъ концѣ — шириною въ 1 дюймъ; другой былъ въ 5 дюймовъ длины и 4 дюйма ширины. Одна кость изъ черепа Будды равнялась 1 футу и 2 дюймамъ. Глазные яблочки Будды по величинѣ равнялись плодамъ манго. Точно такъ же почитались перья птицъ, волосы и кости животныхъ и т. п., которыя признавались за останки Будды изъ его существованій до принятія имъ человѣческаго образа ¹⁾).

Изображенія Будды встрѣчаются въ буддистическихъ странахъ часто и въ большомъ количествѣ; первоначально они, очевидно, составлялись съ замѣтнымъ подражаніемъ изображеніямъ ведійскихъ боговъ, и показываютъ „Всесовершеннаго“ то въ сидячемъ, то въ стоячемъ, и рѣже въ лежащемъ положеніи. Этимъ изображеніямъ совершенно такъ же, какъ и истуканамъ браманизма и другихъ языческихъ религій, воздается почтеніе въ видѣ жертвъ и поклоненій; только жертвы уже не кровавыя, но состоятъ изъ цвѣтовъ, листьевъ, благовопій и т. п.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что прогрессъ буддизма заключался въ томъ, что здѣсь на мѣсто многихъ прежнихъ боговъ выступаетъ уже одинъ богъ—Будда; ибо монотеистическое язычество, все же, нѣсколько лучше, чѣмъ политеистическое. Но это опять-таки можно бы сказать развѣ только относительно буддизма самой ранней поры. Съ теченіемъ же времени, и въ этомъ отношеніи буддизмъ пересталъ существенно отличаться отъ прочихъ языческихъ религій. Такъ, кромѣ самого Сакія-Муни современемъ были обоготворены также и его ученики и послѣдователи, равно какъ и Будды, являшіеся въ болѣе ранніе періоды міра. „Да и весьма естественно, что историческій образъ одного дѣйствительнаго Будды превратился для догматики въ безконечное число предше-

¹⁾ Ср. у Kern-a, Buddhismus, II, 159 дал.

ствовавшихъ ему и грядущихъ за нимъ Буддъ... Оно, вѣдь, и послѣдовательно: такъ какъ рядъ Буддъ проходитъ неизмѣримые періоды времени, то и столь же неизмѣримыя пространства должны имѣть каждое своего Будду" ¹⁾. Дѣйствительно, въ скоромъ времени каждая отдѣльная страна имѣла уже своего собственнаго Будду, котораго она и чтитъ какъ Бога, — Японія—своего *Сіака* и своего *Амида*, Китай—своего *Фо*, Тибетъ своего живого Будду—*Далай-ламу*.

Но этого казалось мало; въ буддійскій пантеонъ были приняты также и древнія божества народной религіи. Кернъ говоритъ о религіи сингалійцевъ на островѣ Цейлопъ, что собственно она уже весть буддизмъ, но обоготвореніе Бога Вишну. „Ни отъ кого, кто призываетъ наблюдать факты, и не можетъ скрыться то, что сингалійская религіозная община, несмотря на нѣкоторыя характеристическія особенности, въ цѣломъ своемъ развитіи пошла по стопамъ сѣверныхъ сектъ и религіи индусовъ. Какія-бы теоріи не проповѣдывались въ монастыряхъ, убѣжденіе народа ни во время Паракрамы—Вагу (13 столѣт. по Р. Хр), ни въ послѣдствіи не уклонялось въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ отъ язычески-индусскихъ воззрѣній“. Точно также и въ Тибетѣ, Китаѣ, Японіи буддизмъ гораздо болѣе близокъ къ древней религіи индусовъ, нежели къ первоначальному ученію Будды ²⁾.

Съ этимъ мнѣніемъ Керна вполне согласуются тѣ очерки современнаго буддизма, которые можно находить у большинства повѣйшихъ путешественниковъ и которые изображаютъ предъ нами буддизмъ въ названныхъ странахъ въ видѣ самой низкой ступени идолопоклонства. Въ большей части случаевъ нынѣшній буддизмъ не сохранилъ изъ всего ученія и религіозной системы своего основателя ничего, кромѣ пустаго названія, самое это ученіе превратилось теперь въ прямо противоположное. Поэтому, кто утверждаетъ, что буддизмъ, въ смыслѣ древнихъ каноническихъ книгъ, еще и теперь насчитываетъ между своими послѣдователями добрую треть совре-

¹⁾ У Ольденберга, указан. сочин., стр. 268—269.

²⁾ Kern, Buddhismus, II, стр. 486 и 550.

меняго человечества, тотъ просто идетъ на-перекоръ очевидной истинѣ. Ученіе Татагаты оказалось вовсе не такою силою, которая могла-бы побѣдить ложь и заблужденіе, но скорѣе— безформенною массой, изъ которой всякая посторонняя рука могла вылѣпить что угодно. Большаго моральнаго безсилія— побороть политеизмъ и вообще религіозныя заблужденія—ни одна другая система не доказала такъ ясно, какъ буддизмъ.

Что касается нравственнаго вліянія буддизма въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова „нравственность“, то въ этомъ отношеніи дѣло буддизма находится еще въ худшемъ состояніи. Люди, не довѣряютъ которымъ нѣтъ никакихъ основаній и свидѣтельства которыхъ, по крайней мѣрѣ, доселѣ не опровергнуты и даже не подвергнуты сомнѣнію, въ названномъ отношеніи сообщаютъ намъ о буддизмѣ по-истинѣ ужасные факты.

Въ числѣ первыхъ писателей, познакомившихъ Европу съ жизнію буддистовъ вообще и въ частности—буддійскихъ монаховъ, на основаніи собственныхъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній, былъ католическій миссіонеръ Францискъ Ксаверій, —человѣкъ который, кажется, не въ состояніи былъ добровольно и сознательно оклеветать цѣлое сословіе буддійскихъ монаховъ, который притомъ не довѣрялъ легковѣрно всякому ходячему слуху, но самъ имѣлъ достаточно наблюдательности, чтобы изслѣдовать вещи въ истинномъ видѣ... Къ тому же, какъ увидимъ ниже, его очерки и извѣстія вполне подтверждаются новѣйшими изслѣдователями характера и жизни японцевъ. Онъ воздаетъ величайшую похвалу японцамъ за ихъ безкорыстіе, правдивость и рѣшительность характера. Но когда онъ начинаетъ говорить о буддійскихъ *бонзахъ* (монахахъ), душа его, дѣйствительно, переполняется скорбію, при взглядѣ на разнаго рода плутни и бездѣльничества японскихъ монаховъ, „на которыя нельзя смотрѣть безъ скорби и сожалѣнія“. Онъ часто упоминаетъ объ ихъ нравственномъ паденіи и рисуется его рѣзкими красками.

„Въ прежнее время, *бонсы* и *бонсиссы* (монахи и монашки), которые не соблюдали хотя одной изъ пяти заповѣдей, наказывались смертію государями и правителями тѣхъ городовъ, гдѣ они находились,—все-равно—предавались-ли они любодѣ-

янію, воровству или лжи, или убивали челоуѣка или другое живое существо и ѣли, или даже пили вино. Теперь же дисциплина необычайно ослабѣла или припла въ полный упадокъ; ибо большинство пьютъ вино, ѣдятъ тайно мясо, предаются обману и открыто прелюбодѣйничаютъ "... Отвратительный порокъ мужеложства, или такъ называемая педерастія, слишкомъ у нихъ обыкновенна. „И въ этомъ они сами сознаются и утверждаютъ, что это не грѣхъ; поэтому и народъ, по ихъ примѣру, нисколько не воздерживается отъ этого постыднаго порока. Именно говорятъ обыкновенно: если это позволительно бонсамъ, то отчего это не должно быть позволительно мірянамъ? Доходитъ до того, что бонсы въ своихъ монастыряхъ содержатъ очень много женщинъ, о которыхъ они говорятъ, что это жены ихъ крестьянъ. Народъ соблазняется этимъ, смотря подозрительными глазами на короткое обращеніе бонсъ съ этими женщинами... Я не удивляюсь,—заключаетъ этотъ очеркъ Францискъ,—что бонсы запятнаны столь многими и столь великими пороками; ибо каста людей, которые воздаютъ божеское почтеніе дьяволу, необходимо должна подвергнуться безчисленнымъ, постыднымъ порокамъ". Одного этого мѣста, конечно, достаточно, хотя тотъ-же писатель очень часто высказывается, даже противъ собственнаго желанія, неодобрительно о поведеніи буддійскихъ бонсъ въ Японіи ¹⁾).

Но, быть можетъ, нравственное состояніе нынѣшнихъ буддійскихъ монаховъ улучшилось сравнительно съ прежнимъ? Это можно, пожалуй, утверждать, но лишь настолько, насколько нынѣшній буддизмъ, соприкасаясь съ христіанской цивилизаціей, теряетъ всякое свое вліяніе. Японское монашество, конечно, давно уже не проявляетъ той своей силы, какъ во время Франциска Ксавера. Впрочемъ, о нравственномъ подъемѣ ихъ, кажется, не можетъ быть еще рѣчи. Въ книгѣ д-ра *Kellogg'a* ²⁾, одинъ писатель, лично наблюдавшій жизнь

¹⁾ Въ ж. „*Stimmen aus Maria-Laach*“, ссылка на „*Leben und Briefe des hl. Franziskus Xaverius*“. Von E. de Vos. Münster 1877. Bd. 2. s. 155 и дал. 159 и дал. 163.

²⁾ У *Kellogg-a*, *The Light of Asia and the Lighthof the World*, p. 359 и слѣд.

нынѣшнихъ буддистовъ въ Японіи, говорить объ нихъ: „Было бы несправедливо привлекать религію къ отвѣтственности за все, что совершается во имя ея, или считать религію худою потому, что очень худые люди считаютъ себя въ числѣ ея послѣдователей. Но не будетъ несправедливостію—судить о религіи по поведенію огромной массы тѣхъ, которые считаются ея признанными учителями... Въ какомъ видѣ находится нравственность буддѣйскихъ жрецовъ въ Японіи? Уважаются ли они за свое высокое чувство чести, за свою выдающуюся любовь къ истинѣ, за свой чистый образъ жизни? Или быть можетъ, уже самый этотъ вопросъ скорѣе кажется смѣшнымъ? Не извѣстны-ли они имѣнно своими противоположными качествами?... Обманъ и воровство всеобщі и совершаются систематически, а что касается распутства, то оно и того хуже“. Одинъ буддѣйскій жрецъ сознавался, что изъ десяти его собратьевъ—жрецовъ едва ли найдется три непорочныхъ чело-вѣка; а другой говорилъ объ этомъ еще въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Точно такъ-же говорить и статистика госпиталей. Такъ, въ больницѣ въ Окаймѣ, напримѣръ, въ 1882 г. процентное отношеніе страдавшихъ безнравственными болѣзнями среди монаховъ было столь велико, какъ и среди мірянъ, именно у тѣхъ 1 на 3,8, у этихъ-же 1 на 3,846 ¹⁾.

Касательно Китая *д-ръ Edkins* пишетъ слѣдующее: „Такъ какъ буддистическая нравственная система страдаетъ такими недостатками и ошибками, то мы не должны удивляться и тому, что она была не въ состояніи—удержать своихъ послѣдователей на нравственной высотѣ... Буддѣйское переселеніе душъ, происходящее по законамъ какого-то моральнаго рока, послужило лишь къ тому, что свою собственную порочность и свою злую жизнь стали приписывать прежнему существованію. То добродѣтельное, чѣмъ еще владѣетъ китайскій (языческій) народъ, онъ имѣетъ благодаря религіи Конфуція. Буддизмъ могъ дать ему лишь идолослуженіе и ложныя понятія о загробной жизни, но сдѣлать его добродѣтельнымъ

¹⁾ Kellogg, тамъ-же.

онъ не могъ“. При этомъ монахи буддійскіе вездѣ поносятся за недостатокъ нравственности ¹⁾).

Ничего хорошаго нельзя сказать также о нравственномъ состояніи и прочихъ народовъ, исповѣдующихъ буддизмъ. Такъ, о бирманцахъ *Bigandet* свидѣтельствуешь въ своей „Жизни Будды“: „Если буддійскій моральный кодексъ имѣетъ въ себѣ силу — оказывать благопріятное нравственно-религіозное вліяніе на народъ, то все-таки у насъ совсѣмъ нѣтъ никакого фактическаго доказательства въ пользу этого“. Д-ръ *Kellogg*, приводя это свидѣтельство въ своей книгѣ, присовокупляетъ: „Писатель этотъ жилъ сперва въ Индостанѣ, а затѣмъ въ Бирманѣ. Его опыты привели его къ увѣренности, что индусы, которые еще не имѣютъ строгихъ понятій о благонравіи, все-таки, по сравненію съ бирманцами, люди благонравные“ ²⁾. Эти общія сужденія мы можемъ подтвердить еще слѣдующими фактами, ясно обнаруживающими все безсиліе буддизма смягчать дикіе нравы своихъ послѣдователей. Въ книгѣ: „Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ древняго и новаго міра“, — такъ характеризуется бирманскій кодексъ: „Лютѣйшія пытки и казни составляютъ отличительную черту характера бирманскаго кодекса. Легчайшія наказанія — тюрьма и цѣпи; за нимъ слѣдуютъ: кнутъ, увѣчье, отдача въ рабство, приниска къ отверженной кастѣ храмовыхъ прислужниковъ. Казни отличаются всей утонченностію изобрѣтательнаго на муки варварства. Преступнику, смотря по фантазіи судьи, рубятъ голову, распарываютъ животъ, или его топятъ, жгутъ живымъ, отдаютъ на растерзаніе звѣрямъ. Иногда ему пронзаютъ грудь огромнымъ гвоздемъ и, привязавъ къ столбу на берегу рѣки, оставляютъ тамъ покуда не изойдетъ кровью или не захлебнется отъ прилива волны. Распятіе на крестѣ и заливка горла расплавленнымъ оловомъ — казни тоже весьма обыкновенныя“ ³⁾. По свидѣтельству Джемса Эмерсона Теннента, приведенному въ книгѣ д-ра *Kellogg-a*, въ обыденной жизни

¹⁾ Chinese Buddhism. By Dr. I. Edkins. London. 1880, стр. 199.

²⁾ У *Kellogg-a*, назван. сочин., стр. 362.

³⁾ См. назван. книга: *Древній міръ*, стр. 184 — 185. Ср. тамъ-же, стр. 194: о казняхъ въ Сіамѣ и др.

жителей острова Цейлона нравственность и добродѣтель составляютъ лишь едва замѣтное исключеніе изъ правила совершенно противоположнаго. А протестантскій епископъ Шершевскій пишетъ вообще о буддійскихъ странахъ: „*Болше двадцати лѣтъ* изучалъ я буддизмъ; я основательно прочиталъ буддійскія книги; я разговаривалъ съ сотнями буддистическихъ жрецовъ и монаховъ въ Китаѣ, Тибетѣ, Монголіи; я посѣтилъ многіе буддійскіе храмы, я даже жилъ въ нихъ. Поэтому, откладывая въ сторону всякую ложную учтивость..., я чувствую себя въ правѣ утверждать, что никогда никакая ложная религія не распространяла среди человѣчества столь колоссальной системы обмана, бессмыслицы и идолопоклонства“¹⁾.

Допустимъ даже, что всѣ эти извѣстія характеризуютъ позднѣйшій нравственный упадокъ буддизма,—упадокъ, котораго въ болѣе раннія времена не было даже и малѣйшаго слѣда; но и тогда, все-таки, это доказывало-бы лишь то, что ученіе Татгагаты не имѣло въ себѣ силы—сохранить огромную массу своихъ послѣдователей отъ нравственнаго паденія. Но дѣло въ томъ, что такое предположеніе было-бы совершенно несправедливо, какъ это довольно ясно видно изъ каноническихъ книгъ буддизма²⁾. Между прочимъ, буддійскіе монахи, эти „земные святые“, какъ извѣстно, вообще были обязаны исполнять свои обѣты лишь до той минуты, пока имъ это было угодно. Если, напримѣръ, иному монаху почему-либо надоѣдала монастырская жизнь, и онъ рѣшалъ развязать себѣ руки, то онъ просто только доводилъ о томъ до свѣдѣнія главы монастыря, и затѣмъ объявлялось, что онъ свободенъ отъ своихъ обѣтовъ и можетъ выйти изъ монастыря. Во многихъ буддійскихъ странахъ есть даже обычай, что всякій желающій надѣваетъ монашескій клобукъ и рясу, напримѣръ, на два мѣсяца или на двѣ недѣли, а часто даже всего на два дня. На Цейлонѣ, напримѣръ, очень мало такихъ монаховъ, которые оставались-бы въ этомъ состояніи всю жизнь;

¹⁾ Kellogg, назван. сочин., стр. 363.

²⁾ Kern, Buddhismus, II, 121.

напротивъ, весьма много такихъ, которые пристають къ монашескому ордену на весьма короткое время. При такихъ условіяхъ весьма легко понять, какимъ превосходнымъ мѣстомъ для нравственнаго образованія человѣка служить это учрежденіе, которое похоже скорѣе на голубятникъ, чѣмъ на монастырь.

Посему, пусть превозносятся буддизмъ его модные европейскіе поклонники, сколько имъ угодно; но приписывать ему возвышенные взгляды на жизнь и великую силу нравственнаго облагороживанія человѣка—пустая затѣя. Когда же мы видимъ усилія сравнить Будду съ нашимъ Божественнымъ Спасителемъ, ставить буддизмъ на мѣсто христіанства, буддійскихъ монаховъ—рядомъ съ христіанскими подвижниками, наконецъ—отожествлять буддистическій культъ идоловъ съ нашимъ христіанскимъ богослуженіемъ, — однимъ словомъ, желаніе обезразличивать эти двѣ совершенно различныя религіи; то мы имѣемъ право назвать все это бессмысленной и низкой клеветой. Но иногда почитатели буддизма, въ слѣпомъ увлеченіи своимъ идоломъ, заходятъ еще дальше простаго сопоставленія и даже отождествленія христіанства съ учевіемъ Сакія-Муни, и готовы утверждать, что всякое дальнѣйшее развитіе религіознаго сознанія будетъ приходить непременно къ буддизму, хотя въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ, но въ сущности вѣрно отражая его природу. При этомъ иные напоминаютъ совѣтъ Шлегеля „что если хотятъ знать, въ чемъ состоитъ религія въ собственномъ смыслѣ, то пусть отправляются пилигримствовать въ Индію, гдѣ все еще можно найти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые истинныя остатки ея“. Итакъ, религія безъ Бога, безъ индивидуальной души, безъ личнаго блаженства, даже совершенно безсильная создать истинную цивилизацію и возвысить человѣка нравственно—вотъ „истинныя остатки“ религіи въ собственномъ и истинномъ смыслѣ слова, — остатки, которымъ мы должны обучаться и съ этою цѣлю отправляться пилигримствовать въ Индію! Христа и совершеннаго Имъ всемірно-историческаго дѣла спасенія человечества отъ рабства грѣху и пороку—эти люди болѣе уже не причисляютъ къ „истиннымъ остаткамъ“ религіи въ настоящемъ значеніи этого слова!

Христосъ сказалъ намъ, что кто не послѣдуетъ Его учению, тотъ будетъ ходить во тьмѣ. Если, поэтому, въ настоящее время многіе возражаютъ противъ этого, что и Будда есть также свѣтъ и ведетъ къ свѣту, то этимъ они доказываютъ лишь то, что сами они—слѣпцы, утратившіе уже способность видѣть истину. Будда-же не можетъ считаться ни „свѣтомъ Азіи“, ни тьмѣ болѣе „свѣтомъ міра“. Свѣтъ для всѣхъ есть лишь Тотъ, о Которомъ написано: „Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ“. (Іоан. 1, 9).

Свящ. А. Балановскій.

О СЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ

ВЪ

ЦЕРКОВНОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ.

Едва-ли найдутся народы, которые-бы такъ легкомысленно относились къ завѣтамъ собственной старины, къ остаткамъ прошлой исторической жизни, какъ народы славянскіе. Достаточно привести кому нибудь два, три отвлеченныхъ соображенія, да указаніе на противоположный обычай другаго народа, хотя-бы ничѣмъ особо не выдающагося, чтобы мы готовы были вдругъ порвать всякую связь съ историческимъ прошлымъ, начать все сызнова, ни мало не обращая вниманія на то, что произойдетъ отъ подобной перемѣны. вмѣсто того, чтобъ обсудить вопросъ возможно всесторонне, чтобъ понять дѣло въ его живой дѣйствительности, уловить его многостороннюю связь со многими иными явленіями,—вмѣсто всего этого мы довольствуемся двумя, тремя отвлеченными давными, нерѣдко притомъ не давая себѣ труда болѣе глубоко проникнуть въ самую сущность тѣхъ доводовъ, которыми пользуемся. Мы, русскіе, конечно, не составляемъ въ этомъ отношеніи исключенія среди своихъ соплеменниковъ.

Такое именно впечатлѣніе производитъ статья Церковнаго Вѣстника (№ 48): „Богослуженіе на русскомъ языкѣ, какъ средство противодѣйствія сектантству“. Правда, судя по заглавію статьи, можно думать, что здѣсь разсматривается только

частный вопросъ о богослуженіи на русскомъ языкѣ, лишь какъ средство противодѣйствія сектантству; но ближайшее знакомство со статьей наводитъ на мысль, что сектантство здѣсь— лишь поводъ высказать то, что представляется пишущему весьма желательнымъ и вообще само по себѣ. Правда и то, что ближайшія желанія, выражаемая въ статьѣ, весьма умѣренны: русское богослуженіе не слѣдуетъ вводить „по указу и повсемѣстно“, а лишь „позволить“ совершать его по мѣстамъ, въ видѣ опыта. И эта умѣренность, очевидно, весьма похвальна; но она не уничтожаетъ совершенно необходимости—по крайней мѣрѣ желательности—болѣе всесторонняго обсужденія вопроса: какъ скоро уже онъ возбужденъ, лучше высказаться прямо и обсудить вопросъ болѣе всесторонне, чѣмъ не договаривать и ослаблять значеніе вопроса, рассматривая его лишь какъ одно изъ средствъ для одной изъ цѣлей.

Въ виду всего этого и мы воспользуемся указанной статьей, какъ поводомъ изложить свои соображенія, по вопросу о языкѣ богослуженія. Мы придадимъ при этомъ своему изложенію видъ разбора указанной статьи, такъ какъ намъ кажется это болѣе удобнымъ, но извиняемся заранее: у насъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія входить въ словопренія съ журналомъ, издаваемымъ при академіи, которой мы обязаны благодарностью; поэтому могущія показаться рѣзкими выраженія должны быть относимы лишь къ горячности душевнаго склада пишущаго.

Статья начинается указаніемъ той „старой, но полузабытой истины“, что „цѣль нашего православнаго богослуженія заключается въ назиданіи или, выражаясь буквально, домостроительствѣ“ (Римл. VI, 13; XII, 1; 1 Коринѣ. XIV, 33, 40; XI, 20; 1 Петр. II, 5). „Вполнѣ ошибочнымъ“—говоритъ статья—„является то, очень распространенное мнѣніе, по которому назидательный моментъ въ богослуженіи приписывается только проповѣдническому слову. Для нашего богослуженія такія границы оказываются очень тѣсными, ибо оно всецѣло со всѣмъ великимъ и стройнымъ своимъ разнообразіемъ направлено къ достиженію вышеуказанной цѣли“. Очевидно,

все это мысли прекрасныя и глубоко вѣрныя; если и есть въ нихъ нѣчто могущее навести на небольшое сомнѣніе, то развѣ то: Во-первыхъ не узко-ли понимается цѣль богослуженія? не представляется-ли она исключительно въ нравственномъ назиданіи? не забывается-ли при этомъ жертва, благодареніе, прославленіе, молитва? Нѣкоторыя выраженія, стоящія ниже, могутъ навести на эту мысль. Во-вторыхъ: зачѣмъ было приводить столько указаній изъ Св. Писанія для доказательства столь очевидной истины? А если уже рѣшено было привести указанія на Св. Писаніе, то зачѣмъ было приводить столько мѣстъ, изъ которыхъ почти ни одно не говоритъ прямо о богослуженіи? Даже Римл. VI, 13: выраженіе *λογικὴν λειτουργίαν*—словесное служеніе—можетъ быть понимаемо и не въ смыслѣ богослуженія; и такъ именно оно и понимается въ русскомъ переводѣ библіи.

Но пусть такъ; согласимся, что богослуженіе должно быть назидательно, а для этого—общепонятно (мысль къ которой сводится все въ разбираемой статьѣ),—что дальше? Можетъ быть то, что св. православная Церковь допускаетъ богослуженіе на всѣхъ языкахъ, а слѣдовательно и на русскомъ?

Если только; если требовалось дѣть лишь принципиальное рѣшеніе вопроса, то объ этомъ не стоило заводить рѣчь: что наша Церковь не признаетъ никакого оффиціально-церковнаго языка,—это общеизвѣстная истина, это существующая дѣйствительность. Въ частности противъ употребленія въ богослуженіи русскаго языка—если вести рѣчь принципиально—намъ кажется даже странно возбуждать вопросъ.

Но иное дѣло рѣшить вопросъ въ принципѣ, отвлеченно, и иное дѣло рѣшить его, принимая во вниманіе всѣ условія живой дѣйствительности, всесторонне обсудивъ слѣдствіе такого или иного рѣшенія дѣла въ виду существующихъ условій. Въ этой-то послѣдней сторонѣ дѣла именно и заключается вся сущность, тогда какъ у насъ нерѣдко случается: укажутъ два, три отвлеченныхъ довода за такое или иное рѣшеніе вопроса, которое притомъ само по себѣ почти не требовало разсужденія—и тѣмъ удовлетворятся, думая, что все тѣмъ и рѣшили и что если кто думаетъ и говоритъ не такъ, тотъ не понимаетъ самыхъ основныхъ истинъ.

Въ виду этого, чтобы быть лучше понятыми, выскажемся прямо: мы считаемъ необходимою полную свободу для всѣхъ народовъ, содержащихъ или только принимающихъ православіе молиться на томъ языкѣ, который имъ лучше нравится, будетъ-ли это свой или чужой. Поэтому, намъ крайне непріятно слышать, что эта свобода иногда стѣсняется, какъ напр., можно думать относительно Грузіи: государственныя цѣли не должны быть достигаемы въ ущербъ любви и свободѣ церковной жизни; служители Церкви должны помнить, что въ Церкви нѣсть Еллинъ и Скиѣ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христось. Но коль скоро заходить рѣчь относительно употребленія въ богослуженіи славянскаго языка славянскими-же народами—дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ: здѣсь стремленіе къ единенію въ области общаго всѣмъ языку само собой встрѣчается и согласуется съ однимъ изъ самыхъ высшихъ стремленій самой святой Церкви къ единенію всѣхъ людей въ мирѣ, любви, равенствѣ, братствѣ. Здѣсь желаніе „да будетъ едино стадо и единъ пастырь“ даже во внѣшности жизни и богослуженія не только не заключаетъ въ себѣ ничего противощерковнаго, но является лишь выраженіемъ братской любви и стремленія къ единству. Но на какомъ языкѣ сойтись всѣмъ православнымъ славянамъ, какъ не на томъ, который является не языкомъ какого нибудь одного народа, но языкомъ общимъ всѣмъ имъ, употребленіе котораго освящено вѣками столь-же въ Россіи, какъ въ Болгаріи и Сербіи, столь-же въ Великороссіи, какъ и Малороссіи.

Но намъ говорятъ: стремленіе къ единенію хорошо, но можно-ли этому единенію жертвовать разумностью и сознательностью молитвы? Вѣдь и латиняне, въ видахъ тоже единства, узаконили службу на мертвомъ языкѣ поработорителя вселенной—Рима! Въ разбираемой статьѣ мы прямо читаемъ слѣдующее относительно слѣдствій богослуженія на церковно-славянскомъ языкѣ. Задавъ вопросъ: „въ достаточной ли степени религіозное сознаніе вѣрующихъ освояется съ содержаніемъ нашего богослуженія?“ статья отвѣчаетъ: „Если мы съузнимъ вопросъ до возможнаго мінімум'а, т. е. ограничимся только однимъ, такъ сказать, грамматически-логическимъ

пониманіемъ церковно-богослужебныхъ молитвъ и пѣснодѣній, то и тутъ получаютъ далеко неудовлетворительные отвѣты. Немногіе даютъ себѣ ясный и точный отчетъ въ содержаніи богослуженія; между тѣмъ остальные въ огромномъ большинствѣ, что касается сознательнаго его усвоенія, остаются только пассивными въ немъ участниками. Что бы ни говорилось въ защиту существующихъ порядковъ, никто не будетъ оспаривать малодоступности церковно-славянскаго языка для пониманія даже вѣсколько образованной части нашего общества, не говоря уже о простомъ народѣ, относительно котораго можно сказать, что до какого бы совершенства мы ни довели церковно-приходскія школы, никогда мы не въ состояніи будемъ ознакомить простой народъ съ церковно-славянскимъ языкомъ настолько, чтобы въ богослуженіи не оставалось для него ничего непонятнаго“.

Мы могли бы согласиться съ дѣйствительностію указываемаго явленія, еслибъ намъ при этомъ не представлялся въ живомъ образѣ такой случай: разъ мнѣ пришлось говорить съ однимъ юношей именно о настоящемъ вопросѣ въ присутствіи пожилой женщины, родомъ изъ крестьянъ, не умѣвшей ни читать, ни писать. Когда рѣчь зашла довольно далеко, я захотѣлъ получить болѣе живое доказательство того, что непонятность церковно-славянскаго языка обыкновенно преувеличиваютъ, и обратился, къ сидѣвшей въ одной съ нами горничнѣ, помнянutoй женщиной съ вопросомъ, понимаетъ ли она, что поютъ и читаютъ въ церкви? на что она прямо и рѣшительно отвѣтила, и потомъ стала настойчиво утверждать, что „все понимаетъ“. Что здѣсь въ выраженіи, конечно, должно признать преувеличеніе, ясно само собой. но тѣмъ не менѣе случай говорить самъ за себя, и если „Церк. Вѣстн.“ довѣряетъ единичному свидѣтельству отщепенца Бибикова ¹⁾, который не понимаетъ славянскаго языка, то пусть онъ довѣритъ

¹⁾ Мы не говоримъ о томъ насколько можно довѣрять иновѣрцамъ въ дѣлахъ, касающихся Православія: здѣсь не рѣдко можно встрѣтиться съ намеренною ложью. Такъ указанный штундистъ Бибиковъ могъ указать на непонятность славянскаго языка со словъ нѣмецкихъ порицателей Православія со скрытою ироніею.

и дщери Церкви православной, которая понимаетъ этотъ языкъ. Но такъ и быть, самое явленіе мы готовы признать: православное богослуженіе не весьма многими понимается вполне, — но гдѣ источникъ этого? — Не говоримъ, научно ли, — хоть сколько нибудь основательно ли указавъ на явленіе, сразу объяснять его изъ первой, попавшейся причины? Неужели такъ все рѣшительно только и зависитъ отъ языка, а не отъ общей неразвитости, особенно въ дѣлѣ вѣры? Если все дѣло въ языкѣ, — то какъ я, будучи одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ и учась въ уѣздномъ училищѣ, могъ наслаждаться чтеніемъ житій святыхъ св. Димитрія Ростовскаго? Мнѣ скажутъ: все-таки вы не понимали вполне всего, точно также какъ и относительно народа вообще статья говоритъ, что никакія школы не въ силахъ сдѣлать, чтобъ для простаго народа „въ богослуженіи не оставалось ничего непонятнаго“. И съ этимъ, конечно, легко согласиться; но кто же не согласится и съ тѣмъ, что и одинъ переводъ богослуженія на русскій языкъ, помимо всего другого, не сдѣлаетъ рѣшительно „все“ понятнымъ. А если такъ, то обо „всемъ“ лишне и говорить; говорить приходится лишь о большей понятности, о степени и мѣрѣ, — и только, тѣмъ болѣе, что и теперь славянскій языкъ для насъ не то же, что латынь для поляковъ, — а наши раскольники показываютъ примѣръ того, что живое и искреннее отношеніе къ дѣлу вѣры можетъ даже не ученаго мужика освоить настолько съ языкомъ его вредковъ, что онъ будетъ въ состояніи самъ писать на немъ, не дѣлая болѣе ошибокъ, чѣмъ сколько бы онъ сдѣлалъ, пиша на литературномъ русскомъ языкѣ.

Но согласимся, что не мѣшаетъ достигъ и сравнительно не-многого улучшенія, если уже нельзя достигъ полнаго блага, и для этого перевести богослуженіе на русскій языкъ, — но вотъ вопросъ: на какой языкъ? Главныхъ нарѣчій у насъ три: великорусское, малорусское и бѣлорусское, — а не забудьте, что вы имѣете дѣло съ народомъ: относительно нашего, такъ называемаго, образованнаго общества скажемъ ниже. Такъ какъ же теперь вести дѣло? Раздѣлить Россію на три части? Но этого такъ же будетъ мало; извѣстно, что простонародныя на-

рѣчія какъ Великой, такъ и Малой Руси довольно различны: нарѣчія Орловской и Рязанской губерніи не вполнѣ будутъ понятны въ Вологодской и Новгородской губерніяхъ. И такъ насколько же частей раздѣлить Россію? Когда дѣло шло о раздѣленіи съ Сербіей и Болгаріей, конечно, читающій видѣлъ въ желаніи единенія съ этими странами нѣчто болѣе или менѣе идеальное; но коль скоро предъ его глазами предстала возможность раздѣленія Россіи относительно языка богослуженія чуть не по уѣздамъ,—надѣюсь, онъ ощутилъ здѣсь нѣчто неловкое, странное, неприятное. А вѣдь безспорно, что объ единствѣ въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ Великой и Малой Руси, не можетъ быть и рѣчи, коль скоро имѣтъ въ виду дѣйствительную общепонятность языка. Но, конечно, Церковный Вѣстникъ, говоря о русскомъ языкѣ, разумѣлъ тотъ самый русскій языкъ, которымъ пишутся статьи въ немъ самомъ; на простонародныя нарѣчія онъ и не думалъ обращать вниманія. Но если понимать дѣло такъ, то кто не знаетъ, что нашъ литературный языкъ, не говоря о малороссѣ, даже деревенскому крестьянину Новгородской, Костромской, Владимірской губерній немного понятнѣе, чѣмъ церковно-славянскій; особенно если слова послѣдвяго произносятся четко и ясно. Оказывается, что если мы и переведемъ все богослуженіе на общерусскій языкъ, то мы угодимъ этимъ лишь тому поверхностно образованному обществу, которое не считаетъ трудомъ хотя поверхностно выучиться по-французски, по-нѣмецки, которое подчиняется необходимости учить своихъ дѣтей древнимъ языкамъ чуждыхъ народовъ и никакъ не можетъ согласиться употребить нѣсколько недѣль на изученіе особенностей древняго языка собственнаго племени. А вѣдь что нужно знать, чтобъ понимать отчетливо славянскую рѣчь? Образование прошедшаго неопредѣленнаго, преходящаго, роды причастія, окончанія множественнаго числа именительнаго, дательнаго, творительнаго и предложнаго падежей именъ мужескаго рѣда, да измѣненія трехъ гортанныхъ буквъ: г, к, х... Неужели это такая премудрость, которую нельзя постигнуть образованному человѣку въ нѣсколько дней? Неужели изъ за этого стоитъ подымать вопросъ? Намъ скажутъ, что непонят-

ность славянскаго языка зависитъ не столько отъ различія грамматики, сколько отъ различія словъ и неудобопонятности перевода. Но что касается различія словъ, то оно, вообще говоря, не значительно; особенно мало непонятныхъ словъ въ Евангеліи и во всемъ томъ, что переведено съ греческаго подлинника; иное дѣло гдѣ славянскій переводъ дѣлался съ греческаго перевода еврейскаго подлинника, какъ на примѣръ въ псалтыри. Здѣсь достаточно указать на вторую половину 67-го псалма, въ которой многое совершенно не доступно пониманію. Но отъ чего это зависитъ? Неужели отъ языка? Стоитъ только попытаться перевести все это на русскій языкъ, чтобъ увидать, что безсвязность и отсутствіе смысла выступать по-русски еще яснѣе. Если-же переводить со смысломъ, то придется переводить не со славянскаго, а съ еврейскаго, а это ясно показываетъ, что дѣло не въ славянскомъ языкѣ, а въ несовершенствѣ перевода. А поэтому, если уже и говорить о чемъ по поводу подобныхъ мѣстъ, то лишь объ исправленіи перевода, о довершеніи дѣла великаго патріарха, который, исправляя книги, не переводилъ ихъ на русскій языкъ, а только исправлялъ неточности.

Но едва-ли не самая большая ошибка людей, столь много ожидающихъ отъ русскаго богослуженія въ томъ, что они думаютъ, будто русскимъ богослуженіемъ они достигнутъ того, что всѣмъ будетъ все понятно, тогда какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что полное пониманіе богослуженія требуетъ весьма многого: не говоря о знаніи катихизиса, священной исторіи, оно требуетъ свѣдѣній въ древней исторіи вообще, въ археологіи, исторіи богослуженія и т. п. Чтобы сдѣлать нашу мысль понятнѣе, переведемъ на русскій языкъ первый ирмосъ канона великой Субботы. Вотъ славянскій текстъ: „Волною морскою скрывшаго древле гонителя мучителя подъ землею скрыша спасенныхъ отроцы, но мы, яко отроковицы, Господеви поимъ: славно бо прославися“. Вотъ русскій переводъ: „Того, Кто въ давнее время скрылъ морскою волною гонителя, мучителя, скрыли подъ землею потомки спасенныхъ; мы-же, подобно отроковицамъ, будемъ пѣть Господу, ибо Онъ славно прославился“.

Прочтите, читатель, и скажите, что пойметъ здѣсь чело-вѣкъ ничего никогда не слыхавшій о переходѣ израильтянъ черезъ Чермное море, о гибели египтянъ, пѣсни дѣвъ еврейскихъ, наконецъ о томъ, что первая пѣспь канона обыкновенно воспоминаетъ это событіе? Какъ понять помимо всего этого, кто этотъ гонитель, мучитель? Кто скрывшій его? Кто эти спасенные, потомки которыхъ скрыли полъ землю скрывшаго волною морскою гонителя? И это, конечно, не единственный примѣръ. Поэтому-то мы убѣждены, что полусознательное отношеніе къ богослуженію коренится не въ непонятности языка, а въ незнаніи прежде всего даже катихизиса и священной исторіи, не говоря о всемъ прочемъ. Кто знаетъ основы ученія вѣры и хотя кратко священную исторію, для того при внимательномъ отношеніи къ дѣлу, наше богослуженіе не можетъ быть непонятнымъ. Поэтому хотя-бы церковно-приходскія школы и не занимались много славянскимъ языкомъ, одно то, что они обучаютъ своихъ учениковъ катихизису и священной исторіи, сдѣлаетъ для послѣднихъ богослуженіе въ достаточной мѣрѣ понятнымъ.

Но все-таки скажутъ, русскій переводъ облегчилъ-бы дѣло? — Безъ сомнѣнія, отвѣтимъ мы, и отчего не перевести и даже съ приличными комментаріями и поясненіями всѣ наши богослужевныя послѣдованія, это было-бы весьма желательно. Но только надо при этомъ помнить, что переводъ и комментарий не то же, что подлинникъ. Никакой переводъ и поясненія не замѣнятъ подлинника Иліады: русскій переводъ ея оказывается для большинства скучнымъ наборомъ величественныхъ словъ и своеобразныхъ выраженій, лишенныхъ всякой поэтичности. Весьма нерѣдко краткая и сильная рѣчь лишается силы и красоты; коль скоро начинаютъ подробно разъяснять то, что въ ней содержится. Оттого-то разъясненія пословицъ бываютъ весьма полезны, но эти разъясненія не въ силахъ вполне замѣнить самыя пословицы. Точно также и всякіе переводы и поясненія поэтическихъ произведеній весьма полезны, способствуютъ болѣе глубокому пониманію самыхъ произведеній, болѣе сильному и сознательному наслажденію ими, — но подобно тому, какъ это разъясненіе не въ силахъ замѣнить

самый подлинникъ, также точно и желательный русскій переводъ и поясненія смысла богослуженія не въ силахъ вполне замѣнить славянскій подлинникъ.

Но мы уже слышимъ возраженіе: развѣ славянскій текстъ представляетъ изъ себя подлинникъ? — Не знаемъ только ждуть-ли отъ насъ отвѣта, утверждающаго, что славянскій текстъ дѣйствительно на три четверти подлинникъ. Разъяснимъ эту мысль. Какъ извѣстно, когда впервые переводились богослужебныя книги на славянскій языкъ, твердо установившихся правилъ, касательно словосочиненія этого языка не было; отсюда произошло то, что почти вездѣ славянскій переводъ слѣдуетъ правиламъ греческаго синтаксиса, замѣняя лишь слова греческія славянскими, но ни мало не измѣняя ихъ порядка и соотношенія. Отсюда происходитъ то, что вся сила и поэтичность греческаго подлинника почти всецѣло передается славянскимъ переводомъ. Этой точности передачи способствовало и сходство самыхъ языковъ: множество глагольных формъ и падежей въ томъ и другомъ, дательный самостоятельный, звательный падежъ, и даже, повидимому, нарочно изобрѣтенная искусственная замѣна греческаго опредѣленнаго члена славянскимъ мѣстоимѣніемъ: иже, яже, еже. Правда, мы не знаемъ какимъ представлялся древнеславянскій переводъ уху древняго славянина: можетъ быть послѣдній чувствовалъ нѣкоторое несоотвѣтствіе перевода своей обычной рѣчи. Но если это и было, то было давно; теперь же мы, не замѣчая вѣроятныхъ насилій славянскому синтаксису, вполне воспринимаемъ силу эллинской рѣчи подлинника: недостатки исчезли, остались лишь одни достоинства.

Но можно-ли чего либо подобнаго ожидать отъ русскаго перевода? Хотя вельзя отрицать значительнаго родства и русскаго языка съ греческимъ, тѣмъ не менѣе русскій синтаксисъ въ достаточной мѣрѣ уже установился, нарушать его будетъ неудобно, а слѣдовательно и точная передача всей силы греческаго подлинника будетъ невозможна. Помимо синтаксиса, чѣмъ замѣнить дательный самостоятельный и звательный падежи? Если вмѣсто того, чтобъ сказать: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя, скажемъ: Господь Іисусъ Хри-

стось Сывъ Божій, помилуй меня,—то не оцутить-ли всякій, какъ грубо и рѣзко звучить послѣднее выраженіе, какъ въ немъ болѣе слышится требованіе, чѣмъ сладостная молитва любящаго сердца, какъ-бы непосредственно заключающаяся въ самыхъ словахъ славянской рѣчи. Или можетъ быть найдутъ нужнымъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлать уступку славянской рѣчи и слѣдовательно, будетъ необходимо изобрѣсти новое посредствующее варѣчіе между церковно-славянскимъ и русскимъ литературнымъ языкомъ?—Но въ такомъ случаѣ, чѣмъ изобрѣтать новое варѣчіе, не лучше-ли исправить неточности или особо трудныя для пониманія мѣста въ находящемся уже въ употребленіи текстѣ?

Притомъ нельзя не замѣтить и того, что дѣло возбуждало-бы гораздо менѣе недоумѣній, еслибъ приходилось переводить повѣствованіе, болѣе или менѣе холодный рассказъ; но вѣдь, какъ извѣстно, большая часть нашего богослуженія представляетъ собою живое, поэтическое изліяніе глубокаго чувства, полнаго, то возвышено величественной прелести, то глубокой и вмѣстѣ проникнутой надеждой, любовью и раскаяніемъ скорби, то живой, сильной, искренней радости...

А кто не знаетъ, что чувство, особенно поэтическое, стоитъ въ несравненно большей связи съ словеснымъ выраженіемъ, чѣмъ отвлеченная или вообще холодная мысль. Этимъ-то объясняется, что переводы научныхъ сочиненій почти ничего не теряютъ въ своемъ достоинствѣ сравнительно съ подлинникомъ; переводы живыхъ, поэтическихъ описаній теряютъ значительно, особенно если языкъ перевода и языкъ подлинника довольно различны; стихотворныя-же произведенія иногда теряютъ въ переводѣ почти всякое значеніе.

Поэтому-то, въ случаѣ замѣны славянскаго служенія русскимъ, сама собою предстоить опасность усиліями дать большую логическую и грамматическую понятность молитвамъ и пѣснопѣніямъ лишить ихъ почти всякаго дѣйствія на чувство и тѣмъ самымъ подорвать ту возвышенную цѣль богослуженія, указаніемъ на которую „Церковный Вѣстникъ“ началъ свою статью. Какъ только въ погонѣ за яснымъ логическимъ пониманіемъ мы опустимъ изъ виду чувство, сами

собою получать смыслъ тѣхъ возраженій, о которыхъ говоритъ „Церковный Вѣстникъ“: „зачѣмъ ходить въ Церковь: я безъ того отлично знаю содержаніе и порядокъ богослуженія!“ Дѣйствительно, если все дѣло въ холодномъ пониманіи мыслей, то коль скоро мысль понята и усвоена, какой смыслъ повторять ее нѣсколько разъ? Иное дѣло, если тутъ замѣшано чувство: оно само собою требуетъ выраженія, повтореній. Поправившаяся мелодія сама собою повторяется нѣсколько разъ подъ рядъ. Тоже самое примѣнимо и къ религіозному чувству: человѣкъ, глубоко тронутый богослуженіемъ, ощутившій въ своемъ сердцѣ невыразимую прелесть порывовъ высочайшаго изъ чувствъ, самъ собою стремится къ поддержанію и повторенію этихъ порывовъ, самъ собою идетъ къ источнику ихъ. Напротивъ, тотъ чье сердце не коснулось животворное дѣйствіе Божественнаго слова, кто усваиваетъ его лишь разсудкомъ, тотъ, даже признавая достоинство совѣтовъ и предписаній Св. Писанія и основывающихся на немъ твореній, найдетъ довольно утомительнымъ частое повтореніе того, что онъ думаетъ—ему уже и такъ хорошо извѣстно.

Помимо всего этого могутъ встрѣтиться затрудненія правда временныя, но тѣмъ не менѣе не совсѣмъ лишеныя значенія: вліяніе привычки большинства и затрудненія въ примѣненіи употребительныхъ напѣвовъ къ новому переводу нельзя опускать изъ виду. Смущеніе и весьма сильное—здѣсь неизбѣжно, особенно для простаго народа.

Въ заключеніе упомянемъ о тѣхъ опасностяхъ, о которыхъ, повидимому, „Церковный Вѣстникъ“ совсѣмъ забываетъ. Въ ветхозавѣтной Церкви былъ обычай не давать читать нѣкоторыхъ священныхъ книгъ раньше извѣстнаго времени; въ первые вѣка христіанства существенная сторона таинства считалась именно тайною, знать которую недостойны невѣрныя. Даже по сей часъ приступающій къ причастію произноситъ слова: „не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ“. Равнымъ образомъ чтеніе бібліи безъ всякой подготовки и произвольное толкованіе ея всѣми далеко не считалось желательнымъ во всѣ вѣка. А у насъ хотятъ, нимало не задумываясь дать въ руки всякому на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ

изложеніе всего того, что созерцать и знать достоинъ лишь вѣрному сыну Церкви. Правда, вполнѣ сохранить тайну совершенія даже таинствъ теперь нѣтъ возможности; но подумать о томъ, какъ-бы доступное всѣмъ иновѣрцамъ и сектантамъ, понимающимъ нашъ разговорный языкъ, изложеніе существеннѣйшаго въ дѣлѣ вѣры не послужило лишнимъ поводомъ къ кощунству и другимъ нежелательнымъ явленіямъ, — не лишнее.

Церковный Вѣстникъ въ русскомъ богослуженіи видитъ средство противъ сектантства; а извѣстно-ли ему мнѣніе, видящее одну изъ причинъ развитія сектантства именно въ общедоступности русскаго перевода библіи? И, надо сказать правду, это мнѣніе не лишено основанія. Пока простой человѣкъ читалъ Св. Писаніе по-славянски, онъ много не понималъ, смиренно сознавалъ это свое непониманіе и не рѣшался толковать по своему. Что казалось ему согласнымъ съ общепринятымъ ученіемъ Церкви, то онъ усвоялъ изъ священной книги; а гдѣ ему казалось что либо недоумѣннымъ, непонятнымъ, тамъ онъ, сознавая свое неразуміе, или обращался за разъясненіемъ къ священнику, или просто мирился съ мыслию, что ему, человѣку темному, все знать нѣтъ возможности. Но дѣло стало совсѣмъ иначе: какъ скоро тому-же, полуученому грамотѣю, дали въ руки русскій переводъ библіи: не будучи подготовленъ къ пониманію ея, онъ также находилъ въ Св. Писаніи не мало противорѣчиваго или самому себѣ (Ветхій и Новый Завѣтъ) или ученію Церкви (напр. почитаніе иконъ, обрядность и ученіе о поклоненіи Богу духомъ, вторая заповѣдь); но тогда какъ читая славянскую книгу, онъ невольно сознавалъ, что многого не понимаетъ и потому не рѣшался придавать своимъ недоумѣніямъ большаго значенія, теперь, будучи убѣжденъ, что онъ вполнѣ ясно и основательно понимаетъ Св. Писаніе, онъ прямо уже отождествилъ свое личное одностороннее пониманіе дѣла съ самою истинною и отдѣлился отъ Церкви, учащей, по его мнѣнію, не согласно съ Св. Писаніемъ. Подобная-же опасность предстоитъ и при переводѣ богослуженія: иныя, напр., выраженія, касающіяся Божіей Матери, могутъ дать пищу грубому кощунству; иное

можетъ дать большую силу самонадѣянности тому, кто захочетъ судить и рядить вкривь и вкось о нашемъ богослуженіи.

Все это, конечно, не говоритъ прямо противъ перевода богослуженія на русскій языкъ, но тѣмъ не менѣе должно наводить на мысль, что такъ какъ все самое лучшее можетъ подлежать злоупотребленію,—въ проведеніи даже самыхъ лучшихъ мѣръ нужна значительная обдуманность и осторожность.

Поэтому-то, въ виду всего сказаннаго, мы думаемъ, что переложеніе славянскихъ богослужебныхъ книгъ на русскій языкъ принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы православной Церкви. Если-же мы хотимъ достигнуть возможно болѣе полной сознательности какъ въ дѣлѣ богослуженія, такъ и во всей жизни вѣрующихъ простыхъ людей, то мы должны стремиться къ общему просвѣщенію ихъ свѣтомъ истины Христовой, пользуясь между прочимъ тѣми средствами, какія доставляетъ церковно-приходская школа. Если русская школа будетъ дѣйствительно школою православною, то за пониманіемъ славянскаго языка дѣло не станетъ; если-же школа станетъ проводникомъ пустаго резонерства, раціонализма, вольнодумства, то русскій переводъ всего священнаго дастъ только лишнее орудіе въ руки самонадѣянныхъ недалекихъ умниковъ и грубыхъ насмѣшниковъ. Въ дѣлѣ вѣры, какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ, нужно помнить, что истинная любовь къ меньшимъ братьямъ далеко не всегда заключается въ снисхожденіи къ нимъ, въ увиженіи себя до нихъ, въ упрощеніи всего,—напротивъ, гораздо желательнѣе, еслибъ эта любовь выражалась въ возвышеніи низшихъ братьевъ до себя, въ умудреніи и развитіи ихъ настолько, чтобъ не было нужды для нихъ упрощать то, что понятно другимъ.

Алексѣй Струнниковъ.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XXXV.

Новокантианізмъ. Ограниченіе познанія условнымъ или относительнымъ—основной принципъ позитивизма. Выводъ этого принципа у Спенсера. Какъ обосновываетъ этотъ же принципъ Фр. Альб. Ляге—представитель новокантианізма? Отношеніе познанія къ познающему — условіе относительности познанія. Различіе этого отношенія отъ частнѣйшихъ отношеній, входящихъ въ составъ познанія и обозначаемаыхъ категоріями отношенія (субстанціальность, причинность, взаимодѣйствіе). Понятіе объ опытѣ, какъ взаимодѣйствія между организмомъ и вещами. Физико-психическая организація, какъ условіе познанія а priori. Въ чемъ состоитъ познаніе а priori по толкованію Ляге? Какъ понимается Ляге выводъ Канта о томъ, что познаніе наше ограничено явленіями?

Главный догматъ позитивизма заключается въ томъ положеніи, что для насъ познаваемо только условное, относительное, безусловное же непознаваемо, а потому и не должно быть предметомъ философскаго изъясненія. Безусловное иначе еще опредѣляется какъ сущность, а сущности обыкновенно противопологаются явленія; поэтому явленія и составляютъ именно область бытія условнаго, относительнаго. Отсюда позитивизмъ, ограничивая познаніе условнымъ, или иначе,—относительнымъ, задачу познанія полагаетъ въ опредѣленіи законовъ, которымъ подлежатъ явленія какъ физическаго, такъ и духовнаго міра. Законъ есть не что иное, какъ постоянство или однообразіе

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 19.

отношеній между явленіями; оттолченія неотдѣлимы отъ явленій, и вотъ почему опредѣленіе, что предметъ возможнаго для насъ познанія составляютъ явленія, совпадаетъ съ тѣмъ положеніемъ, что область возможнаго для насъ познанія есть относительное или условное. Отношенія сходства и различія составляютъ сферу собственно принадлежащую нашему мышленію: мыслить значитъ находить сходство и различіе; напротивъ наблюденіе обращено на отношенія пространства и времени. Такъ какъ по Спенсеру мышленіе есть не болѣе какъ особый видъ наблюденія, то посему отношенія сходства и различія, опредѣляемыя чрезъ мышленіе, Спенсеръ поставляетъ въ тѣснѣйшую связь съ отношеніями пространства и времени. Сходство и различіе опредѣляются яснѣйшимъ образомъ посредствомъ отношеній пространства и времени.

И такъ несомнѣнно, что познаваемость только относительнаго, или иначе условнаго, и непознаваемость безусловнаго есть такое утвержденіе, которое составляетъ основу позитивизма, ибо съ этимъ утвержденіемъ состоятъ въ связи и изъ него вытекаютъ всѣ наиболѣе характеристическія для позитивизма понятія. Но означенное утвержденіе оказывается обоснованнымъ надлежащимъ образомъ только въ философіи *Канта*.

Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основывается означенное утвержденіе у Спенсера? На томъ, что само знаніе, по Спенсеру, состоитъ въ установленіи такого или иного отношенія между идеями¹⁾. Понятіе это усвоено Спенсеромъ отъ Юма и Локка. Процессъ познанія состоитъ въ томъ, что прежде всего наблюденіе даетъ намъ элементы знанія, именно ощущенія и представленія, а такъ какъ знаніе образуется изъ представленій, или иначе идей, то поэтому оно можетъ состоять лишь въ установленіи такого или иного отношенія между идеями. Само собою очевидно, что правильный взглядъ на познаніе можетъ быть добытъ только посредствомъ изслѣдованія и изученія того—какъ на дѣлѣ происходитъ процессъ познаванія.

¹⁾ Knowledge is the establishment in thought of determinate relations. Psych, § 59.

Контъ, основатель позитивизма, какъ извѣстно, далеко былъ отъ подобныхъ изслѣдованій. Вотъ почему Спенсеръ, будучи представителемъ позитивизма, основаннаго Контонъ, и взявъ на себя задачу поставленную позитивизмомъ, во взглядѣ на познаніе могъ руководиться лишь тѣми взглядами, къ которымъ пришли англійскіе философы прежняго времени, у которыхъ все вниманіе было поглощено изслѣдованіемъ этого предмета. Между тѣмъ дѣло начатое Локкомъ, — именно изслѣдованіе познавательной нашей дѣятельности, — было затѣмъ продолжено Лейбницемъ, особенно же Кантомъ. Но только плоды изысканій Канта какъ бы не существуютъ для Спенсера. Единственное, что было имъ взято во вниманіе изъ дальнѣйшаго движенія философской мысли по вопросу о знаніи, это тотъ выводъ установленный уже Лейбницемъ, а затѣмъ прочно обоснованный Кантомъ, что не все, что мы имѣемъ въ нашемъ познаніи, добыто путемъ опыта, т. е. чрезъ наблюденіе, что есть также элементы и притомъ важнѣйшіе, на которые слѣдуетъ смотрѣть какъ на дѣйствія или способы познаванія свойственные природѣ познающаго духа и потому отъ опыта не зависящие, выраженіемъ которыхъ служатъ всеобщія и необходимыя истины. Спенсеръ полагаетъ однако, что указанное имъ различіе двоякаго опыта — общечеловѣческаго и индивидуальнаго вполне достаточно, чтобы разъяснить въ духѣ позитивизма означенный выводъ Канта. Предъидущее разсмотрѣніе философіи Спенсера показало, что, вопреки этому мнѣнію Спенсера, гипотеза о двоякомъ опытѣ не только не разъясняетъ означенный выводъ Канта въ пользу позитивизма и во вредъ идеализму, напротивъ — является лишь элементомъ разлада въ самой философіи Спенсера.

Какъ Спенсеръ, опираясь на положеніяхъ своей отечественной философіи, могъ удѣлить вниманія изслѣдованіямъ Канта лишь настолько, насколько въ виду этихъ изслѣдованій оказывалось нужнымъ сдѣлать нѣкоторое измѣненіе, именно расширеніе эмпирической точки зрѣнія, такъ нѣмецкіе послѣдователи позитивизма конечно въ такой-же мѣрѣ считаютъ необходимымъ или даже обязательнымъ всецѣло опираться на философію Канта, въ какой Спенсеръ держится взглядовъ сво-

ихъ отечественныхъ философовъ. Вотъ почему нѣмецкіе позитивисты называются еще иначе *новокантіанцами* ¹⁾.

Новокантіанцы также ограничиваютъ возможность познанія относительнымъ или условнымъ, исключая изъ философіи и самый вопросъ объ абсолютномъ какъ совершенно праздный, но при этомъ исходятъ изъ иныхъ основаній, изъ иного взгляда на познаніе. И въ этомъ они вполне правы. Основаніе, которымъ Спенсеръ оправдываетъ основной тезисъ позитивизма, на самомъ дѣлѣ не достигаетъ своей цѣли. Ибо если знаніе состоитъ въ установленіи отношеній между идеями или явлениями, какъ данными объектами познанія, то и для относительнаго, при рассмотрѣніи его во всей совокупности, также требуется установить отношеніе къ иному, именно къ тому, отъ чего оно отлично и чему противопоставляется, а таково абсолютное. Положимъ, что предметомъ познанія можетъ быть только относительное; но прежде всего необходимо знать, какъ понимать само относительное,—а такъ какъ по Спенсеру опредѣлить что либо значитъ различить опредѣляемое отъ иного ²⁾, то, слѣдовательно, и для опредѣленія относительнаго требуется установить различіе его отъ абсолютнаго, для чего необходимо знаніе абсолютнаго. Такимъ образомъ то понятіе о знаніи, что оно состоитъ въ установленіи отношенія между явлениями или предметами данными для познанія, недостаточно оправдываетъ основной принципъ позитивизма, что познаваемо только относительное, условное и даже, какъ оказывается, можетъ быть обращено противъ этого принципа. Иное основаніе болѣе твердое для означеннаго принципа даетъ философія Канта.

¹⁾ Какъ разбитая армія, говоритъ Лянге, высматриваетъ крѣпкій пунктъ, гдѣ она надѣется снова собраться и привести себя въ порядокъ, такъ повсюду уже послышался въ философскихъ кругахъ пароль: *возвратиться къ Канту*. Но только недавно этотъ возвратъ къ Канту сдѣлался серьезнымъ дѣломъ, причемъ оказалось, что точка зрѣнія, установленная великимъ кенигсбергскимъ философомъ, въ сущности никогда не была вполне опровергнута... Отрезвленіе, послѣдовавшее за метафизическимъ опьяненіемъ, тѣмъ болѣе побуждало къ возвращенію на преждевременно оставленную позицію, что снова увидѣли себя лицомъ къ лицу съ матеріализмомъ, который нѣкогда съ появленіемъ Канта почти безслѣдно исчезъ. Стр. 1—2, кн. 2-я.

²⁾ To know anything is to distinguish it as such or such—to class it as of this or that order. Ibid.

Самый важный выводъ, къ которому пришелъ Кантъ относительно познанія, какъ извѣстно, есть тотъ, что наше познаніе ограничивается явленіями, не простираясь на самое существо вещей; мы знаемъ только какъ вещи являются намъ, но не можемъ знать какъ онѣ существуютъ въ себѣ, каковы онѣ по существу, а не только въ явленіи. Кантъ раздѣляетъ являемость вещи отъ собственной ея природы или сущности, потому что познаніе наше опредѣляется не просто природою вещи познаваемой, но сверхъ того и главнымъ образомъ еще формами или условіями свойственными субъекту познающему. Формы эти познающій субъектъ, при встрѣчѣ съ предметомъ познанія, какъ-бы накладываетъ на этотъ предметъ, почему навсегда должно остаться для насъ скрытымъ каковъ этотъ предметъ самъ по себѣ, независимо отъ познавательныхъ формъ нашего духа. Конечно то, какъ является намъ предметъ, мы всегда относимъ къ самому предмету, такъ какъ и самая являемость вещи сознается нами какъ нѣчто необходимое, независящее отъ нашего произвола, но эта необходимость, по которой такъ, а не иначе, вещи являются намъ, заключается не въ самой вещи, а въ субъективныхъ формахъ или условіяхъ познавательной нашей дѣятельности, ибо формы или условія эти суть необходимые законы нашего духа и познаніе наше не можетъ иначе происходить, какъ только сообразно съ этими формами. Это видно изъ того, что въ самыхъ различныхъ вещахъ мы находимъ постоянно много общаго; очевидно, что это общее принадлежитъ намъ; оно заключается во всегдашней одинаковости формъ или приемовъ созерцанія и мысли. которыми мы пользуемся для достиженія познанія всякой вещи. Отсюда ясно, что всякое явленіе всегда есть нѣчто условное, ибо условливается познавательными формами нашего духа и вмѣстѣ есть относительное нѣчто, ибо всегда означаетъ не что иное, какъ отношеніе познаваемой вещи къ субъекту познающему. Такимъ образомъ и по философіи Канта слѣдуетъ, что все познаваемое для насъ всегда есть нѣчто условное и относительное, или иначе познаніе наше ограничивается условнымъ и относительнымъ. Но только основаніе такого вывода Кантовой философіи о свойствѣ нашего познанія заключается не

въ томъ, что познание состоитъ въ опредѣленіи отношеній познаваемыхъ вещей между собою, а въ томъ, что все познаваемое различнымъ образомъ опредѣляется, т. е. познается не иначе какъ чрезъ *отношеніе къ познающему субъекту*. Спенсеръ не беретъ во вниманіе отношеніе познанія къ познающему, потому что для него и самый субъектъ познающій есть не болѣе какъ познаваемый объектъ, стоящій въ ряду другихъ объектовъ познанія. Какъ всѣ другія вещи познаваемыя, такъ и субъектъ познающій для него разрѣшается въ совокупность простыхъ недѣлимыхъ единицъ, т. е. обращается въ простой объектъ познанія, совершенно равный со всѣми другими объектами. Всякое субъективное дѣйствіе, гдѣ только приходится по необходимости имѣть дѣло съ такими дѣйствіями, у Спенсера, соотвѣтственно общему направленію и характеру его мышленія, неминуемо обращается въ объективное явленіе. Такъ напримѣръ разсужденіе по Спенсеру есть испытываніе связей между идеями; опредѣляя такъ разсужденіе, Спенсеръ, повидимому, ясно отмѣчаетъ здѣсь субъективный его характеръ; однако здѣсь-же онъ дополняетъ свое опредѣленіе тѣмъ замѣчаніемъ, что испытываніе связей между идеями не есть что-либо отличное отъ этихъ связей, а состоитъ просто въ самомъ-же сочетаніи идей; такимъ образомъ разсужденіе изъ силы сочетавающей сразу превращается въ продуктъ таковой силы; или, напримѣръ, различая отношенія между ощущеніями отъ самыхъ ощущеній, Спенсеръ вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваетъ таковыя отношенія какъ особый видъ ощущеній. Напротивъ, по ученію Канта, что служитъ формою сочетанія ощущеній не можетъ быть само также ощущеніемъ. Мы не ощущаемъ ни пространства, ни времени, а только то ощущаемъ, что дано въ пространствѣ и времени.

Но какъ должно понимать то отношеніе познаваемыхъ вещей къ субъекту познающему, въ силу котораго, слѣдуя философіи Канта, необходимо признать, что познание наше ограничено условнымъ и относительнымъ? Вопросъ этотъ является въ виду того, что также и по Канту въ числѣ категорій есть категоріи, по которымъ познаваемыя нами вещи мы ставимъ въ различныя отношенія между собою, такъ что, на-

сколько познаніе состоитъ въ примѣненіи этихъ именно категорій, оно вполне совпадаетъ съ тѣмъ понятіемъ, какое мы видѣли о немъ у Спенсера; съ другой стороны есть особый видъ категорій модальности; этими категоріями по Канту опредѣляются различныя отношенія познаваемыхъ вещей къ познающему, такъ что отношенія этого рода, по Канту, составляютъ особый видъ отношеній, стоящій на ряду съ другимъ классомъ отношеній между самими вещами. Почему-же мы должны считать особенно характеристическимъ для понятія выработаннаго философіею Канта о познаніи не этотъ послѣдній видъ отношеній, какъ это мы находимъ у Спенсера, а тотъ другой видъ отношеній, который у Канта обозначается категоріями модальности? Въ чемъ заключается особое преимущество послѣднихъ предъ первыми? Вопросъ этотъ самъ собою разрѣшается тѣмъ, что и категоріи отношеній и категоріи модальности обозначаютъ частныя стороны познавательной дѣятельности и потому все опредѣляемое тѣми категоріями входитъ въ составъ познанія. Устанавливая-же общее понятіе о знаніи, мы имѣемъ въ виду не ту или иную сторону познавательной дѣятельности, не ту или иную составную часть познанія, а общій характеръ, открывающійся только при разсмотрѣніи всѣхъ сторонъ познаванія или всѣхъ его составныхъ частей, взятыхъ въ совокупности. И вотъ именно этотъ общій характеръ познанія существеннымъ образомъ опредѣляется тѣмъ, что все познаваемое нами, какъ-бы намъ ни представлялось оно и съ какихъ-бы сторонъ мы ни рассматривали его, какъ господствующій, слѣдовательно важнѣйшій моментъ, содержитъ въ себѣ, насколько познается нами, необходимое отношеніе къ познающему субъекту, слѣдовательно, все познается нами только чрезъ свою связь съ нашимъ духомъ, какъ познающимъ субъектомъ, и настолько именно познается, насколько имѣетъ эту связь. Различныя стороны въ познавательной дѣятельности, или пожалуй составныя части, элементы въ процессѣ познаванія—это лишь отдѣльныя функціи того общаго отношенія между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ, которыми опредѣляются и предѣлы и самый составъ возможнаго для насъ познанія вещей. Имѣя въ виду такое общее

отношеніе познающаго къ познаваемому съ цѣлью установить общій взглядъ на познаніе, мы очевидно уже не можемъ разсматривать такое отношеніе какъ отдѣльную функцію мышленія или наблюденія, чѣмъ можетъ быть отмѣчена одна только сторона какая-либо въ процессѣ познанія, уясненъ одинъ элементъ изъ всей совокупности дѣйствій, входящихъ въ составъ познанія; отношеніе познающаго къ познаваемому, характеризующее всю познавательную дѣятельность, взятую во всей совокупности свойственныхъ ей функцій, очевидно должно быть дѣйствиємъ познающаго субъекта, взятаго также во всей его цѣлости, или точнѣе, должно быть совокупностію всѣхъ дѣйствій, входящихъ въ составъ познанаія, слѣдовательно отношеніе это должно простирается на всего субъекта и обнимать въ себѣ всѣ стороны познавательной его дѣятельности. Такъ, хотя мы и различаемъ наблюденіе и мышленіе, отправленія фізіологическія и дѣйствія психическія, но очевидно познаніе есть совокупный результатъ всѣхъ этихъ дѣйствій или отправленій какъ фізіологическихъ, такъ и психическихъ какъ эмпирическихъ, такъ и умозрительныхъ. Познаніе есть продуктъ дѣятельности всего организма направленной къ этой именно цѣли. Поэтому и то взаимодействіе между познающимъ и познаваемымъ, продуктомъ котораго является познаніе, также мы должны разумѣть въ смыслѣ совокупности всѣхъ дѣйствій, возбужденныхъ въ познающемъ субъектѣ предметомъ, даннымъ для познанія и направленныхъ къ достиженію этой цѣли. Такъ именно характеризуется взглядъ критической философіи Канта на познаніе въ извѣстномъ сочиненіи: *Исторія матеріализма Ф. А. Ланге*—важнѣйшаго представителя новокантианства ¹⁾. „Существуетъ, говоритъ Ланге, область точнаго естествовѣдѣнія, препятствующая нашимъ теперешнимъ матеріалистамъ съ негодованіемъ отвергать сомнѣніе въ томъ, что вещи такъ существуютъ, какъ являются намъ существующими: это *физиологія органовъ чувствъ*. Удивительные успѣхи

¹⁾ Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart von Fr. Albert Lange. Zweite Auflage 1874—75 Рус. переводъ подъ редакціею Н. Н. Страхова. Сиб. 1883 г.

въ этой области, повидимому, совершенно пригодны для того, чтобы доказать древнее положеніе Протагора, что человекъ есть мѣра вещей. Какъ только показано, что качество нашихъ чувственныхъ воспріятій вполнѣ и совершенно обусловлено свойствомъ нашихъ органовъ, то нельзя уже больше устранять съ прибавленіемъ: „неопровержимо, но нелѣпо“ того положенія, что даже вся связь, въ какую мы приводимъ чувственные воспріятія, однимъ словомъ весь нашъ опытъ обусловленъ нѣкоторою духовною организаціею, которая принуждаетъ насъ испытывать то, что мы испытываемъ, думать такъ, какъ мы думаемъ, между тѣмъ какъ другой организаціи тѣ же самые предметы могутъ показаться иначе и вещь въ себѣ не можетъ быть познана никакимъ конечнымъ существомъ“¹⁾. Такимъ образомъ, къ чему пришелъ Кантъ философскимъ путемъ, то самое подтверждается точными изслѣдованіями новѣйшаго естествознанія. Этимъ оправдывается съ одной стороны возвращеніе къ философіи Канта, съ другой стороны указывается необходимость нѣкотораго измѣненія философіи Канта,—ибо если совпаденіе съ выводами естествознанія вынуждаетъ обратиться къ философіи Канта, чтобы имѣть въ ней прочную опору для мысли утратившей довѣріе къ себѣ послѣ того какъ пережита „романтика понятій“, то въ томъ-же совпаденіи содержится мѣра или указаніе того, какимъ образомъ и насколько должна быть восстановлена философія Канта; требуется очевидно видоизмѣненіе философіи Канта въ духѣ новѣйшаго естествознанія и приспособленіе ея къ его результатамъ, насколько они касаются вопросовъ о познаніи изслѣдуемыхъ философіею Канта.

Прежде всего Лянге превращаетъ Канта въ эмпирика. Какъ рѣшительный противникъ идеалистической философіи Гегеля, Лянге не могъ допустить, чтобы было что-либо общее между философіею Гегеля и философіею Канта. Вотъ почему трансцендентальная философія Канта преобразуется въ эмпиризмъ. „Одинъ торопливый критикъ, читаемъ въ книгѣ Лянге, нашелъ въ Кантовой критикѣ чистаго разума высшій иде-

¹⁾ 2-es B. s 4--5.

ализмъ. Это Кантъ встрѣтилъ приблизительно такъ, какъ если-бы его упрекнули въ „вышемъ слабоуміи“; настолько вполне чувствовалъ онъ себя дурно понятымъ. Должно удивляться умѣренности и въ тоже время строгости великаго мыслителя, когда онъ направляетъ противъ этого два положенія, которыя и для совершенно слѣплого бросаютъ искру свѣта на сущность кантовской философіи“. „Положеніе всѣхъ чистыхъ идеалистовъ отъ элеатской школы до епископа Берклея заключается въ такой формулѣ: всякое познаніе посредствомъ чувствъ и опыта есть не что иное, какъ одна видимость (*lauter Schein*) и только въ идеяхъ чистаго разсудка и разума содержится истина“. „Основоположеніе, которое всецѣло господствуетъ въ моемъ идеализмѣ и опредѣляетъ его, напротивъ таково: все познаніе о вещахъ изъ *одного только чистаго* разсудка или чистаго разума есть не что иное, какъ одна видимость и *только въ опытѣ истина*“. Прямѣе не можетъ объ томъ-же самомъ высказаться самый чистый эмпирикъ, замѣчаетъ при этомъ Лянге ¹⁾. Не трудно видѣть, что въ настоящемъ случаѣ Лянге самъ оказывается болѣе торопливымъ критикомъ, чѣмъ тотъ, о которомъ онъ упоминаетъ здѣсь. Когда рѣчь идетъ объ идеализмѣ и эмпиризмѣ, то прежде всего слѣдуетъ указать какъ понимается тотъ и другой. Можно и слѣдуетъ даже,—на что нами было указано въ своемъ мѣстѣ,—(см. заключеніе въ обзорѣннѣ философіи Руссо), различать троякій идеализмъ: раціоналистическій, или точнѣе логическій, идеализмъ отвлеченныхъ понятій (таковъ идеализмъ средневѣковаго реализма, идеализмъ Декарта и Лейбница), идеализмъ этический (каковъ идеализмъ Сократа, Канта и Фихте) и идеализмъ эстетическій (таковъ идеализмъ Платона и Шеллинга). Конечно всѣ эти виды идеализма большею частію смѣшиваются, различнымъ образомъ комбинируются въ различныхъ философскихъ ученіяхъ, однако несомнѣнно, что не только въ отдѣльныхъ философскихъ системахъ, но и въ цѣлыя историческія эпохи является господствующимъ тотъ или иной изъ указанныхъ видовъ идеализма. Такъ во всей

¹⁾ S. 10.

предшествовавшей Канту философіи господствовалъ идеализмъ рационалистическій или логическій, который полагалъ, что истина можетъ быть добыта посредствомъ чисто логическихъ операцій мысли, посредствомъ выводимыхъ одно изъ другаго въ стройномъ порядкѣ сужденій и умозаключеній. Безъ сомнѣнія Кантъ, противопоставляя свою философію идеализму, могъ имѣть въ виду только этотъ логическій или рационалистическій идеализмъ. Но идеализмъ, противъ котораго борется въ своей книгѣ Лянге, отличается инымъ характеромъ. Это идеализмъ Фихте, Шеллинга и Гегеля, тотъ самый идеализмъ, для котораго основаніе несомнѣнно заключается въ философіи Канта и который былъ послѣдствіемъ этой философіи. Идеализмъ этотъ тѣмъ отличается отъ рационалистическаго или чисто логическаго, что онъ признаетъ необходимымъ восполненіемъ логическихъ операцій мысли чувственное, а также умственное (интеллектуальное) созерцаніе. По философіи Канта полное познаніе мы имѣемъ тогда, когда чувственное созерцаніе соединяется съ логическими формами мысли (познаніе есть синтезъ представленія и понятія). При этомъ Кантъ признавалъ возможнымъ одно лишь чувственное созерцаніе, по этому противорѣчитъ собственная философія Канта. Задача этой философіи—опредѣлить и выяснить данныя въ нашемъ духѣ а priori, т. е. независимо отъ всякаго опыта, формы или условія познанія. Спрашивается—какъ мы познаемъ эти формы? Конечно не чрезъ чувственное созерцаніе, ибо Кантъ самъ говоритъ, что не можетъ быть ощущеніемъ то, что служитъ формою соединенія ощущеній. Формы познанія, какъ данныя въ самомъ-же духѣ познающемъ, познаются имъ непосредственно, т. е. чрезъ созерцаніе, но только не чувственное, а умственное, духовное. Если это не идеализмъ, то что-же это такое? Слишкомъ большою смѣлостію было-бы считать это эмпиризмомъ; не даромъ-же Кантъ называетъ свою философію трансцендентальною. Ко всему этому присоединимъ еще замѣчаніе, что когда требуется указать отличительный характеръ извѣстнаго философскаго ученія, то отдѣльныя изреченія философа, особенно высказанныя по случайному поводу, не имѣютъ никакой доказательной силы. Извѣстно,

что въ каждой философской системѣ не мало найдется противорѣчій; слѣдовательно, всегда возможны положенія, хотя высказанныя самимъ философомъ, но противорѣчащія собственной его философіи, для характеристики которой важны только основныя положенія и выводы, состоящіе въ тѣсной связи съ господствующимъ строемъ мысли философа, а не все то, что случайно было имъ сказано когда-либо и гдѣ-либо.

Хотя на основаніи вышеприведенныхъ словъ Канта Лянге готовъ, повидимому, былъ признать его чистымъ эмпирикомъ, однако затѣмъ онъ-же самъ, слѣдуя философіи Канта, устанавливаетъ, повидимому, такое понятіе объ опытѣ, отъ котораго слишкомъ далекъ чистый эмпиризмъ. „Односторонніе эмпирики, говоритъ онъ, не обращаютъ вниманія на то обстоятельство, что опытъ не есть открытая дверь, чрезъ которую внѣшнія вещи входятъ въ насъ такими, каковы онѣ суть, но процессъ, посредствомъ котораго *въ насъ возникаетъ явленіе вещей*. Что будто при этомъ процессѣ всѣ свойства этихъ „вещей“ приходятъ извнѣ, и человѣкъ, который ихъ воспринимаетъ, ничего самъ не дѣлаетъ, это противорѣчитъ всякой аналогіи природы, при какомъ-бы то ни было возникновеніи новой вещи изъ взаимодействія двухъ другихъ. Хотя *Критика чистаго разума* идетъ несравненно далѣе этого представленія о совпаденіи двухъ силъ въ происходящей отъ нихъ третьей, однако не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ образъ можетъ годиться для перваго ознакомленія съ вопросомъ объ опытѣ. Что являющіяся намъ вещи отличны отъ вещей въ себѣ, показать это можетъ такимъ образомъ уже простая противоположность между звукомъ и тѣми колебаніями струны, по поводу которыхъ онъ является. Дальвѣйшее изслѣдованіе показываетъ, правда, что и эти колебанія также суть явленія, и наконецъ доведенное до своей цѣли отодвигаетъ вещь въ себѣ въ недостижимую область голаго порожденія мысли, но право критики и смыслъ ея иерваго предуготовительнаго шага достаточно уясняется посредствомъ указанной противоположности между звукомъ и его поводомъ. То, что въ насъ превращаетъ колебаніе струны въ звукъ, будемъ-ли мы разсматривать этотъ процессъ физиологически или психологически, и есть

данное а priori въ этомъ процессѣ опыта. Если-бы у насъ не было никакого иного чувства кромѣ слуха, то весь опытъ состоялъ-бы въ звукахъ, и хотя-бы все дальнѣйшее познаніе и слѣдовало изъ такого опыта (слѣдовательно вполне основывалось-бы на опытѣ), однакожь природа самого опыта всецѣло опредѣлялась-бы природою нашего слуха, и можно было-бы сказать не то—что съ вѣроятностію, а съ аподиктической достовѣрностію, что всея явленія должны звучать. Не слѣдуетъ такимъ образомъ опускать изъ виду, что *заключеніе изъ опыта* вовсе не тоже самое, что *происхожденіе опыта*. Фактъ, что мы вообще нѣчто испытываемъ, обусловленъ во всякомъ случаѣ организаціею нашего мышленія, организація-же эта существуетъ прежде опыта. Она вынуждаетъ насъ различать отдѣльные признаки вещей и то, что въ природѣ нераздѣльно соединено и одновременно, усвоить послѣдовательно и выражать это усвоеніе въ сужденіи посредствомъ субъекта и предиката. Все это не только предшествуетъ опыту, но есть условіе опыта. И вотъ указать эти первыя условія всякаго опыта въ мышленіи и чувственности есть ближайшая цѣль *Критики чистаго разума* ¹⁾. Нѣсколько далѣе уже не организація мышленія, а просто психофизическая организація ²⁾,

¹⁾ Ibid. s. 27.

²⁾ Въ примѣчаніи 25-мъ (2-я кн. 1-е отд.) Ланге такъ оправдываетъ этотъ свой терминъ. Терминъ: *физико-психическая организація* имѣетъ цѣлью выразить мысль, что физическая организація, какъ явленіе, есть вмѣстѣ и психическая. Это удаленіе отъ Канта, но не столь далекое, какъ можетъ показаться, и въ такомъ пунктѣ, который можно защищать, а между тѣмъ такое нововведеніе даетъ разумное, имѣющее достоинство наглядности, понятіе на мѣсто трудно дающагося Кантовскаго представленія о трансцендентальныхъ предположеніяхъ опыта. Все различіе заключается въ томъ, что Кантъ на мѣстѣ чего-то совсѣмъ непонятнаго, что содержится въ вещи въ себѣ, какъ основаніе синтетическаго сужденія а priori, полагаетъ понятія, какъ нѣчто намъ доступное (т. е. условіями опыта признаетъ нѣкоторыя первоначально данныя понятія, предваряющіе опытное познаніе, какъ-бы врожденныя формы мысли), и говоритъ объ этихъ понятіяхъ, категоріяхъ такъ, какъ-бы отъ нихъ происходило апіорическое познаніе, между тѣмъ какъ они суть только простѣйшее его выраженіе (т. е. сами составляютъ познаніе, а не причину его). Если мы хотимъ обозначить истинную причину апіорическаго, то мы не можемъ говорить о вещи въ себѣ, такъ какъ наше понятіе причины до нея не достигаетъ (она внѣ познанія и есть его предѣлъ); мы должны замѣнить вещь въ себѣ явленіемъ,

т. е. весь человѣкъ, какъ существо познающее, признается условіемъ и не опыта, а познанія даннаго а priori. Въмѣсто дѣйствительнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи познанія предложеннаго Кантомъ, хотя-бы и не вполне вѣрнаго, мы имѣемъ здѣсь ничего незначащія слова. Такъ какъ познаніе наше ограничивается, по Канту, явленіями, то далѣе того, что является въ самомъ-же познаніи, анализъ нашъ очевидно не можетъ восходить; это значитъ, что условія познанія могутъ быть опредѣлены лишь въ той мѣрѣ, насколько они открываются въ самомъ-же познаніи, а они открываются, или точнѣе сознаются нами, какъ способы или формы дѣйствія нашихъ познавательныхъ способностей; мы видимъ ясно по Канту лишь то, что мы извѣстнымъ образомъ представляемъ себѣ вещи и иначе не можемъ представлять: — это значитъ, что свойственные намъ способы познанія сознаются нами какъ безусловно для насъ необходимы, а потому и простирающіеся на все познаваемое, т. е. какъ имѣющіе

(т. е. поставить на ея мѣсто, такъ какъ-бы явленіе было самою вещью въ себѣ!). Понятіе тоже есть явленіе, но если его полагаютъ на мѣсто причины понятія (т. е. если первоначальнымъ условіемъ понятій признаютъ понятія-же—первообразныя, вѣчныя, необходимыя), то впадаютъ чрезъ то въ платонизмъ, который есть болѣе опасное отступленіе отъ основнаго принципа критицизма (непознаваемость безусловнаго), нежели выборъ выраженія — *организация*. Однимъ словомъ упорнымъ и явномѣреннымъ нежеланіемъ воспользоваться понятіемъ организациі, которое у него было подъ рукою, Кантъ удаляетъ отъ себя призракъ матеріализма, но за то впадаетъ въ идеализмъ, имъ также отвергасмый. Когда хотятъ избѣгнуть этой дилеммы, то всю критику разума превращаютъ въ простое тождество, состоящее въ томъ, что причиною синтеза а priori служатъ самый этотъ синтезъ (т. е. критика, замѣтимъ отъ себя, не идетъ и не хочетъ идти далѣе обозначенія самыхъ понятій, образующихъ синтетическое познаніе а priori, ибо хочетъ изъяснить познаніе изъ самаго-же познанія). Если напротивъ допустить понятіе организациі, то не только тавтологія исчезаетъ, но и необходимость Платоновскаго возведенія категорій въ самобытныя сущности (гипостасированія); правда, остается призракъ матеріализма, однако, если организацию разумѣть какъ явленіе, съ удержаніемъ той мысли, что она можетъ быть только явленіемъ неизвѣстной вещи въ себѣ, то исчезаетъ не только матеріализмъ, но также и поводъ это объясненіе ставить въ число позбрѣтеній метафизиковъ. Послѣдніе могутъ себѣ думать, что эта организациі и есть въ сущности то, чѣмъ является (матеріализмъ), или что въ основаніи ея лежитъ дѣятельность монады, или нѣчто неизвѣстное, но какъ явленіе она дана, а все прочее не что иное, какъ призраки“. Замѣтимъ на это разсужденіе Лянге, что

всеобщее значеніе. Что служить первоначальнымъ условіемъ для самихъ этихъ условій познанія, открывающихся въ процессѣ познанія, — этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ, просто потому, что такое первоначальное условіе лежитъ внѣ познанія, не дано въ самомъ познаніи. Лянге, повидимому идетъ далѣе предѣла положеннаго Кантомъ для нашего познанія. Онъ не ограничивается разъясненіемъ того, какъ происходитъ въ насъ познаніе, но указываетъ и первоначальное условіе всей нашей познавательной дѣятельности, именно въ фізіологико-психической организаціи человѣка. Но это онъ дѣлаетъ очевидно въ видахъ преобразованія критической философіи Канта въ эмпиризмъ. Въ самомъ дѣлѣ природа человѣка, если разсматривать ее въ ея цѣлости—измѣнчива. Поэтому, признавая первоначальнымъ условіемъ познанія вообще природу человѣка, можно и то познаніе, которое Кантъ отличалъ какъ данное а priori, признать не настолько ужъ необходимымъ, какъ полагалъ Кантъ, но измѣняющимся вмѣстѣ съ измѣненіемъ самой природы человѣка. „Познаніе, данное а

нѣтъ необходимости останавливаться и на понятіи организаціи. Понятіе причины ведетъ нашу мысль далѣе этого явленія, побуждая отыскивать причинную связь его съ другими явленіями; такъ дарвинизмъ производитъ человѣчскій организмъ отъ другихъ организмовъ низшаго порядка,—что уже далеко выводитъ за предѣлы гносеологіи. Вотъ почему Кантъ и не указываетъ никакой причины существованія въ духѣ априорныхъ формъ мысли; но останавливается на нихъ какъ на окончательномъ данномъ; онъ этимъ самымъ даетъ знать, что объясненіе этихъ данныхъ можетъ быть разное, при чемъ выборъ того или иного объясненія зависитъ отъ рѣшенія совсѣмъ иныхъ вопросовъ, а не тѣхъ, которыми онъ занимается въ своей Критикѣ чистаго разума. Вѣдь въ сущности что хочетъ сказать Лянге, когда указываетъ на организацію физико-психическую, какъ на причину познанія? Иными словами это значитъ, что мозгъ есть причина познавательной дѣятельности; а мозгъ есть вещество состоящее изъ мелкихъ недѣлимыхъ частицъ, — спрашивается какъ понимать эти частицы и т. д., словомъ,—является метафизика. Такимъ образомъ одно изъ двухъ: или Лянге рѣшительно сходитъ съ почвы критической философіи Канта и уходитъ въ иную область, если онъ не хочетъ дать одно лишь ничего незначащее слово, а хочетъ выразить имъ дѣйствительное рѣшеніе вопроса о происхожденіи уже не одного познанія, но всей духовной дѣятельности человѣка, или же, если онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ замкнуться какъ въ непрístupную крѣпость, въ такъ называемую вещь въ себѣ, то его психофизическая организація не болѣе какъ слово лишенное дѣйствительнаго значенія и смысла. Какъ явленіе, организація просто есть x , а потому и ничего не объясняетъ.

prîogî, говорить Лянге, болѣе всего есть не безсознательно пріобрѣтенное опытное положеніе, но такое положеніе, необходимость котораго прежде всякаго частнаго опыта дана чрезъ физико-психическую организацію человѣка и которое поэтому выступаетъ при первомъ же опытѣ безъ помощи индукціи, но съ тою же необходимостію вытѣсняется однако глубже лежащими понятіями а ргіогі, какъ скоро нѣкоторый рядъ опытовъ далъ перевѣсъ этимъ глубже лежащимъ понятіямъ“ 1). Итакъ хотя Лянге и признаетъ необходимость возникновенія нѣкоторыхъ положеній а ргіогі, но полагаетъ, что необходимость эта потомъ устраняется опытомъ, выдвигающимъ новыя понятія, которыми прежнія замѣняются. На этомъ основаніи Лянге говоритъ далѣе: „метафизикъ нуждался бы въ томъ, чтобы имѣть возможность различать неизмѣнныя и существенно присущія человѣческой природѣ понятія а ргіогі отъ преходящихъ, соответствующихъ лишь извѣстной степени развитія, хотя оба вида познанія а ргіогі одинаковымъ образомъ соединены съ сознаниемъ необходимости. Но для этого онъ не можетъ снова пользоваться положеніемъ а ргіогі, а слѣдовательно и такъ называемымъ чистымъ мышленіемъ, ибо сомнительно—имѣютъ-ли основоположенія его достоинство неизмѣняемости или не имѣютъ. Такимъ образомъ въ дѣлѣ отысканія и испытанія общихъ положеній, которыя не происходятъ изъ опыта, мы не имѣемъ иного способа кромѣ того, которымъ обыкновенно пользуется наука (т. е. опыта). Мы можемъ представить лишь вѣроятныя положенія о томъ—происходятъ ли или не происходятъ изъ неизмѣнной природы человѣка тѣ понятія и формы мысли, которыя мы теперь безъ всякаго доказательства должны принимать за истинныя; иными словами—точно-ли это истинныя коренныя понятія всякаго человѣческаго познанія, или они окажутся лишь заблужденіями а ргіогі“ 2).

Итакъ теперь вопросъ представляется уже въ такомъ видѣ: намъ извѣстно лишь то, что познаніе а ргіогі, т. е. независимое отъ опыта, такое познаніе, котораго нельзя вывести изъ

1) S. 30—31.

2) Ibid.

опыта, должно быть, но ни объ одномъ положеніи мы не можемъ утверждать, что оно-то и есть такое познаніе а priori, такъ какъ неизвѣстно не окажется-ли оно мнимо а priori-нымъ. Отсюда очевидно, что положеніе о существованіи познанія а priori есть не болѣе какъ гипотеза, такъ какъ неизвѣстно имѣемъ ли мы на самомъ дѣлѣ такое познаніе. На чемъ же основывается эта гипотеза? Единственно на томъ, что познаніе наше есть продуктъ организаціи человѣка, а такъ какъ организація человѣка существуетъ прежде опыта, то слѣдовательно и познаніе. Но вѣдь познаніе Лянге признаетъ продуктомъ взаимодѣйствія организма съ внѣшнимъ міромъ. Какъ же возможно послѣ этого, чтобы познаніе предшествовало опыту? Если познаніе происходитъ отъ взаимодѣйствія организаціи человѣка съ внѣшнимъ міромъ, то, слѣдовательно, оно возникаетъ лишь тогда, какъ начинается опытъ, ибо означенное взаимодѣйствіе и есть опытъ; правда, познаніе, происшедшее вмѣстѣ съ началомъ опыта, можетъ быть признано а priori-нымъ въ отношеніи къ послѣдующимъ опытамъ. Это напоминаетъ ученіе Спенсера объ общечеловѣческомъ индивидуальномъ опытѣ. И по этому ученію то, что принадлежитъ общечеловѣческому опыту, есть познаніе а priori, именно таково оно относительно опыта индивидуальнаго. Но только различіе это, полагаемое Спенсеромъ между двумя видами опыта (индивид. и общечеловѣч.), Лянге переноситъ на опытъ индивидуальный; познаніе сразу являющееся вмѣстѣ съ извѣстнымъ опытомъ, въ отношеніи къ послѣдующимъ опытамъ, есть познаніе а priori; но вѣдь и то познаніе, которое пріобрѣтается путемъ продолжительнаго, или же обширнаго опыта (индукція) также въ этомъ смыслѣ можно признать познаніемъ а priori, именно въ отношеніи къ послѣдующимъ подобнымъ же опытамъ. Никто, повидимому, такъ не возмущается какъ Лянге при видѣ игры словами; а это его ученіе о познаніи а priori развѣ не пустая игра словами? Глубокомысленное ученіе Канта о познаніи а priori у него превращается въ ничего не разъясняющее и ни къ чему не ведущее положеніе о существованіи организма предшествующемъ опыту. Но въ этомъ смыслѣ существованіе въ насъ познанія а priori признавалъ конечно

и Локкѣ, противъ котораго Лейбницъ впервые выяснилъ различіе между положеніями данными а priori и положеніями данными а posteriori. Ничего не значитъ сказать, что организмъ предшествуетъ опыту; важно опредѣлить какія условія для познанія заключаетъ въ себѣ организмъ предшествующія опыту? По Лянге это можетъ быть выяснено только путемъ опыта. Но если опытъ единственный путь къ рѣшенію этого вопроса, то какъ же мы можемъ знать, что признанное нами предваряющимъ опытъ условіемъ не есть порожденіе самаго опыта, на свидѣтельство котораго въ настоящемъ случаѣ мы должны полагаться? Хотя бы и дѣйствительно существовали въ насъ а priori-ныя условія познанія, но если точно мы не имѣемъ кромѣ наблюденія опыта иного способа удостовѣриться въ существованіи ихъ, тогда должно остаться для насъ навсегда сомнительнымъ точно-ли признаваемое нами даннымъ а priori на самомъ дѣлѣ таково ¹⁾. Съ другой стороны, если вмѣстѣ съ Кантомъ слѣдуетъ предположить существованіе въ насъ условій познанія независимыхъ отъ опыта, то возможно ли, чтобы присутствіе таковыхъ началъ въ насъ не было отмѣчено ничѣмъ особеннымъ для нашего сознанія, чтобы такія начала не имѣли въ себѣ никакихъ признаковъ, удостовѣряющихъ значеніе ихъ для познанія. Но быть можетъ опытъ все-таки необходимъ для обнаруженія таковыхъ признаковъ въ нашемъ сознаніи; тогда какимъ образомъ мы можемъ ложно принять извѣстное положеніе за познаніе а priori, не имѣющее на самомъ дѣлѣ такого значенія, а съ другой стороны какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого сомнѣніе относительно того—не будетъ ли ниспровергнуто послѣдующимъ опытомъ то, что признано нами познаніемъ а priori? ²⁾. По всему этому нельзя не

¹⁾ Милль показалъ и въ томъ его заслуга, говоритъ Лянге, что большой рядъ положеній считали за познанія а priori, впоследствии-же эти положенія оказались ложными. Хотя и неудачна его попытка вывести математическія положенія изъ опыта, однако-же этимъ заслуга его не умаляется. Не подлежитъ сомнѣнію, что сознаніе всеобщности и необходимости положенія можетъ обманывать. Стр. 80.

²⁾ „Опытное положеніе какъ таковое, говоритъ Лянге, во всякое время можетъ быть опровергнуто новымъ опытомъ“. Стр. 13, кн. 2-я.

прийти къ заключенію, что изъ всего ученія Канта о познаніи а priori Лянге удерживаетъ одинъ лишь терминъ, т. е. ученіе это превращается у него въ одно лишь пустое, ничего не значущее слово.

Изъ послѣдующаго мы увидимъ это еще яснѣе. Выше сказано, что должна быть дана возможность различать неизмѣнныя и существенно свойственныя природѣ человѣка понятія а priori отъ измѣнчивыхъ, и что за неимѣніемъ иного средства къ этому, кромѣ обыкновеннаго средства науки, именно опыта, остается довольствоваться лишь вѣроятными положеніями о томъ, точно ли тѣ понятія и формы мысли, которыя мы теперь безъ всякаго доказательства привыкли принимать за истинныя, происходятъ изъ неизмѣнной природы человѣка (aus der bleibenden Natur des Menschen), Лянге однако находитъ затѣмъ, что наука, пользуясь своимъ обычнымъ средствомъ—опытомъ, не съ вѣроятностію только, но съ полною достовѣрностію рѣшаетъ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ признать существенно свойственнымъ природѣ человѣка, или иначе, въ чемъ состоятъ неизмѣнное, постоянно остающееся въ этой природѣ и такимъ образомъ оказывается возможнымъ разграничить существенное отъ несущественнаго, неизмѣнное отъ измѣнчиваго. Вотъ что мы читаемъ объ этомъ у Лянге: „Во всякомъ познаніи (по ученію Канта) находится факторъ, который происходитъ не отъ внѣшняго воздѣйствія, но изъ существа познающаго субъекта и который поэтому не случаенъ подобно внѣшнимъ впечатлѣніямъ, а необходимъ и присутствуетъ во всемъ, что вообще въ насъ происходитъ. Дѣло только въ томъ, какъ отыскать этотъ факторъ; Кантъ думаетъ, что этой цѣли онъ можетъ достигнуть чрезъ изолированное разсмотрѣніе главныхъ функцій духа въ познаніи, оставивъ безъ вниманія ихъ психологическую связь, съ тѣмъ, чтобы видѣть какіе апіорическіе элементы находятся въ нихъ. При этомъ онъ принимаетъ двѣ главныхъ вѣтви человѣческаго познания—*чувственность* и *разсудокъ*. Глубокомысленно онъ замѣчаетъ, что быть можетъ обѣ эти познавательныя способности происходятъ изъ общаго, неизвѣстнаго намъ корня. Въ настоящее время эту догадку можно считать уже доказанною (bestä-

tigt), не психологією Гербарта, или Гегелевскою феноменологією духа, но извѣстными опытами фізіологіи органовъ чувствъ; опыты эти неопровержимо доказываютъ, что уже въ чувственныхъ впечатлѣніяхъ, кажущихся непосредственными, участвуютъ процессы, которые, посредствомъ элиминаціи или дополненія нѣкоторыхъ логическихъ среднихъ членовъ, поразительно соотвѣтствуютъ силлогизмамъ и софизмамъ сознательнаго мышленія“¹⁾). Лянге порицаетъ Канта за то, что онъ не воспользовался своею мыслию о происхожденіи чувственности и разсудка изъ одного корня; хотя Кантъ и говоритъ о совмѣстномъ участіи въ познаніи чувственности и разсудка, однако при этомъ онъ полагалъ, что сама по себѣ чувственность, безъ помощи мысли, не можетъ дать никакого познанія, между тѣмъ какъ мышленіе и безъ всякаго созерцанія все еще сохраняетъ форму мысли. Лянге, напротивъ, думаетъ, что совершенно наоборотъ, мысль безъ созерцанія невозможна, тогда какъ ощущенія сами по себѣ формируясь образуютъ познаніе. „Такъ какъ ощущеніе можетъ измѣряться въ отношеніи интенсивности ощущеніемъ-же, то и въ представленіи сосуществованія (пространство) ощущеніе можетъ упорядочиваться по имѣющимся уже ощущеніямъ. Многочисленные факты доказываютъ, что ощущенія группируются не по готовой формѣ, не сообразно съ представленіемъ пространства, напротивъ, само это представленіе условливается нашими ощущеніями. Линія, сложенная изъ многочисленныхъ возбуждающихъ ощущеніе частицъ, для непосредственнаго сознанія постоянно длиннѣе, чѣмъ линія математическая такой-же длины, не представляющая никакихъ особенныхъ опорныхъ пунктовъ для возбужденія ощущеній. Именно поэтому наши обыкновенныя представленія суть отъ начала до конца представленія не математическія и составляютъ неисчерпаемый источникъ тонкихъ обмановъ“...²⁾). Лянге повторяетъ здѣсь то, что въ своей Логикѣ говоритъ Милль о несоотвѣтствіи геометрическихъ пространственныхъ представленій съ чувственнымъ созерцаніемъ пространственныхъ формъ.

¹⁾ Ibid. s. 31—32.

²⁾ 5. 34.

Но Милль дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что геометрическія опредѣленія не только не суть истины необходимыя, но даже не реальны (въ дѣйствительности нѣтъ математически прямой линіи, нѣтъ круга, въ которомъ всѣ радіусы были-бы равны). Лянге отсюда же выводитъ то заключеніе, что реальное пространство есть только ощущаемое, а потому и образуется или формируется оно самими-же ощущеніями. Кантъ строго раздѣлялъ *формы* чувственнаго созерцанія (пространство и время) отъ ощущеній составляющихъ *содержаніе* созерцанія. Но Лянге очевидно полагаетъ, что какъ мысль не слѣдуетъ отдѣлять отъ созерцанія, разсудка отъ чувственности, такъ равно форма чувственнаго созерцанія нераздѣльна съ содержаніемъ т. е. съ ощущеніями. Почему Кантъ раздѣлялъ форму созерцанія отъ содержанія, т. е. ощущеній, утверждая, что форма, которою ощущенія упорядочиваются сами, не можетъ быть ощущеніемъ? Задачею Канта было—разграничить въ нашемъ познаніи элементы данные а priori отъ всего, что происходитъ а posteriori, при чемъ напередъ было уже для него опредѣлено какъ понимать то, что дано а priori, и чѣмъ отличается то, что получается а posteriori. А priori даннымъ слѣдуетъ признать то, что свойственно самому субъекту познающему и потому необходимо и неизмѣнно вносится имъ во всякое познаніе, слѣдовательно, что имѣетъ въ себѣ признаки всеобщности и необходимости; а что заимствуется извнѣ, то очевидно зависитъ отъ случайной встрѣчи съ предметами познаваемыми и слѣдовательно не можетъ быть ни всеобщимъ, ни необходимымъ. Таковы ощущенія, которыя появляются въ насъ и уступаютъ мѣсто другимъ вслѣдствіе случайной встрѣчи съ предметами ощущаемыми и ихъ воздѣйствія на насъ. Но не таковы пространство и время, въ которыхъ мы размѣщаемъ все ощущаемое нами; безъ нихъ мы ничего представить не можемъ, слѣдовательно, они для насъ необходимы, а потому и простираются для насъ на все созерцаемое, т. е. всеобщі. Если-же, какъ учитъ Лянге, пространство и время не отдѣлимы отъ ощущеній и даже болѣе того—образуются изъ ощущеній, то слѣдуетъ въ такомъ случаѣ бросить и самую мысль о разграниченіи познанія а priori отъ познанія а posteriori. И

дѣйствительно всякое раздѣленіе одного отъ другаго у Лянге исчезаетъ. Уже не познаніе, имѣющее извѣстный характеръ съ опредѣленными признаками, признается у него а priori дан-нымъ, а организмъ познающаго. А такъ какъ все познаніе цѣликомъ со всѣми его составными элементами производится организмомъ, хотя и во взаимодѣйствіи съ вещами познаваемыми, то вмѣстѣ съ организмомъ приходится уже всякое безъ различія познаніе признать а priori-нымъ, или, наоборотъ, никакое познаніе не можетъ быть признано въ такомъ случаѣ а priori-нымъ въ собственномъ смыслѣ. Правда, по Канту отличительный признакъ того, что а priori дано—необходимость. Но и всякое ощущеніе, такъ рассуждаетъ Лянге, сознается какъ необходимое въ моментъ встрѣчи субъекта ощущающаго съ предметомъ ощущаемымъ ¹⁾. Нужно-ли говорить, что Кантъ разумѣлъ не эту *моментальную* необходимость, которая по-этому самому не есть необходимость? Можетъ-ли кого удовлетворить такое познаніе, которое необходимо, а потому истинно только въ извѣстный моментъ времени?

Не больше смысла удержалъ Лянге и во второмъ усвоенномъ имъ отъ Канта положеніи, именно, что познаніе наше ограничивается *явленіями*; иначе сказать, остался только терминъ, смыслъ-же изъ него изгнанъ, и это опять потому, что Лянге рассматриваетъ познаніе не какъ совокупность актовъ, удостоверяемыхъ сознаниемъ и анализируемыхъ рефлектирующею мыслию, а совершенно неопредѣленнымъ образомъ, чего требуетъ эмпиризмъ, какъ продуктъ взаимодѣйствія между организмомъ психофизическимъ и вещами. Спрашивается теперь, что происходитъ, когда мы рассматриваемъ и разбираемъ происходящій въ насъ

¹⁾ Какъ можно, говоритъ Лянге, телескопъ установить такъ, что каждый имѣющій здравые глаза долженъ увидѣть комету, такъ и новое математическое положеніе можно показать такимъ образомъ, что каждый долженъ познать истину его, кто только вообще способенъ къ правильному созерцанію посредствомъ-ли начертанной фигуры, или посредствомъ фигуры воображаемой, в. 15. Лянге не взялъ во вниманіе той важной разницы между необходимостію увидѣть комету и необходимостію признанія той математической истины, что первая есть временная (комета можетъ сдѣлаться невидимой), а послѣдняя отъ времени не зависитъ (ибо познанная математическая истина сознается какъ имѣющая свою истинность всегда, во всякое время).

процессъ познаванія? Съ точки зрѣнія Лянге такое познаніе, имѣющее предметомъ самую дѣятельность познавательную, происходитъ отъ взаимодѣйствія нашего организма съ самимъ собою. И такъ какъ въ этомъ случаѣ организмъ входитъ въ связь не съ чѣмъ-либо чуждымъ и постороннимъ для себя самого, но съ самимъ собою, то надобно полагать, что въ этомъ единственномъ случаѣ познаніе наше не ограничивается явленіями, а входитъ въ самую глубь существа познаваемаго. И точно Лянге, какъ мы видѣли, прямо говоритъ, что должна быть дана возможность для насъ различать *существенное* и необходимое въ насъ отъ измѣнчиваго, и далѣе онъ полагаетъ, что это существенное найдено наукою, именно оно заключается въ фізіологико-психическихъ безсознательныхъ процессахъ (до сознанія достигаютъ только продукты этихъ процессовъ, а не самые процессы), а часто сознательныя операціи мысли, коль скоро онѣ отрѣшаются отъ чувственности, не заключаютъ въ себѣ ничего существеннаго; существо человѣка несравненно болѣе въ тѣлесной его природѣ, нежели въ природѣ духовной. Впрочемъ Лянге не любитъ прямо и рѣшительно высказывать свои заключенія. Онъ предпочитаетъ компромисы. Онъ не согласенъ съ тѣмъ, что для насъ возможенъ гдѣ-либо выходъ изъ замкнутаго круга явленій, и даже предлагаетъ къ явленіямъ относиться такъ, какъ-бы въ нихъ для насъ заключалась вся дѣйствительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ объ ограниченіи познанія явленіями, такъ какъ-бы всегда слѣдовало имѣть въ виду мысль о вещи въ себѣ лежащей за предѣлами явленій. Мы сами для познанія не болѣе какъ совокупность явленій. Но если такъ, то какой-же смыслъ имѣетъ различеніе въ нашей природѣ болѣе существеннаго и менѣе существеннаго, постояннаго и измѣнчиваго? Если строго держаться точки зрѣнія Лянге, то можно сказать только, что намъ кажется, представляется то или иное сравнительно съ другимъ, болѣе существеннымъ, но мы не имѣемъ ничего противъ того, если другимъ казалось или кажется это самое иначе, ибо мы не имѣемъ возможности знать ни о чемъ по существу, какъ оно есть подлинно, въ себѣ самомъ. Но Лянге далекъ отъ подобнаго метода обсужденія вещей. Въ свое оправданіе онъ не

можетъ сказать и того, что онъ лишь слѣдуетъ философіи Канта, когда утверждаетъ, что познаніе наше ограничено явленіями. Ибо хотя Кантъ и дѣлаетъ такое заключеніе въ Критикѣ чистаго разума, но въ своей Критикѣ практическаго разума, вообще въ практической философіи, онъ однако указываетъ путь для выхода изъ міра явленій, слѣдовательно Кантъ ясно видѣлъ необходимость такого выхода. Между тѣмъ Лянге именно практическую часть философіи Канта отвергаетъ какъ неимѣющую въ его глазахъ серьезнаго значенія ¹⁾. Дѣло въ томъ, что если строго держаться того положенія, что познаніе наше ограничено явленіями, тогда неизбежно для насъ отвергнуть въ отношеніи познанія всякое различіе между истиннымъ и ложнымъ, что и было сдѣлано нѣкогда *Протагоромъ* — извѣстнымъ древнимъ софистомъ, котораго Лянге такъ возвеличиваетъ. Познаніе наше — продуктъ взаимодѣйствія между организмомъ и окружающею его средою. Взаимодѣйствіе это порождаетъ разнообразныя явленія въ нашемъ сознаніи. Если въ одно время организмъ человѣка, вступая во взаимодѣйствіе съ внѣшнимъ міромъ, производитъ одни явленія, а въ другое время — другія, или измѣняетъ различнымъ образомъ тѣ же явленія, а отъ всего этого происходитъ разнообразіе мнѣній, взглядовъ, то такъ это и должно быть. Организмъ, должно полагать, сообразно со своими измѣняющимися потребностями производитъ явленія разнообразныя и различнымъ образомъ ихъ видоизмѣняетъ. Посему если, напримѣръ, въ настоящее время мы видимъ господство материалистическихъ воззрѣній, то это значитъ, что эти именно воззрѣнія соотвѣтствуютъ потребностямъ времени, отъ нихъ, слѣдовательно, происходитъ наибольшая польза для человѣчества. „Здѣсь, говоритъ Лянге, намъ прямо напрашивается вопросъ:

¹⁾ „Вся практическая философія есть неустойчивая и преходящая часть Кантовой философіи, какъ ни сильно дѣйствовала она на современниковъ. Только мѣсто не преходяще, но не зданіе, которое мастеръ воздвигъ на этомъ мѣстѣ. Самое указаніе этого мѣста, какъ свободнаго помѣщенія для построения этической системы, едва ли можно причислить къ устойчивымъ составнымъ частямъ системы... Все значеніе великой реформы, совершенной Кантомъ, скорѣе слѣдуетъ полагать въ его критикѣ теоретическаго разума. Стр. 2.

что такое вся опытная наука, если мы снова находимъ лишь нами самими созданные законы въ вещахъ, которыя вовсе не вещи, а лишь явленія? Къ чему ведетъ вся наша наука, если мы должны представлять себѣ абсолютно-существующія вещи, — *вещи въ себѣ*, безъ пространства и времени, а стало-быть вполне непонятнымъ для насъ образомъ. Въ отвѣтъ на эти вопросы мы даемъ покаместъ лишь встрѣчный вопросъ: кто-же говорить, что мы вообще должны заниматься непонятными для насъ *вещами въ себѣ*? Развѣ не существуютъ во всякомъ случаѣ естественныя науки такъ какъ онѣ существуютъ, и развѣ онѣ не дѣлаютъ того, что онѣ дѣлаютъ, совершенно независимо отъ мысли о послѣднихъ основаніяхъ всей природы, къ которымъ мы приведены философскою критикою?"

П. Липицкій.

(Продолженіе будетъ).

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

ВЪ

ПСИХОЛОГИИ.

„Гони природу въ дверь,
она влетитъ въ окно“.

ВСТУПЛЕНІЕ.

1. Оцѣнка всякаго метода должна быть только философская.—2. Но философія въ упадкѣ.—3. Поэтому въ настоящее время приложение этой оцѣнки неудобно.—4. Задача очерка.

1. Оцѣнка метода какой-нибудь науки всегда должна носить характеръ философскій, потому что самъ методъ можетъ быть установленъ только философски, синтетически, или-же аналитически—это все-равно. А что онъ устанавливается именно философски, это видно изъ того, что какъ задача какой-бы то ни было науки, такъ и условія ея рѣшенія должны быть найдены еще раньше самаго научнаго изслѣдованія и рѣшенія. Иначе рѣшеніе и изслѣдованіе были-бы простою случайностію, и не отличались-бы характеромъ научности. Въ силу этого и физиологическій методъ психологіи, конечно, могъ быть установленъ только философски, а потому и надлежащая оцѣнка его должна носить философскій характеръ.

2. Но мы не станемъ дѣлать подобной оцѣнки физиоло-

гическаго метода въ психологіи, не станемъ по той причинѣ, что философія, по мнѣнію многихъ, въ настоящее время будто-бы окончательно убита такъ называемой положительной наукой, именно, метафизика—естествовѣдѣніемъ, психологія—физиологіей. „Во всей Европѣ, говорятъ, философія потеряла кредитъ“ ¹⁾. Правда, относительно причинъ этого явленія не всѣ согласны между собою: одни винятъ методъ философіи „умозрительный и дедуктивный“ ²⁾; другіе, напротивъ, винятъ предметъ философскихъ изслѣдованій, состоящій будто-бы въ „отвлеченныхъ сущностяхъ и словахъ“, поставленныхъ будто-бы на мѣсто реальныхъ вещей ³⁾. Однако всѣ ревностные жрецы науки и до сего времени еще продолжаютъ съ трогательнымъ единодушіемъ трубить о несостоятельности философіи и пророчествовать о ея окончательномъ паденіи.

3. Конечно, есть и въ настоящее время такіе странные метафизики, которые объясняютъ теперешній упадокъ философіи особымъ устройствомъ „положительныхъ“ ученыхъ головъ, вслѣдствіе котораго имъ не остается ничего дѣлать, какъ самымъ положительнымъ образомъ отрицать то, чего онѣ не понимаютъ. Есть такіе ослѣпленные философы, которые уже теперь могутъ указать намъ поворотъ въ настроеніи умовъ и оживленіи интереса къ философіи, какъ это доказывается возвращеніемъ отъ матеріализма къ Шопенгауэровой философіи, желаніемъ позитивизма примкнуть къ Канту, новокантианизмомъ и даже—*horribile dictu!*—метафизическими толками о четвертомъ измѣреніи пространства,

¹⁾ *Льюисъ*, Исторія философіи, переводъ Спасовича, С.-П.-Б. 1865. Введеніе, стр. 1.

²⁾ *Ibidem*, стр. XV и слѣд.

³⁾ *Сьченевъ*, Психологическіе этюды С.-П.-Б. 1873, стр. 199: „Въ подобныхъ грѣхахъ, говорится здѣсь, метафизику упрекнуть нельзя: если-бы они въ ней были, то ученія ея не могли-бы такъ долго властвовать надъ умами—метафизическія системы поражаютъ, наоборотъ, именно своею логическою стройностію, рядомъ съ всеобъемлемостью задачъ. Значитъ, грѣхъ долженъ лежать въ самыхъ *метафизическихъ объектахъ*“. Противорѣчащее этому утвержденіе см. на предъидущей 128 стр. *Маудсли*, Физиологія и патологія души, перев. Исана С.-П.-Б. 1871. 44—45.

старую шуткою Мизеса ¹⁾. Но мы не принадлежимъ къ числу этихъ оригинальныхъ философовъ. Мы не рискуемъ критически отнестись къ физиологическому методу психологии во имя философіи, твердо памятуя слѣдующее изреченіе извѣстнаго историка матеріализма Ланге: „Метафизикъ, по его словамъ, съ большею растратою остроумія опровергаетъ всѣ возможные другіе взгляды, и тамъ, гдѣ онъ развиваетъ свое собственное мнѣніе, онъ дѣлаетъ логическое кувырканіе самаго обыкновеннаго сорта“ ²⁾.

4. Въ виду всего этого, какъ читатель безъ сомнѣнія согласится со мною, лучше совершенно воздержаться отъ какого-бы то ни было критическаго сужденія о названномъ методѣ. Допустимъ, что методъ этотъ совершенно надеженъ и самымъ вѣрнымъ и прямымъ путемъ ведетъ къ рѣшенію психологической проблемы. Затѣмъ постараемся выяснитъ самое основаніе, существо и приложеніе этого метода, какъ выясняютъ все это сами „физиологическіе психологи“. Наконецъ, сдѣлаемъ попытку уяснитъ себѣ какимъ образомъ адепты этого метода сводятъ концы съ концами, т. е. какъ объединяютъ они результаты, добытые этимъ методомъ, съ тѣми основаніями, на которыхъ онъ зиждется. При этомъ предоставимъ изъясняться самимъ физиологамъ; мы-же останемся простыми зрителями. Вѣдь никакъ нельзя ручаться, что господа физиологи не продѣлаютъ тутъ передъ нами какого-нибудь кувырканья, можетъ быть даже совсѣмъ „не логическаго“.

¹⁾ Мизесъ—псевдонимъ Теодора Фехнера. Шутку свою о четырехъ измѣреніяхъ онъ развиваетъ въ книжкѣ: Vier Pagadoxa, Leipzig, 1846. Современные „натуралисты“ приняли эту шутку совсѣмъ въ серъезъ и даже хотѣли обосновать на ней возможность спиритизма.

²⁾ Ланге, Исторія матеріализма, С.-П.Б. 1883, т. II, стр. 332.

I.

О задачѣ науки.

5. Объясненіе—задача науки.—6. Что такое объясненіе.—7. Задача психологій.

5. Такъ какъ методъ рѣшенія находится въ зависимости отъ задачи, какую нужно рѣшить, то любопытно знать, въ чемъ именно состоитъ задача фізіологическаго изученія психическихъ явленій по мнѣнію фізіологовъ. Прямыхъ и точныхъ указаній относительно этого предмета мы впрочемъ найдемъ весьма не много. „Между естественными науками обыкновенно различаютъ, по словамъ Вундта, науки описательныя, или естественную исторію, и науки объяснительныя, или естествознаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова“. „Фізіологическая психологія, говоритъ онъ, есть по *существу* наука *объяснительная*, такъ какъ задача ея главнымъ образомъ заключается въ изслѣдованіи элементарныхъ явленій психической жизни. При этомъ она должна имѣть точкою исхода фізіологическія явленія, съ которыми психологическія имѣютъ тѣснѣйшую связь“¹⁾. Понятно, что задача фізіологической психологій, какъ частной науки, должна заключать въ себѣ и общую задачу естествознанія и потому мысль почтеннаго ученаго заслуживаетъ полнаго уваженія. Но противъ этой мысли выступаетъ профессоръ Сѣченовъ въ слѣдующихъ словахъ, направленныхъ противъ Кавелина: „Общее знамя, говоритъ Сѣченовъ, подъ которымъ ходятъ, по мнѣнію г. Кавелина, матеріалисты всѣхъ временъ (конечно, только научные; о салонныхъ здѣсь говорить не мѣсто) заключается въ стремленіи *объяснить духовную дѣятельность человека изъ матеріальнаго начала*. О матеріалистахъ прошлаго времени я спорить не стану; что-же касается до современныхъ, къ которымъ онъ очевидно относитъ фізіологовъ по профессіи, то смѣю увѣрить г. Кавелина, что его утвержденіе—горькая ошибка. Всякій натуралистъ, мало-

¹⁾ Вундтъ, Основанія фізіологической психологій, перев. Кандинскаго. Москва. 1880. стр. 4.

мальски знакомый съ естественными науками, особенно физикой и химіей, очень ясно сознаетъ смыслъ слова „объяснить“, чтобы написать на своемъ психологическомъ знамени такую нелѣпость. Тѣмъ болѣе физиологъ, который знаетъ, что вся существенная (sic) сторона нервной, т. е. соматической дѣятельности, стоящей наиболѣе близко къ психической жизни, не выяснена даже настолько, чтобы сказать, какой изъ извѣстныхъ физическихъ дѣятелей играетъ существенную роль въ нервномъ актѣ. Такія капитальныя ошибки происходятъ именно отъ того, что не-натуралисты слишкомъ играютъ словомъ „объяснить“. Напримѣръ, найдетъ натуралистъ какую-нибудь чисто внѣшнюю аналогію со стороны происхожденія между актомъ завѣдомо психическимъ и соматическимъ, у не-натуралистовъ выходитъ тотчасъ же изъ этого, что *все* психическое явленіе сведено на матеріальныя условія“¹⁾. „Всѣ предшествовавшія философскія системы погибли не отъ того только, что онѣ силились вывести весь міръ изъ какого-нибудь одного начала, но еще и отъ того, что онѣ считали вообще возможнымъ *объяснить* что-бы то ни было общимъ началомъ“²⁾. Такъ говоритъ г. профессоръ. Впрочемъ, онъ не замедлилъ опровергнуть себя въ той-же книгѣ. „Такъ какъ мы признали психологію наукой, не установившейся, говоритъ онъ, то для выясненія способа рѣшенія ея первой задачи удобнѣе всего будетъ встать на такую точку зрѣнія, какъ будто-бы научной разработки психическихъ фактовъ не существовало вовсе. Вставъ на такую точку зрѣнія, читатель долженъ глубоко проникнуться аксіомой (sic!), лежащей въ основѣ всякаго *созидающагося* человѣческаго изученія (этимъ путемъ шла даже математика),—восходитъ съ цѣлью изученія отъ простаго къ сложному, или что тоже, *объясняютъ* сложное болѣе простымъ, но никакъ не наоборотъ“³⁾. Оцѣ-

¹⁾ Свѣценовъ, Психол. этюды. стр. 114—115.

²⁾ Ibid 112—113.

³⁾ Ibid. стр. 147—148. Самъ г. Свѣценовъ, впрочемъ, повидимому поступаетъ наоборотъ, когда, положивъ въ основу своего изслѣдованія первоначальныя

нивая далѣе заслугу равныхъ фізіологическихъ школъ, онъ говоритъ, что „въ грубыхъ представленіяхъ ятро-механиковъ и ятро-химиковъ скрывались все-таки здоровые зачатки научнаго направленія, стремящагося *объяснить сложное простѣйшимъ*“²⁾). Такимъ образомъ г. профессоръ, вопреки себѣ, вынужденъ признать, что общая задача фізіологической психологіи состоитъ все-таки въ объясненіи, т. е. самъ впадаетъ въ ту горькую ошибку, въ которой упрекаетъ г. Кавелина, или можетъ быть тоже невольно начинаетъ играть словами.

6. Чтобъ не впасть въ эту игру словами и понять хорошенько, что такое значить слово „объяснить“, обратимся за справкой къ Системѣ Логики Милля, который, надѣюсь, всѣми натуралистами будетъ признанъ въ этомъ дѣлѣ судьбою вполне компетентнымъ. Впрочемъ ограничимся слѣдующей выпиской: „О частномъ фактѣ говорятъ, что онъ объясненъ, когда указана его причина, т. е. когда опредѣлены законъ или законы связи причины со слѣдствіемъ, произведшіе этотъ фактъ какъ случай“. „Существуютъ три способа объяснять законы связи причины со слѣдствіемъ или, что тоже самое, разлагать ихъ на другіе законы. Первый способъ состоитъ въ томъ, что законъ дѣйствія соединенныхъ причинъ (т. е. условій) разлагается на отдѣльные законы причинъ (т. е. на законы, соответствующіе каждому отдѣльному условію), вмѣстѣ съ фактомъ ихъ совокупности. Второй способъ: когда законъ, связывающій какія-либо два смежныя звѣна въ цѣпи причинъ и слѣдствій, разлагается на законы, связывающіе каждое изъ этихъ звѣньевъ съ промежуточными. Оба эти случая состоятъ въ разложеніи одного закона на два или болѣе. Въ третьемъ случаѣ два или болѣе закона обращаются въ одинъ: когда, указавъ дѣйствительность закона въ нѣсколькихъ различныхъ родахъ случаевъ, мы рѣшаемъ, что истинное въ каждомъ изъ этихъ родовъ случаевъ истинно и при

слитныя ощущенія ребенка, начинаетъ говорить объ ихъ послѣдовательномъ „расчлененіи“. Стр. 179—186, 204—206.

²⁾ Ibid. стр. 149.

болѣе общемъ предположеніи, которое состоитъ изъ того, что обще всѣмъ этимъ родамъ (рѣчь идетъ о выдѣленіи общихъ законовъ причинной связи изъ частныхъ). Во всѣхъ трехъ процессахъ законы разлагаются на другіе, болѣе общіе“¹⁾. „Слово „объясненіе“ употреблено здѣсь въ его философскомъ значеніи. Что называется объясненіемъ одного закона природы другимъ, есть лишь замѣна одной тайны другою“. „Поэтому мы постоянно должны помнить, что въ наукѣ люди, говорящіе объ объясненіи какаго-либо явленія, понимаютъ (или должны-бы были понимать) подъ объясненіемъ—указаніе не болѣе знакомаго, а лишь болѣе общаго явленія, которому первое служить частнымъ примѣромъ, или указаніе законовъ связи причины со слѣдствіемъ, законовъ, которые производятъ первое явленіе своимъ совокупнымъ или послѣдовательнымъ дѣйствіемъ, и на основаніи которыхъ, значить, условія этого явленія могутъ быть опредѣлены дедуктивно“²⁾.

7. Этихъ выписокъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, что, по мнѣнію Милля, объясненіе заключаетъ въ себѣ два момента: во-первыхъ, аналитическое указаніе общихъ причинъ или законовъ для частныхъ случаевъ и, во-вторыхъ, синтетическое выведеніе этихъ частныхъ случаевъ изъ общихъ причинъ и законовъ, т. е. сведеніе къ общему или выведеніе изъ общихъ условій. Оба эти момента на практикѣ конечно даны одновременно, ибо только тому удастся свести частные факты къ общимъ условіямъ, кто можетъ ихъ вывести изъ нихъ, и обратно. Отсюда слѣдуетъ, что если задача психологіи дѣйствительно состоитъ въ объясненіи душевныхъ явленій, то она сводится къ сведенію и выведенію этихъ явленій изъ ихъ общихъ условій и законовъ. Иными словами: всякая психологія должна объяснить душевныя явленія ихъ послѣдними условіями или причинами, если только она преслѣдуетъ научныя цѣли и хочетъ быть

¹⁾ Милль. Система Логикъ, перев. Лаврова. С. П. Б. 1865. т. I. стр. 528 536. 537.

²⁾ Ibid. стр. 537—538.

наукою. Можно даже и не предрѣшать напередъ, общія-ли это будутъ причины или частныя, хотя и несомнѣнно, что онѣ не могутъ быть необщими. Изъ этихъ причинъ она и должна вывести законы душевныхъ явленій и свойства ихъ.

II.

Методы психологіи.

8. Различіе методовъ—субъективнаго и объективнаго.—9. Сходство по формѣ.—10. Различіе по содержанію или принципу.—11. Одностороннее примиреніе ихъ Вундтомъ.—12. Физиологи рѣшительно предпочитаютъ методъ объективный.—13. Резюме и переходъ.

8. Задача психологіи можетъ быть только одна. Но относительно способа ея рѣшенія или метода существуютъ значительныя разногласія. Предметомъ, требующимъ изъясненія изъ своихъ условій, является въ данномъ случаѣ именно психическая жизнь, выражающаяся въ совокупности таеъ или иначе развивающихся психическихъ явленій. Едва-ли можетъ подлежать спору, что явленія психической жизни первѣе всего намъ извѣстны изъ внутренняго самосознанія. Мы не могли-бы имѣть никакого представленія, никакой мысли о психическихъ явленіяхъ, происходящихъ въ насъ самихъ, или-же въ другихъ людяхъ, если-бы не замѣчали ихъ существованія въ самомъ сознаніи. Безъ этого сознанія ихъ для насъ совсѣмъ-бы не было, какъ нѣтъ ихъ для новорожденнаго ребенка. Слѣдовательно сознаніе ихъ совершенно необходимо, чтобы мы могли говорить объ ихъ существованіи. Но это же сознаніе, свидѣтельствующее намъ объ ихъ бытіи, показываетъ намъ, что онѣ не только стоятъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ одно къ другому, но имѣютъ отношеніе и къ внѣшнимъ явленіямъ, доступнымъ намъ при помощи внѣшняго ощущенія посредствомъ органовъ чувствъ, и ближе всего къ органической жизни нашего собственнаго тѣла. Спрашивается, гдѣ искать объясненія психическихъ явленій: внутри-ли ихъ самихъ нужно искать ихъ условій и производящихъ причинъ, или же внѣ ихъ, въ органической

жизни нашего тѣла?—вотъ вопросъ, раздѣляющій психологовъ на два лагеря. Старая психологія, называемая противниками „школьною“, искала этихъ условій внутри самыхъ психическихъ явленій; напротивъ, фізіологическая психологія ищетъ ихъ въ фізіологическихъ отправленіяхъ организма. Очевидно здѣсь вопросъ о методѣ, о томъ, какимъ способомъ можетъ быть рѣшена задача психологіи. Одни утверждаютъ, что она можетъ быть рѣшена посредствомъ внутренняго изученія явленій собственно психическихъ, другіе, напротивъ, доказываютъ, что рѣшенія ея надо искать въ изученіи внѣшнихъ явленій и ближе всего собственно фізіологическихъ. Одни утверждаютъ, что къ рѣшенію задачи ведетъ методъ самонаблюденія, другіе, напротивъ, что къ этой цѣли можетъ вести только методъ внѣшняго наблюденія, особенно методъ фізіологическаго изученія тѣлесныхъ условій психической жизни. Есть наконецъ и третьи, которые признаютъ необходимость пользоваться какъ самонаблюденіемъ, такъ и внѣшнимъ наблюденіемъ, какъ изученіемъ внутреннихъ условій, такъ и изученіемъ условій внѣшнихъ. Другими словами, мы имѣемъ: субъективный методъ, объективный и смѣшанный.

9. Вникнемъ ближе въ сущность этихъ методовъ. Логическое, или формальное, существо ихъ одинаково. Какъ методъ субъективный, такъ и методъ объективный могутъ идти только аналитически, или синтетически, индуктивно, или дедуктивно. Какъ субъективное самонаблюденіе, такъ и объективное изученіе могутъ начинать сложнымъ, чтобы придти къ простѣйшему, а отъ этого простѣйшаго—къ послѣднимъ началамъ изучаемыхъ явленій. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ анализъ или индукцію. Или-же какъ объективное, такъ и субъективное изученіе можетъ отправляться отъ первыхъ началъ и условій, чтобы вывести изъ нихъ сначала простѣйшія явленія, а затѣмъ изъ нихъ построить сложные. Субъективная психологія, направляющаяся отъ наблюденія психическихъ явленій къ ихъ началу, есть такъ называемая психологія эмпирическая; таже психологія, но отправляющаяся отъ послѣднихъ началъ къ явленіямъ, есть психологія ра-

ціональная или такъ называемая умозрительная. Тѣмъ-же путемъ идетъ и психологія объективная. Что она должна идти отъ наблюденія сложнаго къ простѣйшему—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, если только она претендуетъ быть наукою индуктивною. Наука „должна разчленять цѣльное явленіе до возможныхъ предѣловъ, свести сложныя отношенія на болѣе простыя. Этимъ путемъ должна идти и психологія“, говоритъ профессоръ Сѣменовъ ¹⁾. Очевидно это путь отъ сложнаго къ простому. Но объективная психологія можетъ идти и обратнымъ путемъ или дедуктивнымъ. Тотъ-же профессоръ Сѣменовъ на слѣдующей страницѣ говоритъ: „читатель долженъ глубоко проникнуться аксіомой, лежащей въ основѣ всякаго созидающагося человѣческаго изученія (этимъ путемъ шла даже математика)—восходитъ ²⁾ съ цѣлью изученія отъ простого къ сложному, или что то же, объяснять сложное болѣе простымъ, но никакъ не наоборотъ (sic!)“ ³⁾. Г. профессоръ, очевидно, и не подозреваетъ, что онъ *исключительно* рекомендуетъ дедукцію и умозрѣніе и тѣмъ жестоко противорѣчитъ себѣ ⁴⁾. Но для насъ важно, въ настоящемъ случаѣ, конечно только признаніе перехода отъ простого къ сложному, т. е. синтеза, дедукціи. И такъ индуктивною и дедуктивною могутъ быть обѣ психологіи, какъ субъективная, такъ и объективная.

10. Но при этомъ ихъ сходствѣ въ формальномъ отношеніи между ними есть существенное различіе въ матеріальномъ отношеніи: психологи субъективисты полагаютъ, что простѣйшими элементами и послѣдними производящими условіями психическихъ явленій служатъ элементы и внутреннія условія сознанія, а психологи-объективисты полагаютъ, что простѣйшими элементами и послѣдними условіями этихъ явленій служатъ внѣшнія фізіологическія условія организма.

¹⁾ Псих. этюдн. 147.

²⁾ Правильнѣе было-бы сказать *исходитъ*, но профессору этого термина очевидно употребить не хочется.

³⁾ Псих. этюдн, стр. 148.

⁴⁾ Ниже мы будемъ имѣть случай познакомиться съ дедуктивными элементами фізіологической психологіи болѣе подробно.

Одни утверждаютъ, что въ послѣднемъ анализѣ мы должны получить чисто психическую дѣятельность, другіе, напротивъ, чисто фізіологическую. Поэтому одни говорятъ объ особомъ психическомъ началѣ душевной дѣятельности или душѣ, а другіе о матеріальномъ началѣ или мозгѣ. Одни объясняютъ психическую дѣятельность дѣятельностію души, другіе—дѣятельностію матеріи. Одни держатся того мнѣнія, что психологія есть самостоятельная наука, другіе—утверждаютъ, что она есть часть фізіологіи. Въ настоящее время со времени Фехнера впрочемъ все болѣе распространяется убѣжденіе, что оба эти метода, взятые въ своей исключительности, односторонни, что истинные интересы науки требуютъ параллельнаго употребленія этихъ методовъ, потому что ни объективное не можетъ быть сведено къ субъективному, ни субъективное къ объективному, но что тѣло и духъ это двѣ стороны единой сущности—тѣло объективная, а духъ субъективная, подобно тому какъ въ кругѣ мы можемъ различать внутреннюю сторону вогнутую, и внѣшнюю,—выпуклую ¹⁾. Этимъ хотятъ замѣнить старую дуалистическую антропологію, по которой душа и тѣло представляютъ собою двѣ различныя субстанціи.

11. Впрочемъ примиреніе это производится односторонне и далеко не всѣми раздѣляется. Сами примирители переносятъ центръ тяжести изъ субъективной области въ объективную, изъ психологіи въ фізіологію, на томъ основаніи, что только фізіологическое изученіе можетъ обладать истиннымъ научнымъ достоинствомъ, истиннымъ научнымъ индуктивнымъ и экспериментальнымъ методомъ. „Фізіологическая психологія, изслѣдуя отношенія между внутреннимъ и внѣшнимъ бытіемъ“, говоритъ Вундтъ въ своей превосходной книгѣ, посвященной этому предмету,—„начинаетъ съ путей, ведущихъ отъ внѣшняго міра къ внутреннему. Прежде всего она изучаетъ явленія фізіологическія и старается выяснить, какъ этими явленіями опредѣляется область внутренняго

¹⁾ *Fechner, Zendavesta, 1851, II, 340.* Ссылка у *Льюиса, Вопросы о жизни и духѣ, I, стр. 202.*

опыта; затѣмъ уже она обращаетъ вниманіе на обратныя воздѣйствія внутренняго міра явленій на внѣшній. Поэтому эта наука, по характеру и взглядамъ своимъ, приближается болѣе къ одной изъ тѣхъ двухъ наукъ, между которыми она помѣщается какъ промежуточный членъ, именно къ фізіологіи. Мы называемъ нашу науку фізіологическою психологіей, потому что она есть психологія, изучаемая съ фізіологической точки зрѣнія. До сихъ поръ вообще всѣ проблемы, затрогивающія соотношенія между явленіями внутренней и внѣшней жизни, входили въ область психологіи, тогда какъ фізіологія охотно сторонилась отъ тѣхъ вопросовъ, при рѣшеніи которыхъ существенную роль играетъ умозрѣніе. Но въ послѣднее время психологи уже начали ближе знакомиться съ результатами фізіологическихъ изслѣдованій, съ другой стороны и фізіологи, дойдя до нѣкоторыхъ конечныхъ общихъ вопросовъ, должны были обратиться за помощью къ психологіи. Такое возникшее изъ общихъ потребностей сближеніе двухъ отраслей знанія и создало фізіологическую психологію какъ науку. Проблемы этой науки, какъ ни близко касались онѣ фізіологіи, раньше большею частью относились къ области психологіи; средства-же къ рѣшенію этихъ проблемъ заимствованы отъ обѣихъ наукъ. Психологическое самонаблюденіе идетъ рука объ руку съ методами экспериментальной фізіологіи, и изъ приложенія этихъ методовъ къ психологіи возникаютъ, какъ самостоятельныя вѣтви экспериментальнаго изслѣдованія, психофізическіе методы. Если имѣть въ виду главнымъ образомъ *самостоятельность* метода, то нашу науку можно назвать экспериментальною психологіею, въ отличіе отъ психологіи, основанной исключительно на самонаблюденіи¹⁾. „Такимъ образомъ, центръ тяжести нашей науки не лежитъ собственно въ сферѣ внутренняго опыта, въ который она старается проникнуть какъ-бы извнѣ. Именно поэтому-то она и можетъ пользоваться экспериментальнымъ методомъ, этимъ могущественнымъ рычагомъ естествознанія... Искусственно мо-

1) Основанія фізіол. психологіи, стр. 2.

гутъ быть измѣняемы только *внѣшнія*, физическія условія внутреннихъ явленій и только они доступны прямому измѣненію“. „Но путемъ измѣненія внѣшнихъ условій мы можемъ измѣнять и теченіе внутренней жизни, что существенно способствуетъ выясненію для насъ законовъ самой душевной жизни. Въ этомъ смыслѣ всякій психофизическій экспериментъ есть въ тоже время экспериментъ физиологическій“¹⁾. Очевидно, что внутренній опытъ здѣсь просто становится въ зависимость отъ внѣшняго эксперимента и психологія въ зависимость отъ физиологіи. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь примиреніе двухъ наукъ довольно одностороннее.

12. Строгіе сторонники объективнаго метода не дѣлаютъ однако и той малой уступки, какую дѣлаетъ Вундтъ. Они привлекаютъ къ изученію психологіи психологію животныхъ, психологію дѣтей и народовъ, моральную статистику²⁾, но не соглашаются сдѣлать уступки въ пользу психологіи внутреннего опыта, самонаблюденія или самосознанія, руководствующагося извѣстными научными приемами³⁾. И понятно почему. Психологія животныхъ, психологія народовъ и моральная статистика руководствуются внѣшнимъ наблюденіемъ, между тѣмъ какъ психологія самосознанія внутреннимъ самонаблюденіемъ. Внѣшнее наблюденіе психической жизни разсматриваетъ эту жизнь какъ часть міра физическаго, какъ явленіе, подчиненное неизбѣжнымъ механическимъ законамъ, и потому въ сущности можетъ быть и должно быть сведено сторонниками этого метода къ физиологическому изученію, ибо, въ физиологическомъ строеніи, съ этой точки зрѣнія, коррелируется психологія животныхъ, человѣка и взаимныхъ отношеній какъ животныхъ между собою, такъ и людей. Вслѣдъ за Конттомъ Льюисъ, наприм., требуетъ, чтобы психологъ изучалъ животный организмъ и общественный организмъ, ибо, по его словамъ: „психическая жизнь человѣка имѣетъ два

¹⁾ Ibid. стр. 5.

²⁾ *Сычевъ*. Псих. этюды, стр. 148, 128 и слѣд. *Ланге*, Истор. Матер. II стр. 343, 345, 355.

³⁾ Ibid. 349—355.

источника: 1) животный организм и 2) общественный организм“¹⁾). Но легко понять, что, по взгляду самого Льюиса, корнемъ и основаніемъ соціологіи служить все-таки фізіологія, потому что, согласно классификаціи наукъ Конта, въ соціальную органическую жизнь законы индивидуальной органической жизни входятъ всецѣло, какъ общій элементъ. Самъ Контъ, какъ извѣстно, считалъ психологію частію или вѣтвію фізіологіи²⁾), но Льюисъ съ нимъ не согласенъ и, предлагая сохранить порядокъ физическихъ наукъ, предложенный Контомъ, рекомендуетъ „ввести новую основную науку—психологію, какъ основаніе соціологіи, т. е. начинать науку о человѣчествѣ предварительной наукой о природѣ человѣка“³⁾). Но и онъ согласенъ, что психологію должны изучать фізіологи, или шире, біологи. Итакъ, послѣдніе элементы объективнаго метода несомнѣнно коренятся въ фізіологіи и вся объективная психологія должна быть сведена, слѣдовательно, къ фізіологіи. Но тогда напрасно выдѣлять ее въ особую науку и должно прямо признать за часть или вѣтвь фізіологіи, по крайней мѣрѣ, въ ея начальныхъ основаніяхъ. Строгіе поборники фізіологическаго метода, фізіологи, держатся какъ разъ именно этого взгляда. Только съ переходомъ въ руки фізіологіи, психологія пріобрѣтетъ характеръ положительной науки, „такъ какъ она одна (т. е. фізіологія) держитъ въ своихъ рукахъ ключъ къ истинно-научному анализу психическихъ явленій“⁴⁾), говоритъ проф. Сѣченовъ. „Психическая дѣятельность человѣка есть функція одного органа, мозга, говоритъ докторъ Пидеритъ, и потому психологія принадлежитъ къ области фізіологіи“⁵⁾).

13. Допустимъ, что мнѣніе фізіологовъ справедливо, и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Прежде всего, конечно,

¹⁾ Льюисъ, Вопросы о жизни и духѣ, С. П. В. I, 126.

²⁾ Льюисъ и Милль, Огюсть Контъ и положительная философія, переводъ подъ ред. Неклюдова и Тиблена. С. П. В. 1867, стр. 230.

³⁾ Ibid. стр. 232.

⁴⁾ Психол. этюды, стр. 164.

⁵⁾ Пидеритъ, Мозгъ и его дѣятельность, популярный очеркъ фізіологической психологіи, перев. Хмѣлевскаго, С. П. В. 1866, стр. VIII.

намъ нужно видѣть приложеніе фізіологическаго метода къ объясненію психическихъ явленій. Мы видѣли, что принципъ, на которомъ методъ этотъ основывается, состоитъ въ признаніи для психическихъ явленій условій или причинъ чисто фізіологическихъ, матеріальныхъ. Посмотримъ, какимъ образомъ проводится этотъ принципъ въ приложеніи къ области, какую посредствомъ него думаютъ объяснить. Здѣсь мы прежде всего видимъ, что прилагается и проводится этотъ принципъ обыкновенно какъ отрицательно, такъ и положительно. Отрицательно онъ прилагается къ критикѣ противныхъ взглядовъ, противнаго метода, т. е. метода субъективнаго самонаблюденія и самосознанія. Положительно прилагается въ попыткахъ дѣйствительнаго объясненія психическихъ явленій изъ дѣятельности мозга. Здѣсь онъ опять проводится или индуктивно, въ указаніи различныхъ видовъ зависимости психическихъ явленій отъ фізіологической дѣятельности мозга, или дедуктивно, въ подведеніи психической дѣятельности подъ общіе законы механическихъ процессовъ. Итакъ, обратимъ вниманіе сначала на образцы критики субъективной психологіи, затѣмъ на индуктивныя доказательства и наконецъ на дедуктивное изъясненіе, какъ все это производится сторонниками объективно-фізіологическаго метода.

III.

Психологія безъ самонаблюденія.

14. Критика самонаблюденія у Маудсли.—15. Возраженія противъ органа самонаблюденія—Сѣченова.—16. Критика различія внутренняго и вѣшняго наблюденія у Ланге.—17. Резюме критики самонаблюденія.

14. Такъ какъ субъективная психологія существуетъ или въ эмпирической формѣ, основанной на самонаблюденіи частныхъ явленій психической жизни, или же въ рациональной формѣ, основанной на существѣ души, то и образцы критики субъективнаго метода мы расположимъ въ двухъ отдѣлахъ. Сначала критику метода эмпирической психологіи. Образецъ этой критики заимствуемъ у Маудсли. „Эм-

пирическая психологія, основанная не на трансцендентальномъ сознаніи, служащемъ исходною точкою метафизики, а на непосредственномъ сознаніи“, говоритъ Маудсли, „имѣеть притязанія дать вѣрный отчетъ о различныхъ состояніяхъ нашего духа и ихъ взаимномъ отношеніи. Какъ индуктивное знаніе она чрезмѣрно восхвалялась шотландскою школою. Значеніе этой психологіи, какъ науки, должно совершенно основываться на достаточности и достовѣрности сознанія, какъ свидѣтеля того, что происходитъ въ душѣ. Но дѣйствительно-ли это вѣрно? Мы должны сомнѣваться въ этомъ по слѣдующимъ соображеніямъ. а) Немногіе лишь способны слѣдить за послѣдовательностію въ ихъ собственномъ духѣ; такое самонаблюденіе требуетъ особеннаго упражненія, и успѣшно производилось лишь тѣми, кто изучилъ психологическіе термины и хорошо знакомъ съ психологическими теоріями ¹⁾. б) Нѣтъ никакого единогласія между людьми, пріобрѣтшими такую способность самонаблюденія: люди, повидимому, одинаковаго образованія и способностей высказываютъ съ величайшею искренностію и увѣренностію діаметрально противоположныя положенія. И нѣтъ возможности убѣдить какую-либо изъ противурѣчащихъ сторонъ въ ошибкѣ, которую было-бы не трудно открыть въ предметахъ объективной науки, потому что каждая ссылается на свидѣтельство, котораго убѣдительность можетъ быть усмотрѣна только этою самою стороною и котораго достовѣрность поэтому не можетъ быть изслѣдована ²⁾. с) Направлять сознаніе внутрь себя для наблюденія какого-нибудь особеннаго состоянія души значитъ изолировать

¹⁾ Это возраженіе въ сущности указываетъ на трудность самонаблюденія, о которой говорятъ и сами психологи. Но вѣдь трудно наблюдать и внѣшнія явленія, иначе не чѣмъ объяснить трудности всякихъ открытій. Физикъ, химикъ, медикъ тоже долженъ знать научныя теоріи и термины, чтобы быть хорошимъ наблюдателемъ, особенно медикъ, гдѣ вся наука въ словахъ.

²⁾ Если-бы достовѣрность внутреннихъ состояній не могла быть изслѣдована, тогда людямъ невозможно было-бы понимать другъ друга. Въ сущности вы не можете провѣрить и того, вижу-ли я красный свѣтъ, если вы сами страдаете слѣпотою къ этому цвѣту. Что-же касается до противорѣчій, то объ этомъ мы сдѣлаемъ замѣчаніе ниже.

дѣятельность души на время, прервать связь этой дѣятельности съ ея обыкновенными условіями, — слѣдовательно, сдѣлать ее неестественною ¹⁾. Для того чтобы наблюдать собственныя дѣйствія, духу необходимо на время остановить свою дѣятельность (?), а между тѣмъ требуется именно наблюдать ходъ этой дѣятельности. Пока нельзя сдѣлать остановки, необходимой для самонаблюденія, нельзя наблюдать и хода дѣятельности, — между тѣмъ, когда остановка сдѣлана, тогда нечего наблюдать. Нельзя считать этого пустымъ и теоретическимъ возраженіемъ, потому что результаты самонаблюденія слишкомъ подтверждаютъ его полновѣсность: что было вопросомъ прежде, осталось вопросомъ и теперь ²⁾.

d) Уже однѣ нелѣпыя идеи помѣшанныхъ достаточно возбуждаютъ глубокое недовѣріе не только въ объективной истинѣ, но и къ субъективному достоинству показаній сознанія индивидуума ³⁾. Градусы термометра, а не субъективное чувство теплоты или холода, представляютъ вѣрное мѣрило температуры ⁴⁾. „Самосознаніе совершенно не въ состояніи снабдить насъ фактами для построенія дѣйствительно индуктив-

¹⁾ Это приложимо какъ къ внутреннему, такъ къ внѣшнему наблюденію, особенно, къ эксперименту.

²⁾ Можно-бы спросить здѣсь возражателя: неужели нужно прервать актъ зрѣнія, чтобы сознать, что я вижу? Почему для сознанія нужно такое прерваніе? Авторъ ссылается здѣсь на Кюнта. Но это едва-ли можетъ помочь. Очевидно, дѣло идетъ о томъ, возможно-ли сознаніе субъекта: когда субъектъ становится сознаннымъ, онъ какъ-бы перестаетъ быть сознающимъ субъектомъ, а становится сознаваемымъ объектомъ. Но безъ сознающаго субъекта не кому будетъ сознать этотъ объектъ. Но въ эмпирической психологій субъектъ не себя сознаетъ, а состоянія, которыя относитъ къ себѣ, какъ свои. См. объ этомъ ниже.

³⁾ Авторъ забываетъ, что помѣшанные не могутъ наблюдать не только внутреннихъ состояній; но и внѣшнихъ явленій и напр. заниматься физиологіей. Однако изъ того, что страдающій галлюцинаціями не можетъ наблюдать внѣшнихъ явленій и быть физиологомъ, не слѣдуетъ, что внѣшнее наблюденіе недостоверно и физиологія, основывающаяся на немъ, невозможна. Тоже и по отношенію къ внутреннему самонаблюденію.

⁴⁾ Физиологія и патологія души, перев. Исаина, стр. 11—12. Термометрическое измѣреніе есть лишь переложеніе одного внѣшняго ощущенія (температуры), на языкъ другихъ, тоже внѣшнихъ (именно зрѣнія и мускульнаго чувства), но вовсе не провѣрка самонаблюденія.

ной психологіи. Слѣдующія соображенія подтверждаютъ наше положеніе. 1) Основной принципъ индуктивной философіи состоитъ въ томъ, что наблюденіе должно начинаться съ самыхъ простыхъ случаевъ, отъ которыхъ уже дѣлается переходъ къ надлежащимъ обобщеніямъ и что никакія частности не должны быть при этомъ оставлены безъ вниманія. Какимъ образомъ испытаніе самосознанія удовлетворяетъ этому справедливому требованію? Этотъ методъ примѣнимъ къ духу только при высокой степени его развитія, такъ что онъ по необходимости начинаетъ съ тѣхъ самыхъ сложныхъ случаевъ, которые даютъ наименѣе вѣрныя свѣдѣнія, — между тѣмъ онъ оставляетъ въ сторонѣ духъ на низшихъ ступеняхъ его развитія, — слѣдовательно, оставляетъ въ сторонѣ тѣ простые случаи, которые даютъ наилучшія и наиболѣе вѣрныя свѣдѣнія“. Онъ не обращаетъ вниманія на животныхъ, дѣтей, идіотовъ и помѣшанныхъ ¹⁾. 2) „Сознаніе не даетъ никакого отчета о существенныхъ матеріальныхъ условіяхъ, которыя лежатъ въ основаніи каждаго душевнаго явленія и опредѣляетъ его характеръ. 3) Душа или мозгъ получаютъ много внѣшнихъ впечатлѣній, и обыкновенно это воспріятіе (sic!) происходитъ безъ всякаго, или лишь съ весьма темнымъ участіемъ сознанія“. „Несомнѣнно, что сознаніе не обнимаетъ всей души. Съ перваго момента своего самостоятельнаго существованія мозгъ начинаетъ уподоблять впечатлѣнія извнѣ и реагировать на нихъ соотвѣтственнымъ образомъ; онъ дѣлаетъ это съ начала совершенно безсознательно и болѣе или менѣе продолжаетъ дѣлать это безсознательно въ теченіи всей жизни. Такимъ образомъ душевная сила организуется прежде появленія сознанія и духъ потомъ измѣняется, какъ естественный процессъ, безъ участія сознанія. Досознательная дѣятельность души, какъ на-

¹⁾ Авторъ генетическій, слѣдовательно, дедуктивный методъ смѣшиваетъ съ индукціей, которая всегда начинается анализомъ сложнаго. Да и какъ знать, что начинаешь съ простаго, если не противопоставляешь его сложному? Намъ даны въ опытѣ не химическіе элементы, а сложныя тѣла. И всѣ опытыя науки начинаютъ именно съ сложнаго.

зывали ее нѣкоторые нѣмецкіе психологи-метафизики, и безсознательная дѣятельность души, поставленная теперь внѣ всякаго сомнѣнія,—вотъ факты, о которыхъ, какъ должны сознаться и самые ярые психологи, самосознаніе не можетъ дать никакого отчета“¹⁾. 4) „Все, что существовало съ извѣстною полнотою въ сознаниі, сохраняется послѣ своего исчезанія оттуда въ душѣ или мозгу, и можетъ снова появиться въ сознаниі когда-нибудь въ будущемъ“. „Сознаніе не можетъ дать никакого отчета, какимъ образомъ эти различные остатки продолжаютъ существовать и какъ онѣ существуютъ скрытыми въ душѣ; но лихорадка, отравленіе крови, или сонъ могутъ вызвать идеи, чувство и дѣятельность, которыя, повидимому, навсегда исчезли“²⁾. 5) „Сознаніе не открываетъ ничего относительно того процесса, которымъ одна мысль вызываетъ къ дѣятельности другую и не имѣетъ никакого вліянія на способъ воспроизведенія мыслей; мы сознаемъ мысль только тогда, когда она по одному изъ законовъ ассоціаціи идей сдѣлалась дѣятельною, когда эффектъ вызываетъ вниманіе; умъ нашъ не имѣетъ способности вызывать мысли по произволу“³⁾. „Отъ сознанія не зависитъ не только процессъ сочетанія нашихъ понятій, но и процессъ уподобленія или сліянія сходныхъ понятій, или сходнаго въ различныхъ понятіяхъ, процессъ, посредствомъ котораго образуются общія понятія“⁴⁾. „Наконецъ 6) безъ помощи сознанія мозгъ не только принимаетъ впечатлѣнія, усвоетъ ихъ, перерабатываетъ принятый матеріалъ и снова вызываетъ къ дѣятельности прежде скрытые остатки и слѣды, но какъ органъ органической жизни, онъ отвѣчаетъ и на внутреннія раздраженія, также безсознательно принимаемыя имъ отъ другихъ

1) Досознательная и безсознательная дѣятельность души однако вами сознани.

2) Какъ „эти остатки“ продолжаютъ существовать, этого не можетъ сказать пока никто, ни сама фізіологія.

3) Прямо невѣрно: если вы не сознали *отношенія* двухъ представленій въ пространствѣ или времени, у васъ нѣтъ ассоціаціи.

4) Значитъ наука, состоящая въ такой именно обработкѣ понятій, отъ сознанія совсѣмъ не зависитъ и есть нѣчто безсознательное! Тогда нечего хлопотать объ исправленія ложныхъ понятій.

органовъ тѣла“¹⁾. Таковы возраженія, изъ которыхъ Маудсли дѣлаетъ выводъ, что сознаніе недостоверно, и что оно не можетъ быть основаніемъ психологіи какъ науки. Къ сожалѣнію онъ не замѣчаетъ, что этими возраженіями онъ опровергаетъ самъ себя, ибо всѣ они очевидно заимствованы изъ самонаблюденія и сознанія: если самонаблюденіе и вопрошеніе сознанія недостоверны, то недостоверны и возраженія, заимствованныя изъ этихъ источниковъ²⁾. Въ это противорѣчіе впадаютъ всѣ критики самонаблюденія.

15. Эти возраженія противъ свидѣтельства сознанія вообще мы постараемся теперь подтвердить возраженіями противъ „органа“ самонаблюденія, т. е. противъ такъ называемаго внутренняго чувства или внутренняго зрѣнія, посредствомъ котораго мы созерцаемъ внутреннія психическія состоянія или событія (въ отличіе отъ трансцендентальнаго сознанія или чистаго, по терминологіи Канта). Возраженія эти мы заимствуемъ у профессора Сѣченова и Ланге. Возраженія Сѣченова любопытны во многихъ отношеніяхъ. Сначала профессоръ сводитъ дѣятельность внутренняго чувства къ способности анализировать. Профессоръ не замѣчаетъ, что анализъ и внутреннее зрѣніе двѣ вещи разныя: внутреннее зрѣніе доставляетъ матеріаль, а анализъ его анализируетъ. „Въ основу существованія внутренняго или психическаго зрѣнія“, по его словамъ, „владется преимущественно (sic!) способность человѣка анализировать свои мысли и поступки (последніе, конечно, въ формѣ мысли), нашептываемая ему голосомъ сознанія“³⁾. Всякій знакомъ съ этимъ явленіемъ по собственному опыту и потому распространяться о самомъ фактѣ нечего⁴⁾; для насъ важно только разъясненіе его“. Признавъ такимъ образомъ фактъ,

¹⁾ *Маудсли*. Физиол. и патолог. души, стр. 12—23. Последнее возраженіе, очевидно, не даетъ никакого вывода противъ самонаблюденія; ибо оно говоритъ только, что физиологія основывается не на самонаблюденіи.

²⁾ Говорить о самонаблюденіи и сознаніи можно лишь по самонаблюденію и собственному сознанію.

³⁾ Способность... нашептываемая (sic!).

⁴⁾ Фактъ, слѣд., неопровержимъ.

профессоръ продолжаетъ: „Мои доказательства противъ существованія особаго психическаго органа для анализа ¹⁾ будутъ тройкія (sic!): первое взято у *метафизика* Гербарта, второе принадлежитъ мнѣ, третье почерпнуто у самого Кавелина“. — *Первое доказательство*. — „Представимъ себѣ, что человекъ анализируетъ свои поступки (прошлые или будущіе—это пока все равно) ²⁾ *словами* (sic!) ³⁾. Анализъ можетъ имѣть, очевидно, только такую форму, даже въ самомъ сложномъ случаѣ: пошелъ я туда-то,—и *зачѣмъ это меня понесло туда?*—прихожу; онъ дѣлаетъ то-то; *если-бы не моя разспянность, я конечно замѣтилъ-бы, что дѣлать того-то не слѣдуетъ, и пр. и пр., въ этомъ родѣ*. Если относиться къ этой рѣчи самосознанія ⁴⁾ непосредственно, безъ всякой предвзятой мысли, то выходитъ, что анализирующимъ субъектомъ будетъ не какой нибудь особенный психическій органъ, а цѣлое я ⁵⁾. Допустимъ это. Черезъ минуту я могу анализировать, какъ показываетъ только что высказанная выше мысль, свой собственный анализъ, т. е. отдѣлять анализатора отъ анализируемаго; и въ этомъ анализѣ второй степени анализирующее я будетъ уже одной степенью выше, чѣмъ я въ первомъ случаѣ. Тоже самое выйдетъ, если, наперекоръ прямому голосу самосознанія, поставитъ между я и анализируемымъ (предметомъ) особый психическій органъ, такъ какъ при этомъ пришлось бы допустить, что онъ по существу однороденъ съ я и, слѣдовательно, сливается съ нимъ ⁶⁾.

¹⁾ Но изъ вышеприведенныхъ словъ самого профессора явствуетъ, что подъ именемъ психическаго органа для анализа можно разумѣть самую анализирующую способность (нашептываемую!), которал, по его собственнымъ словамъ, есть фактъ несомнѣнный, какъ же послѣ этого доказывать, что органа такого нѣтъ?

²⁾ Важнѣе гораздо анализъ настоящихъ, ибо онъ свидѣтельствуетъ и о воспріятіи поступка, и объ анализѣ его.

³⁾ Почтенный профессоръ допускаетъ какой-то особый видъ *анализа словами*, а не анализирующею способностью. Блестящее открытіе!

⁴⁾ Оказывается, что „анализъ словами“ есть „рѣчь самосознанія“.

⁵⁾ Тоже самое можно сказать и о фізіологическихъ отправленияхъ органовъ чувствъ. Субъектомъ зрительной дѣятельности служитъ цѣлос я. Такъ мы говоримъ: я вижу, я слышу. Но слѣдуетъ ли отсюда, что у меня нѣтъ особыхъ органовъ зрѣнія и слуха?

⁶⁾ Въ такомъ случаѣ нечего допускать *между* видящимъ и видимымъ осо-

Если бы вмѣсто анализа поступковъ, я взялъ случай анализа мыслей, то степень послѣдняго я была бы еще выше. Такимъ образомъ выходило бы, что у насъ не одно, а три психическихъ зрѣнія, не смотря на то, что объекты для всѣхъ трехъ органовъ въ сущности одинаковы“ ¹⁾.—*Второе доказательство* (принадлежащее самому профессору).—„Первый случай, когда анализируется прошлое. Въ этомъ случаѣ весь психическій актъ, который мы называемъ анализомъ, состоитъ частью изъ *прямаго воспоминанія* случившагося ²⁾, частью изъ *придаточныхъ мыслей, новыхъ* по отношенію къ анализируемому случаю, но *старыхъ* потому, что онѣ бывали въ сознаніи и прежде, и притомъ въ сочетаніяхъ, по-

баго органа зрѣнія, ибо этотъ органъ долженъ сливаться съ общею дѣятельностью ощущенія. Однако проф. допускаетъ, кромѣ общей способности ощущенія, еще и способность (органъ) зрѣнія.

¹⁾ Для читателей, знакомыхъ съ философіей, я могу указать на „Наукоученіе“—Фихте старшаго и на „Систему трансцендентальнаго идеализма“,—Шеллинга, гдѣ разъясняется, какимъ образомъ наше умственное воззрѣніе, направляясь на самого себя и восходя со ступени на ступень, развивается и однако остается тождественнымъ себѣ въ я. Для читателей, незнакомыхъ съ философіей, можно привести слѣдующій примѣръ. Извѣстно, что всякое наше виѣшнее дѣйствіе совершается посредствомъ мускуловъ и есть продуктъ мышечной работы. Однако эти продукты мышечной работы имѣютъ извѣстную послѣдовательность, такъ что иногда, не сдѣлавши одного, нельзя сдѣлать другаго. Чтобы слѣпить изъ гипса статую, нужно сначала приготовить гипсъ. Приготовленіе или образованіе гипсовой массы будетъ однимъ продуктомъ мышечной работы; разчлененіе этой массы и образованіе изъ нея статуи будетъ вторымъ продуктомъ той-же мышечной работы, но эта вторая работа направляется на первую и есть ея переработка или преобразованіе. Можно эту статую раскрасить. Это будетъ третья работа, составляющая новую обработку предыдущихъ работъ. Допустимъ, что первая работа есть работа первой степени, вторая—второй степени, третья—третьей. Слѣдуетъ-ли отсюда, что вторая работа производится не тѣми-же мускулами, какими произведена первая, и третья—не тѣми, какими произведена вторая? Неужели нужно для одной допускать двигательный органъ первой степени, для второй—второй степени, а для третьей—третьей степени. Не достаточно-ли для всѣхъ трехъ послѣдовательныхъ работъ однихъ и тѣхъ-же мускуловъ человѣка! Тоже самое можно приложить и къ анализу, или правильнѣе, къ различной переработкѣ продуктовъ сознанія. Когда я критикую какую-либо собственную мысль, собственное, напримѣръ, сочиненіе, я не нуждаюсь для этого въ новомъ органѣ, но употребляю въ дѣло ту-же мысль, посредствомъ которой написано сочиненіе впервые.

²⁾ Слѣдовательно анализъ есть воспоминаніе!

добныхъ тѣмъ, которыя содержатся въ анализѣ. Въ приведенномъ выше примѣрѣ половина фразъ, напечатанныхъ обыкновеннымъ шрифтомъ, составляетъ простое воспоминаніе, а фразы, напечатанныя курсивомъ—придаточныя разсужденія ¹⁾, и конечно всякій согласится безъ дальнѣйшихъ разъясненій, что появленіе какъ первыхъ, такъ и вторыхъ въ сознаніи вполне объясняется, какъ *произведеніе ряда ассоціацій* ²⁾. Второй случай—когда анализируется будущее. Этотъ случай отличается отъ предыдущаго только тѣмъ, что здѣсь на мѣсто прошлаго ставится имѣющійся въ виду поступокъ, предстоящее рѣшеніе какой-нибудь задачи и пр., другая же половина остается прежняя. Но вѣдь, конечно, для всякаго обдумываемаго будущаго поступка, послѣдній, какъ психическій фактъ, долженъ быть данъ сознаніемъ напередъ, т. е. предъ обдумываніемъ или анализомъ; стало бытъ здѣсь актъ обдумыванія есть опять-таки воспроизведеніе психическаго факта, уже до этого бывшаго въ сознаніи ³⁾ и т. д. — *Третье доказательство.*—„Г. Кавелинъ нѣсколько разъ упоминаетъ въ своей книгѣ, что мы не можемъ знать внѣшняго міра независимо отъ впечатлѣній, производимыхъ имъ на насъ. Съ другой стороны, на стр. 101-й онъ говоритъ, что психическіе факты мы сознаемъ *непосредственно*, при помощи внутренняго зрѣнія. Далѣе изъ процесса раздвоенія души (стр. 102 и др.) у него выходитъ, что подъ непосредственностью сознанія онъ долженъ разумѣть познаніе внутреннимъ чувствомъ психическихъ фактовъ по существу. Этотъ

¹⁾ Разсужденія, слѣдовательно, суть только добавочныя воспоминанія!

²⁾ Итакъ, особаго органа внутренняго зрѣнія нѣтъ, потому что, по мнѣнію г. профессора, *анализъ* прошедшаго есть синтезъ! Ибо какъ прибавленіе новыхъ воспоминаній къ старымъ, такъ и ассоціація есть извѣстнаго рода синтезъ! Хорошее доказательство несуществованія названнаго органа!

³⁾ Очевидно г. профессоръ объектъ или анализируемый матеріалъ смѣшиваетъ съ процессомъ анализа. Изъ того, что матеріалъ данъ напередъ, не слѣдуетъ еще, что вмѣстѣ съ нимъ слѣдуетъ и анализъ. Во всякомъ случаѣ актъ обдумыванія не есть воспроизведеніе, на примѣръ, необдуманныхъ поступковъ или психическихъ фактовъ. Воспроизведеніе всегда есть синтезъ, а анализъ можетъ анализировать лишь то, что синтезировано. По мнѣнію профессора, очевидно, что синтезъ, что анализъ—одно и то же.

рядъ мыслей встрѣчается и у Бенеке; но тотъ, вѣруя въ непосредственность познанія всего психическаго и въ то же время думая, что по методу психологіи, какъ опытная наука, стоитъ на ряду съ естествовѣдѣніемъ, заключаетъ изъ этого совершенно логически, что она уже теперь въ существенныхъ пунктахъ не отстала ни отъ одной изъ естественныхъ наукъ, а въ будущемъ обѣщаетъ и превзойти всѣхъ ихъ (sic). Какъ-же можетъ послѣ этого г. Кавелинъ утверждать, что психологія, какъ наука, не существуетъ? Что нибудь одно: или весь его трактатъ о внутреннемъ зрѣніи негоденъ, или г. Кавелинъ непослѣдователенъ¹⁾. „Итакъ“, заключаетъ г. профессоръ, „особаго психическаго зрѣнія, какъ спеціальнаго орудія для изслѣдованія психическихъ процессовъ, въ противоположность матеріальнымъ, нѣтъ; а существуетъ „дѣйствительно“ такая сторона психической дѣятельности, изъ за которой говорятъ про человѣка, что у него есть здравый смыслъ. Послѣднимъ-же, сколько мнѣ извѣстно, пользуются съ одинаковымъ правомъ какъ натуралисты, такъ и гуманисты въ своихъ изслѣдованіяхъ“²⁾.

16. Предоставляя читателю судить объ остроуміи и основательности этихъ возраженій, обратимся къ возраженіямъ Ланге. „По нашему мнѣнію“, говоритъ Ланге, „между внутреннимъ и внѣшнимъ наблюденіями никоимъ образомъ нельзя провести твердой границы“. „Съ наружнымъ и внутреннимъ заранѣе пичего нельзя сдѣлать, ибо я вообще не могу имѣть никакихъ *представленій* внѣ себя, хотя-бы и была вѣрна теорія, по которой я воспринятыя *предметы переношу* во внѣ. Видѣть и мыслить есть нѣчто одинаково внутреннее и оди-

1) Если допустить, что при существованіи внутренняго зрѣнія, психологія все-таки не разработана, то отсюда не слѣдуетъ еще, что внутренняго зрѣнія нѣтъ. Если опять допустить, что г. Кавелинъ непослѣдователенъ, то опять не слѣдуетъ, что внутренняго зрѣнія нѣтъ. Итакъ, это не аргументъ противъ внутренняго зрѣнія, заимствованный у Кавелина, какъ обѣщаль г. профессоръ, а простое недоразумѣніе съ собственной его стороны.

2) Психологическіе этюды, стр. 119—122. Особое внутреннее чувство, какъ фактъ, выше признано самимъ г. Сѣченовымъ. И оно, конечно, есть какое-то особое.

наково внѣшнее. Если я хочу еще разъ перемыслить свои мысли, то я вызываю тѣ ощущенія въ органахъ рѣчи, которыя мы выше признали какъ-бы за тѣло мысли (ощущенія мускульныхъ движеній при беззвучномъ разговорѣ про себя). Я ихъ ощущаю такимъ-же внѣшнимъ образомъ, какъ всякое другое ощущеніе, и что касается духа, содержанія, значенія этого комплекса тончайшихъ ощущеній, то объ этомъ нужно сказать тоже самое, что объ эстетическомъ достоинствѣ какаго-нибудь рисунка. Этого достоинства нельзя отдѣлять отъ линій рисунка, хотя оно есть нѣчто другое. Подобная-же противоположность между формой и матеріей (содержаніемъ) ощущенія встрѣчается въ безчисленныхъ отѣнкахъ, при чемъ ни о какомъ классѣ ощущеній мы никакъ не можемъ утверждать, что съ него начинается внутреннее и кончается внѣшнее. По простодушному опредѣленію Фортляге, поле наблюденія фізіологіи есть человѣкъ, насколько онъ воспринимается внѣшнимъ чувствомъ, поле-же наблюденія психологіи—человѣкъ, насколько онъ воспринимается внутреннимъ чувствомъ. Большею частію мы готовы относить къ психологіи, когда наблюдаются первыя слова ребенка и изъ нихъ выводятся заключенія о ходѣ его духовнаго развитія; напротивъ — къ фізіологіи, когда новорожденныхъ дѣтей укалываютъ иглой или щекотятъ, чтобы наблюдать рефлекторныя движенія въ ихъ переходѣ къ произволу. Между тѣмъ для тѣхъ и другихъ наблюденій употребляются обыкновенныя чувства и, по опредѣленію Фортляге, кромѣ того еще и внутреннее чувство, ибо въ обоихъ случаяхъ видѣнное и слышанное требуетъ еще соотвѣтственнаго толкованія¹⁾. „Брентано вполне согласенъ съ нашей критикой „самонаблюденія“ по способу Фортляге; но онъ утверждаетъ, что я, по поводу путаницы въ этой области, несправедливо отрицаю внутреннее „воспріятіе“, т. е., слѣдовательно, и внутреннее чувство. Предметомъ „внутренняго воспріятія“, въ противоположность внѣшнему, служатъ по Брентано „психическія явленія“ и они отличаются отъ фи-

¹⁾ Ланге, Исторія Матеріал. II, стр. 337, 338—339.

зическихъ посредствомъ „интенціональной инекзистенціи“, то-есть отношенія къ чему-нибудь, какъ объекту (уже воспринятому). Поэтому Brentano причисляетъ не только явленія, которыя даютъ намъ чувства, но и образы фантазіи къ *физическимъ* феноменамъ; *психическое* же представленіе есть представленіе какъ актъ представленія. Черезъ это конечно Brentano получаетъ, какъ и Декартъ, твердое различіе физическаго отъ психическаго, но съ опасностію сдѣлать чистую иллюзію основаніемъ своей системы“ ¹⁾. „По Декарту чувства даютъ чисто тѣлесные образы вещей въ мозгу, которыя воспринимаются душою. Этотъ невѣроятно наивный антропоморфизмъ, который просто на-просто человѣка сажаетъ въ человѣка, соединяется съ такимъ-же наивнымъ отвлеченіемъ: тѣлесные образы вещей въ мозгу — протяженны; но ихъ „воспріятіе“ душою есть актъ „мышленія“ въ широкомъ смыслѣ, т. е. непротяженный актъ непротяженнаго существа. Такимъ образомъ *объектъ представленія*, который есть собственно то, что наполняетъ наше сознаніе, произвольно и бессмысленно отрывается отъ *акта представленія*. Но лишь такимъ образомъ дѣлается возможнымъ абсолютно нечувственное и непространственное мышленіе, которое проходитъ чрезъ всю новѣйшую философію (самую сильную оппозицію противъ этого призрака мы находимъ у Беркееля) и совершенно развязно говорятъ о „представленіяхъ“ души, какъ будто совокупно съ ними мыслится и содержаніе, которое вѣдь есть единственно существенное; но лишь дѣло доходитъ до того, чтобы утверждать безпространственность души, представленіе опять понимается какъ простой актъ представленія, т. е. какъ нѣчто, что въ своей отдѣльности отъ представляемаго предмета есть чистое ничто“ ²⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію Ланге, внутреннее отъ внѣшняго нельзя отдѣлить какъ форму отъ содержанія, безъ котораго она существовать не можетъ ³⁾. „Вообще не трудно понять“, говоритъ онъ, „что

¹⁾ Ibid. стр. 339—340, прим. 44.

²⁾ Ibid. стр. 335—336, прим. 43.

³⁾ Однако, возможно представленіе самой представляющей дѣятельности,

природа всякаго наблюденія одна и таже, и что различіе главнымъ образомъ заключается только въ томъ, такого-ли свойства наблюденіе, что оно можетъ быть одновременно или позднѣе сдѣлано также другими, или-же оно ускользаетъ отъ всякой такой повѣрки и подтвержденія. Внѣшнее наблюденіе никогда не повело-бы къ твердой эмпирической или даже точной наукѣ, если-бы невозможно было провѣрить каждое наблюденіе. Элиминація вліянія предвзятыхъ взглядовъ и наклонностей есть самый важный элементъ точныхъ приѣмовъ и именно этотъ элементъ становится неприимѣнимымъ къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя направлены на собственные мысли, чувства и стремленія; развѣ, впрочемъ, мы станемъ прямо фиксировать свои собственные мысли писаніемъ или какимъ-нибудь другимъ средствомъ, и потомъ изслѣдовать ходъ представленій какъ у посторонняго. Правду сказать, такой способъ самонаблюденія очень мало любимъ именно за свою сравнительную достовѣрность, восхваляемое-же самонаблюденіе, повидимому, любимо именно за свои ошибки. Ибо, даже если послѣдствіемъ его не бываетъ мечтательность и сумашествіе, какъ этого боялся Кантъ, то оно все-же остается средствомъ придавать самымъ произвольнымъ образованіямъ метафизики видимость эмпирическаго метода“¹⁾.

17. Таковы возраженія, дѣлаемыя противъ субъективнаго

мышленіе о самомъ мышленіи. Слѣдовательно, самая форма становится содержаніемъ мышленія или представленія. И если я не отдѣляю формы отъ содержанія, то у меня не можетъ быть познанія самого содержанія. Ланге, какъ новокантіанцу, должно быть извѣстно, что отлеченіе формальныхъ отношеній есть логическое (а не хронологическое) *prius* различенія содержанія. Не отлечай мы, на примѣръ, пространственныхъ отношеній, мы не отличали-бы и цвѣтовъ, ибо всѣ цвѣта были-бы ни въ какомъ мѣстѣ, или слились-бы въ одну безпространственную точку.

¹⁾ Ibid. стр. 339. Во всемъ этомъ возраженіи, отождествляющемъ внутреннее наблюденіе съ внѣшнимъ, Ланге, повидимому, недостаточно обратилъ вниманія на то, что различіе между ними лежитъ не въ существѣ ихъ дѣятельности, а въ различіи тѣхъ условій, при которыхъ приходится осуществляться этой дѣятельности при внѣшнемъ наблюденіи и при внутреннемъ. Дѣятельность одна, но проявляется различно, смотря по условіямъ. При однихъ условіяхъ она называется внѣшнимъ чувствомъ. при другихъ—внутреннимъ.

метода эмпирической психологіи. Онѣ могутъ быть коротко высказаны слѣдующимъ образомъ: 1) сознаніе, на вопрошеніи котораго основана эта психологія, недостоверный свидѣтель; 2) оно слишкомъ тѣсно, ибо не указываетъ намъ мозговыхъ процессовъ, обуславливающихъ душевную дѣятельность; 3) оно можетъ начинать только съ изслѣдованія сложныхъ психическихъ явленій, ибо возникаетъ только при осложненіи душевнаго развитія въ болѣе поздніе періоды (возраженія Маудсли); 4) нѣтъ никакого внутренняго чувства или зрѣнія, посредствомъ котораго мы могли-бы анализировать психическіе акты, ибо допущеніе его влечетъ за собою признаніе новыхъ такихъ-же органовъ, и самъ анализъ этотъ есть лишь воспоминаніе, по ассоціаціи (возраженія Сѣченова); 5) внутреннее наблюденіе по существу своему одинаково съ внѣшнимъ, ибо противопоставляетъ внутреннее внѣшнему, какъ непространственное пространственному, значитъ отдѣлять формальное единство представленія отъ его содержанія (какъ напримѣръ красоту рисунка отъ его содержанія). 6) Различіе между внутреннимъ и внѣшнимъ наблюденіемъ состоитъ только въ томъ, что внѣшнее болѣе достоверно, ибо допускаетъ болѣе легкую повѣрку. По всѣмъ этимъ причинамъ, очевидно, психологія должна быть основана не на внутреннемъ самонаблюденіи, а на внѣшнемъ наблюденіи. Психологія, слѣдовательно, должна быть разрабатываема *безъ самонаблюденія*. Допустимъ.

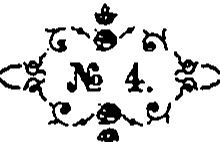
Л. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

29 Февраля № 4. 1888 года.

Содержаніе. Воззваніе.—Отъ Харьковской духовной Консисторіи.—Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 1886—87 учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1886—87 учебный годъ (продолженіе).—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества—(окончаніе).—Отъ Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта.—Отъ Правленія Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода.—Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода по 1 число Января 1888 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ВОЗЗВАНІЕ

Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь.

Порадѣйте, Православные Христіане, на распространеніе Вѣры Православной между невѣрующими!

Въ Русской землѣ вѣра Христова начала распространяться уже около тысячи лѣтъ назадъ. Но Русская земля такъ велика, такъ обширна, что свѣтъ вѣры не могъ за-разъ просвѣтити все ея пространство. И доселѣ въ отдаленныхъ краяхъ Русской земли, особенно въ сѣверной и восточной Сибири, которая была присоединена къ Русскому государству уже въ позднѣйшія времена, остается очень много язычниковъ, непринявшихъ Христова ученія, а внутри Россіи, въ поволжскихъ странахъ, гдѣ нѣкогда жили татары, господствовавшіе надъ Русью около двухъ вѣковъ, также на Кавказѣ, въ Крыму и въ недавно присоединенной къ Россіи области Туркестанской проживаетъ много магометанъ. Между православными христіанами, въ особенности изъ духовенства православнаго, всегда являлись и являются люди готовые послужить распространенію вѣры христіанской между невѣрующими. Ихъ усердіемъ постепенно обращались и обращаются въ христіанство невѣрующіе язычники и магометане. Но такихъ проповѣдниковъ вѣры (миссіо-

неровъ) у насъ еще очень мало, и они встрѣчаютъ величайшія затрудненія и испытываютъ многія нужды и лишенія въ своей дѣятельности. Поэтому-то и доселѣ остаются въ Русской землѣ цѣлыя милліоны невѣрующихъ язычниковъ и магометанъ.

Въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, по мысли покойнаго митрополита Иннокентія, который самъ около сорока лѣтъ былъ проповѣдникомъ вѣры и обратилъ къ христіанству многія тысячи язычниковъ въ дальнихъ Сибирскихъ краяхъ, устроилось милостію Божіею особенное Общество, имѣющее цѣлю помогать проповѣдникамъ вѣры и содѣйствовать распространенію ея между невѣрующими язычниками и магометанами въ Русской землѣ,—а если Богъ благословитъ —и въ другихъ странахъ близкихъ къ Россіи. Общество это, „Православное Миссіонерское Общество“, находится подъ Высочайшимъ покровительствомъ Всемилоостивѣйшей Государыни нашей Императрицы, имѣетъ въ своемъ составѣ болѣе семи тысячъ дѣйствительныхъ членовъ, и расходуетъ на дѣло распространенія вѣры въ послѣдніе годы около 150,000 руб. ежегодно. Избранный Обществомъ Совѣтъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ Митрополита Московскаго, старается розыскивать способныхъ проповѣдниковъ вѣры, отправляетъ ихъ въ тѣ страны, гдѣ много невѣрующихъ, обезпечиваетъ ихъ содержаніемъ на мѣстѣ служенія, даетъ имъ пріютъ подъ старость, даетъ пособія семействамъ остающимся послѣ ихъ смерти, заботится объ устроеніи храмовъ Божіихъ и школъ для новопросвѣщенныхъ христіанъ, издаетъ переводы священныхъ и богослужебныхъ книгъ для инородческихъ племенъ, среди которыхъ распространяется христіанство, пересылаетъ новообращеннымъ крестики, святыя иконы, книги Священнаго Писанія и другія наставительныя книжки, врачебныя пособія и т. д.

Господь благословляетъ усилія ревнителей распространенія Св. вѣры. Трудями православныхъ проповѣдниковъ ежегодно прилагаются къ Христовой Церкви тысячи вѣрующихъ. Такъ въ послѣднемъ отчетѣ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1886 годъ значится обращенными въ христіанство въ нашихъ Сибирскихъ миссіяхъ слѣдующее число бывшихъ язычниковъ: въ Тобольской епархіи (въ миссіяхъ Обдорской и Сургузской) 485 человекъ, въ Томской (въ миссіи Алтайской) 622 чел., въ Иркутской (въ миссіяхъ собственно Иркутской и Забайкальской) 2,105 чел., въ Енисейской 63 чел., въ Камчатской 231 чел.

Православная христіанская проповѣдь распространяется не только въ земляхъ, издавна принадлежавшихъ къ Русскому Государству,

но и въ странахъ близкихъ къ нему или только лишь вновь присоединенныхъ къ Россіи. Такъ въ Японскомъ государствѣ, которое находится за нашею Восточною Сибирью на Великомъ Океанѣ, на разстояніи отъ нашей Москвы болѣе 10,000 верстъ, гдѣ лѣтъ за двадцать назадъ не было еще и зачатковъ Православія, существуетъ теперь уже правильно устроенная Православная епархія съ 12,500 христіанъ, съ 16-ю священнослужителями, съ 100 слѣпикомъ проповѣдниками (большею частію изъ самихъ обращенныхъ Японцевъ), съ 148 церковными зданіями, съ духовною семинаріею, катехизаторскою школою, женскимъ миссіейскимъ училищемъ, и нѣсколькими школами для мальчиковъ и дѣвочекъ.

Въ Туркестанской области, только въ недавніе годы присоединенной къ Россіи, устроится Православная иноческая обитель при озерѣ Иссыкъ-Куль, съ цѣлю распространенія Православія среди степныхъ киргизовъ.

Но все это лишь зачатки дѣла. Дѣло предлежитъ великое и трудное, и Православное Миссіонерское Общество, въ настоящемъ своемъ составѣ и при настоящихъ средствахъ, не можетъ вполне, какъ слѣдуетъ, удовлетворить ему. Отовсюду, гдѣ устраиваются Православныя миссіи и начинается распространяться христіанство, просятъ новыхъ проповѣдниковъ, новыхъ церквей, новыхъ школъ, новыхъ средствъ на поддержаніе и расширеніе дѣла. Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, по недостатку средствъ, съ душевною болью вынужденъ бываетъ отказывать иногда самымъ настоятельнымъ, самымъ необходимымъ нуждамъ и требованіямъ. Не 7,000 членовъ и не 150,000 р. годоваго дохода, а въ десять разъ болѣе нужно имѣть Миссіонерскому Обществу, чтобы устроить дѣло вспомошествованія Православнымъ миссіямъ надлежащимъ образомъ.

Православные Христіане! Не откажите въ своемъ пособіи святому дѣлу. Ради Христа, къ Которому вы прибѣгаете съ своими молитвами и къ Которому теперь (во время святаго поста) вы обращаетесь съ раскаяніемъ въ грѣхахъ своихъ, помогите распространенію Христова Евангелія между невѣрующими. Вступайте, кто можетъ, въ члены Православнаго Миссіонерскаго Общества: для этого требуется трехрублевый ежегодный взносъ. А кто не въ состояніи этого дѣлать, жертвуйте, сколько можетъ кто, на святое дѣло. Не смущайтесь малостію своихъ жертвъ и приношеній: всякое даяніе благое и добротное велико и свято предъ Богомъ. И съ малыми жертвами, при помощи Божіей, устроятся великія Божьи дѣла.

Великая награда обѣщается ревнителямъ и споспѣшествователямъ распространенія истинной вѣры между заблуждающими. *Братіе! Аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины, и обратитъ кто его, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу его отъ смерти и покрываетъ множество грѣховъ*, сказалъ Апостоль Христовъ (Іак. V, 19. 20). И въ этой наградѣ пріймутъ участіе не только тѣ, которые сами обращаютъ заблуждающихъ на истинный путь, но и всѣ почитающіе, упокоивающіе ихъ и помогающіе имъ въ святомъ дѣлѣ. *Иже васъ пріемлетъ, сказалъ Самъ Господь первымъ проповѣдникамъ Его ученія, Мене пріемлетъ, и иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ пославшаго Мя. И аще кто напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды токмо, во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своей* (Мѡ. X, 40, 42).

Съ благословенія Святѣйшаго Синода, въ недѣлю Православія (въ 1-е Воскресеніе Великаго Поста) въ церкви будетъ производимъ сборъ пожертвованій на распространеніе Св. Православной вѣры между язычниками Имперіи. Пожертвованія могутъ быть опускаемы и въ существующую на сей предметъ въ церкви кружку и въ другое время.

Отъ Харьковской духовной Консисторіи.

Харьковская духовная Консисторія объявляетъ, что по распоряженію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, перенесеніе, въ настоящемъ году Озерянской Иконы Божіей Матери, изъ Харьковскаго Покровскаго монастыря въ Старо-Харьковскій Преображенскій Куряжскій монастырь, будетъ совершено не въ 22 день, а въ 26 день апрѣля мѣсяца, т. е. на третій день праздника Св. Пасхи, о чемъ духовенство Харьковской епархіи обязывается объявить своимъ прихожанамъ заблаговременно.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи за 188^о/7 учебный годъ.

(Продолженіе *).

ІХ.

Характеръ, способъ и объемъ обученія.

Обученіе въ церковно-приходскихъ школахъ имѣло религиозно-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 3.

нравственный характеръ и велось по способамъ звуковому и букво-слагательному. Въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ употреблялся при обученіи грамотѣ методъ букво-слагательный, ознакомленіе дѣтей съ основными звуками гражданской печати большею частію предшествовало изученію названій буквъ славянскаго алфавита. Обученіе грамотѣ нерѣдко соединялось съ обученіемъ письму. Послѣ того какъ дѣти приобрѣтали достаточный навыкъ и умѣнье механически соединять отдѣльные звуки въ слоги и цѣлыя слова, дальнѣйшее обученіе ихъ грамотѣ направлено было къ тому, чтобы научить ихъ читать предлагаемый текстъ раздѣльно, бѣгло, выразительно, съ соблюденіемъ удареній и знаковъ препинанія и, по мѣрѣ возможности, съ пониманіемъ прочитаннаго до такой степени чтобы учащіеся могли съ разумѣніемъ передать содержаніе прочитаннаго; а для сего наставники, по мѣрѣ надобности, сопровождали обученіе грамотѣ объяснительнымъ чтеніемъ. Главнѣйшими книгами для чтенія были Евангеліе и Часословъ; при чемъ изъ Евангелія выбирались для чтенія тѣ мѣста, которыя должны были читаться въ ближайшій воскресный или праздничный день, а изъ часослова—употребительнѣйшія молитвословія на литургіи, вечернемъ и утреннемъ богослуженіи. При чтеніи часослова и псалтыри было обращено вниманіе на то, чтобы ученики не искажали церковнаго текста тяжелымъ и неирregularно заученнымъ въ домашнемъ кругу произношеніемъ отдѣльныхъ славянскихъ словъ и цѣлыхъ выраженій и умѣли совмѣщать выразительную интонацію съ речитативомъ, издавна принятымъ въ церковномъ чтеніи. Обученіе дѣтей молитвамъ было сопровождается со стороны законоучителей какъ изложеніемъ содержанія ихъ, такъ и изъясненіемъ неудобопонятныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій. Преподаваніе Священной Исторіи было ведено такъ, что изъ даннаго историческаго разсказа всегда выводилось какое-нибудь нравственное приложеніе въ назиданіе учащихъся. При изъясненіи Богослуженія имѣлось въ виду—расположить учащихъся къ усердному хожденію въ храмъ въ воскресные и праздничные дни, благоговѣйному стоянію въ церкви и внимательному отношенію къ тому, что совершается, читается и поется при Богослуженіи. Поэтому законоучители и учителя наканунѣ воскреснаго или праздничнаго дня посвящали нѣкоторую часть учебнаго времени на объясненіе исторіи праздника или рядоваго воскресенія евангелія; при чемъ было наблюдаемо, чтобы объясненіе было доступно пониманію учащихъся и отличалось-бы, по возможности, живымъ и нагляднымъ изложеніемъ предлагаема-

го. По счисленію ученики занимались изученіемъ чиселъ сначала отъ 1 до 50 до 100 и т. д. затѣмъ, по мѣрѣ усовершенствованія учениковъ, имъ были постепенно сообщаемы свѣдѣнія о первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ; при чемъ дѣти нагляднымъ образомъ были предварительно ознакомлены съ тѣмъ, что значитъ: *прибавить* или *отнять* одно число отъ другаго, а также—*повторить* или *разложить* извѣстное число. Занятія учениковъ по этому предмету сопровождались упражненіями ихъ въ писаніи цифръ и письменномъ рѣшеніи задачъ на первыя четыре ариѳметическія дѣйствія. Ознакомленіемъ учащихъ съ именованными числами и рѣшеніемъ задачъ на эти числа заканчивался учебный курсъ по предмету *счисленія*. Сверхъ сего, въ нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ школахъ сообщены были ученикамъ свѣдѣнія о мѣрахъ длины, вѣса, времени, жидкостей и сыпучихъ тѣлъ. Занятія по отечественному языку состояли въ упражненіи въ чтеніи и письмѣ подъ диктантъ, передачѣ прочитаннаго по вопросамъ и безъ вопросовъ, въ заучиваніи наизусть отрывковъ изъ учебныхъ книгъ, въ списываніи даннаго текста съ книгъ и въ письменномъ воспроизведеніи выученнаго на память или прочитаннаго. Вмѣстѣ съ симъ были сообщаемы начальныя грамматическія правила правописанія и свѣдѣнія о томъ, что называется предметомъ, дѣйствіемъ, состояніемъ и качествомъ. Церковному пѣнію въ большей части церковно-приходскихъ школъ ученики обучались съ голоса; но въ нѣкоторыхъ школахъ, послѣ ознакомленія съ напѣвомъ наиболѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній, учащіеся занимались изученіемъ гаммъ церковнаго лада, а за тѣмъ послѣдовательно изучали церковныя ноты въ цефавтномъ ключѣ и приобрѣли понятіе объ интервалахъ. Въ школахъ Голо-Долинской, Гуляй-Польской Изюмскаго уѣзда и въ 3 школахъ Старобѣльскаго уѣзда дѣти обучались пѣнію по обиходу московскаго напѣва. Обученіе письму состояло частію въ копированіи прописей, указанныхъ въ учебныхъ программахъ для церковно-приходскихъ школъ, частію-же въ списываніи отрывковъ изъ печатныхъ книгъ и въ писаніи подъ диктантъ учителя. Въ школахъ Харьковской Вознесенской и Богодуховской при Свято-Троицкой богадѣльнѣ ученицы, подъ наблюденіемъ наставницъ, занимались рукодѣльемъ, а ученики Богодуховской Троицкой школы учились переплетному ремеслу.

При обученіи дѣтей положеннымъ для церковно-приходскихъ школъ предметамъ, учащіе, какъ сказано выше, большею частію слѣдовали программамъ, утвержденнымъ св. Синодомъ. По свѣдѣ-

ніямъ, имѣющимъ въ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ, видно, что въ значительной части школъ ни одинъ изъ учебныхъ предметовъ не былъ пройденъ въ отчетномъ году въ томъ объемѣ, какой требуется существующими программами, и это произошло отъ того, что дѣти, по причинѣ ненастной погоды въ осеннее время учебнаго года, а также по недостатку обуви и теплой одежды, особенно по недостатку учебныхъ книгъ и другимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, не аккуратно посѣщали школы и такимъ образомъ задерживали правильное и послѣдовательное теченіе школьныхъ занятій. Вполнѣ правильною и успѣшною постановкой учебнаго дѣла отличаются лишь 25 школъ. Въ 17 школахъ учебныя занятія, за немногими исключеніями, можно назвать поставленными болѣе или менѣе удовлетворительно; строй-же учебнаго дѣла въ 35 школахъ слѣдуетъ признать не вполнѣ удовлетворительнымъ. (Свѣдѣнія о пройденномъ въ остальныхъ школахъ въ Совѣтъ не доставлены).

Х.

Нравственное воспитаніе.

Нравственное воспитаніе учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ епархіи было предметомъ особеннаго вниманія лицъ, завѣдывающихъ и учащихся въ оныхъ. Средствами для развитія въ учащихся нравственнаго чувства были: ежедневныя молитвы предъ началомъ и послѣ ученія, а также пѣніе въ классное время повседневныхъ молитвъ и другихъ церковныхъ молитвословій и гимновъ „Боже, царя храни“ и „Коль славенъ“. При этомъ руководители школъ приучали дѣтей къ внимательному отношенію къ молитвѣ, благоговѣйному участию въ оной и внушали имъ святость постовъ и вообще всѣхъ установленій Церкви. Должное вниманіе со стороны воспитывающихъ обращалось и на то, чтобы дѣти неопустительно посѣщали церковныя Богослуженія въ воскресные, праздничные и табельные дни, а способныя изъ нихъ занимались-бы чтеніемъ и пѣніемъ на клиросѣ и исполняли служебныя обязанности въ алтарѣ. Говѣніе и истинно христіанское приготовленіе дѣтей къ исповѣди и св. Причастію составляли главнѣйшій предметъ надзора со стороны руководителей и учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ; вмѣстѣ съ симъ наставники внушали учащимся страхъ Божій, чувство вѣрноподданнической преданности Государю Императору, любовь къ отечеству, почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ началь-

ствующимъ и старшимъ и товарищеское миролюбіе. Наконецъ къ обязанностямъ воспитателей относилось приученіе дѣтей къ школьнымъ порядкамъ и наблюденіе за ихъ чистоплотностію и опрятностію въ одеждѣ и бережливымъ отношеніемъ къ чужой и своей собственности и т. п.

(Окончаніе будетъ).

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1886/87 учебный годъ.

(Продолженіе *).

4. Преподаваніе русскаго языка и словесности въ училищѣ всегда велось преимущественно практическимъ путемъ, на примѣрахъ и образцахъ. Всегда также Совѣтъ училища, поставляя приученіе воспитанницъ къ правильному письменному изложенію, одной изъ главнѣйшихъ цѣлей обученія ихъ въ училищѣ, заботился о томъ, чтобы воспитанницы съ перваго-же класса упражнялись въ письменныхъ работахъ и распредѣлялъ эти работы съ надлежащею постепенностію, при чемъ въ низшихъ классахъ воспитанницы упражнялись въ составленіи предложеній, затѣмъ шло составленіе рассказовъ и описаній по даннымъ статьямъ изъ книги для чтенія и съ предварительною выработкою плана, въ IV классѣ приступали къ самостоятельнымъ описаніямъ и рассказамъ и здѣсь-же въ первое полугодіе упражнялись въ составленіи періодовъ, въ V и VI классахъ писали разсужденія. Письменнымъ работамъ воспитанницъ Совѣтъ всегда придавалъ важное значеніе, такъ что за неудовлетворительныя отмѣтки по сочиненіямъ воспитанницы, хотя-бы по устнымъ отвѣтамъ имѣли и очень хорошіе баллы, оставлялись, для усовершенствованія въ письменномъ изложеніи, на повторительный курсъ. Такимъ образомъ требованія относительно преподаванія русскаго языка и веденія письменныхъ упражненій, заключающіяся въ опредѣленіи Св. Синода отъ 30 іюля—12 августа 1886 года, въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ исполнялись уже раньше этого опредѣленія. Тѣмъ не менѣе Совѣтъ училища сдѣлалъ ихъ извѣстными преподавателямъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 3.

русскаго языка, вмѣнивши послѣднимъ въ непремѣнную обязанность принять эти требованія къ исполненію и руководству и на будущее время.

5. Изученіе воспитанницами училища славянской грамматики въ IV и V классахъ началось еще съ 18⁸⁰/81 учебнаго года. Систематически изучалась въ IV классѣ этимологія по учебнику Перевлѣскаго; синтаксисъ-же изучался въ V классѣ практически, при разборѣ и переводѣ со славянскаго на русскій языкъ апостольскихъ посланій. На основаніи устава епархіальныхъ женскихъ училищъ, вмѣняющаго въ обязанность законоучителю на урокахъ своего предмета читать по-славянски Новый Завѣтъ съ грамматическими объясненіями формъ и особенностей этого языка, грамматику славянскую преподавалъ законоучитель, удѣляя для нея одинъ изъ трехнедѣльныхъ уроковъ своего предмета въ IV и V классахъ. Въ отчетномъ году, въ исполненіе 3 пункта опредѣленія Св. Синода отъ 30 іюля—12 августа 1886 г., усилено преподаваніе славянскаго языка тѣмъ, что въ V классѣ, кромѣ повторенія этимологіи, пройденъ систематически и краткій славянскій синтаксисъ, при чемъ синтаксическіе обороты славянскаго языка постоянно сравнивались съ русскими и пріобрѣтеніе теоретическихъ познаній сопровождалось и закрѣплялось подробнымъ этимологическимъ и синтаксическимъ разборомъ славянскаго текста. Бслѣдствіе всего этого, воспитанницы V класса на экзаменѣ отвѣчали по славянскому языку очень хорошо.

6. Во исполненіе 5 пункта того-же опредѣленія Св. Синода, Совѣтъ училища произвелъ сокращенія въ программахъ нѣкоторыхъ предметовъ, именно: отмѣнилъ преподаваніе элементарнаго курса геометріи въ низшихъ классахъ и общей педагогики въ VI классѣ и выпустилъ нѣкоторые отдѣлы въ программѣ систематическаго курса геометріи въ V и VI классахъ и исторіи русской литературы въ VI классѣ.

7. Наконецъ Совѣтъ училища принялъ къ должному исполненію и 7 пунктъ того-же опредѣленія Св. Синода. Въ отчетномъ году переводные экзамены произведены съ особенною строгостью и всѣ слабыя воспитанницы, по своему недостаточному умственному развитію не могущія съ успѣхомъ слѣдовать за своимъ классомъ, оставлены для усовершенствованія на повторительный курсъ. Съ особенною разборчивостію Совѣтъ отнесся къ воспитанницамъ III класса, въ которомъ заканчивается элементарный курсъ, и къ воспитанницамъ IV и V классовъ, въ виду постепеннаго усиленія

трудности учебныхъ программъ въ старшихъ классахъ, вслѣдствіе котораго воспитанница, успѣвающая слабо въ одномъ изъ этихъ классовъ, въ слѣдующемъ классѣ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, совершенно не въ состояніи будетъ усвоить преподаваемого.

Кромѣ исполненія вышеуказаннаго опредѣленія Св. Синода, Совѣтъ училища въ отчетномъ году принялъ и нѣкоторыя другія мѣры къ улучшенію учебнаго дѣла. Главнѣйшими изъ нихъ были: а) введеніе обученія воспитанницъ всѣхъ классовъ счисленію на счетахъ и б) составленіе комиссіею изъ инспектора классовъ и преподавателей русскаго языка въ училищѣ особыхъ каталоговъ книгъ ученической библіотеки для каждаго класса воспитанницъ училища въ отдѣльности; въ каждый изъ этихъ каталоговъ внесены только книги доступныя и соотвѣтствующія возрасту и учебной программѣ даннаго класса. Эти каталоги вручены воспитательницамъ всѣхъ классовъ и библіотекаршѣ для руководства при выдачѣ изъ библіотеки учащимся книгъ для чтенія.

4. Библіотека и физическій кабинетъ.

а) Въ фундаментальной библіотекѣ къ началу 18⁸⁷/₈₈ учебнаго года числилось 1054 названія книгъ въ 2534 томахъ. Сравнительно съ 18⁸⁵/₈₆ учебнымъ годомъ библіотека эта увеличилась на 86 названій въ 196 томахъ. Изъ числа вновь поступившихъ книгъ 61 названіе въ 131 томѣ пожертвованы основателемъ училищной библіотеки московскимъ купцомъ И. М. Коробковымъ, 12 названій въ 18 томахъ переданы изъ ученической библіотеки, 9 названій въ 38 томахъ приобрѣтены на училищный счетъ, 2 названія въ 2 хъ томахъ пожертвованы предсѣдателемъ Совѣта, священникомъ Т. Буткевичемъ, 1 названіе въ 6 томахъ поступило отъ неизвѣстнаго лица и 1 названіе въ 1 томѣ составляютъ экзаменскія сочиненія выпускныхъ воспитанницъ, писанные въ отчетномъ году. Книгами изъ фундаментальной библіотеки пользуются только начальствующіе, преподаватели и другія служащія въ училищѣ лица. Завѣдуетъ этою библіотекою одна изъ воспитательницъ училища, съ особымъ за это вознагражденіемъ въ 60 руб. въ годъ.

б) Въ ученической библіотекѣ къ началу 18⁸⁷/₈₈ учебнаго года числилось 565 названій книгъ въ 1378 томахъ. Сравнительно съ 18⁸⁵/₈₆ учебнымъ годомъ библіотека эта увеличилась на 39 названій въ 66 томахъ, изъ которыхъ 18 названій въ 27 томахъ пожертвованы И. М. Коробковымъ и 21 названіе въ 39 томахъ

приобрѣтено на училищный счетъ. Книгами изъ этой библіотеки пользуются исключительно воспитанницы училища, при чемъ для приготовительнаго, I-го и II-го классовъ берутъ книги, подъ свои росписки и отвѣтственность, воспитательницы этихъ классовъ, а воспитанницы остальныхъ классовъ берутъ книги сами, подъ свои росписки и отвѣтственность. Въ выборѣ книгъ для чтенія и воспитательницы и воспитанницы руководствуются особыми каталогами заключающими въ себѣ списки книгъ изъ этой библіотеки, назначенныхъ для каждаго класса въ отдѣльности. Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами всѣхъ классовъ взято было для чтенія изъ этой библіотеки 2,889 книгъ, именно: воспитанницами приготовительнаго класса 94 книги, воспитанницами I класса 123 книги, воспитанницами II класса 139 книгъ, воспитанницами III класса 678 книгъ, воспитанницами IV класса 705 книгъ, воспитанницами V класса 495 книгъ и воспитанницами VI класса 655 книгъ. Завѣдуетъ ученическою библіотекою всегда воспитательница VI класса, при помощи двухъ, избираемыхъ ею, воспитаницъ того-же класса, получая за это 25 р. въ годъ.

в) *Въ библіотекъ при педагогической школѣ* къ началу 18^{87/88} учебнаго года числилось 270 названій книгъ въ 293 томахъ. Сравнительно съ 18^{85/86} учебнымъ годомъ библіотека эта увеличилась на 92 названія въ 95 томахъ, которыя всѣ приобрѣтены на училищный счетъ и состоятъ изъ указанныхъ въ программѣ для церковно-приходскихъ школъ учебниковъ и учебныхъ пособій. Книгами изъ этой библіотеки пользуются ученики школы (учебниками, учебными пособиями и книгами для чтенія) и воспитанницы VI класса училища для подготовки къ занятіямъ въ этой школѣ (книгами педагогическаго содержанія). Завѣдывала этою библіотекою надзирательница педагогической школы.

г) *Въ музыкальной библіотекѣ* къ началу 18^{87/88} учебнаго года числилось 314 названій музыкальныхъ пьесъ. Въ отчетномъ году библіотека эта увеличилась на 29 названій пьесъ. Завѣдывала этою библіотекою, по назначенію начальницы училища, одна изъ помощницъ воспитательницъ.

Кромѣ приобрѣтенія книгъ, Совѣтъ училища на 1887 годъ выписалъ слѣдующія періодическія издавія.

А. Для чтенія воспитанницамъ.

аа) „Дѣтскій Отдыхъ“.

бб) „Семья и Школа“.

- вв) „Семейные Вечера“.
 гг) „Задушевное Слово“.

Б. Для чтенія служащимъ въ училищъ лицамъ.

- аа) „Церковный Вѣстникъ“ съ „Христіанскимъ Чтеніемъ“.
 бб) „Вѣра и Разумъ“.
 вв) „Труды Кіевской Духовной Академіи“.
 гг) „Творенія Св. Отцевъ“.
 дд) „Православный Собесѣдникъ“.
 ее) „Православное Обзоріе“.
 жж) „Русскій Вѣстникъ“.
 зз) „Московскія Вѣдомости“.
 ии) „Нива“.
 іі) „Южный Край“.
 кк) „Свѣтъ“.

Учебниками, учебными пособіями и учебными принадлежностями всѣ воспитанницы были снабжены въ достаточномъ количествѣ отъ училища, безъ взноса за это особой платы.

Физическій кабинетъ въ отчетномъ учебномъ году не получилъ приращенія, потому что обладаетъ необходимымъ для практическаго преподаванія физики приборами. Завѣдывалъ кабинетомъ преподаватель физики.

На бібліотеку, учебныя пособія и учебныя принадлежности по смѣтѣ, утвержденной на трехлѣтіе съ 1885 по 1887 годъ включительно XI епархіальнымъ съѣздомъ, бывшимъ въ сентябрѣ 1884 года, назначено 1429 руб. 68 коп. Музыкальная бібліотека пополнялась изъ спеціальныхъ суммъ, поступающихъ въ училище за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ.

(Окончаніе будетъ).

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

(Окончаніе *).

Отъ свящ. Ѳедора Малиженовскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 4 р. 30 к., священ. Василя Якубовича 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 3 р., священ. Тимоѳея Ѳомина 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 50 к., священ. Іоанна Владыкова 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 руб., собрано священ. Димитріемъ Чер-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“. 1888 г. № 3.

нявскимъ отъ разн. лицъ 1 руб. 20 к., священ. Ѳедоромъ Ѳедоровымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 50 к., отъ свящ. Симеона Котлярова 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 3 р., собрано священ. Димитріемъ Рудинскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 32 к., священ. Петромъ Мигулинымъ отъ разн. лицъ 1 р. 45 к., священ. Стефаномъ Поморцевымъ отъ разн. лицъ 1 р. 65 к., священ. Петромъ Дюковымъ отъ разн. лицъ 50 к., священ. Мартиріемъ Подольскимъ отъ разн. лицъ 2 р., свящ. Елисеѣмъ Загурскимъ отъ разн. лицъ 2 р. 50 к., отъ Григорія Николаевича Водошъека 3 руб., представлено членомъ комитета Василиемъ Филипповичемъ Николаенко, собранныхъ имъ по подписному листу 1 р. 91 к., собрано священникомъ Николаемъ Червонецкимъ отъ разн. лицъ 2 р. 88 к., отъ свящ. Григорія Лобковского 3 р., чрезъ него-же 10 к., протоіер. Іоанна Хижнякава 3 р., собрано священ. Іоанномъ Толмачевымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., отъ свящ. Николая Червонецкаго 3 р., помощника начальника станціи Степана Зюбана 3 р., собрано священ. Евгениемъ Чекаловымъ отъ разн. лицъ 2 р., отъ свящ. Михаила Жуковского 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 75 к., собрано священ. Петромъ Ѳедоровымъ отъ разн. лицъ 71 к., отъ свящ. Василия Любчинскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., собрано протоіер. Николаемъ Соколовскимъ отъ разныхъ лицъ 3 р., отъ свящ. Андрея Любарскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 40 коп., собрано священ. Петромъ Владыковымъ отъ разн. лицъ 1 р. 53 к., священ. Іаковомъ Бѣликовымъ отъ разныхъ лицъ 84 к., отъ свящ. Іоанна Ракпевскаго 3 р., Ѳедора Осиповича Мыточкина 3 р., Василия Монакова 3 р., Димитрія Сиротенко 3 руб., собрано священ. Іоанномъ Ракшевскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 75 к., священ. Іоанномъ Пономаревымъ отъ разн. лицъ 73 к., священ. Захаріемъ Рудинскимъ отъ разн. лицъ 6 р. 33 к., отъ священ. Калистрата Власовскаго 3 р., чрезъ него-же 35 к., священ. Поликарпа Пономарева 1 р., свящ. Александра Вербицкаго 1 р., діакона Павла Яновскаго 50 к., протоіерея Григорія Максимова 3 р., Ивана П. Корсиченкова 3 р., собрано протоіер. Григоріемъ Максимовымъ отъ разн. лицъ 16 р., отъ священ. Іоанна Ѳедорова 3 р., священ. Леонида Твердохлѣбова 3 р., собрано священ. Леонидомъ Твердохлѣбовымъ отъ разн. лицъ 1 р., отъ священ. Іоанна Ѳедорова 3 р., церковнаго старосты Ивана Дреева 3 р., собрано церковнымъ старостою Дреевымъ 65 к., отъ священ. Мелетія Быковцева 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 70 к., священ. Іннокентія Давилова 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р. 85 к., священ. Георгія Ѳедорова 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 3 р. 40 к., собрано: священ. Ѳедоромъ Шишловымъ отъ разн. лицъ 3 р. 21 к., свящ. Гавріиломъ Поповымъ отъ разн. лицъ 1 руб., отъ священ. Іоанна Инвокова 3 р., священ. Павла Быковцева 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., священ. Алексѣя Ипногова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 руб., отъ Иполита Ивановича Кобелева 3 руб., собрано священникомъ Павломъ Лисенкомъ отъ разн. лицъ 5 руб., отъ священ. Самуила Ѳедорова 3 р., церковнаго старосты Козьмы

Козенка 3 р., собрано священникомъ Самуиломъ Ѳедоровымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., отъ священ. Капитона Баженова 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., священ. Михаила Загоровскаго 3 р., собрано священникомъ Михаиломъ Загоровскимъ отъ разн. лицъ 1 р., отъ священ. Петра Раздольскаго 3 р., церковнаго старосты Ивана Жукова 3 руб., собрано священ. Петромъ Раздольскимъ отъ разн. лицъ 2 р., отъ священ. Алексѣя Ѳедорова 3 р., церковнаго старосты Ѳедора Шулика 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 5 руб., священ., Харлампія Ѳедорова 3 руб., собрано священ. Харлампіемъ Ѳедоровымъ отъ разн. лицъ 5 руб. 73 коп., отъ священ. Іоанна Василевскаго 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 4 р. 50 к., священ. Василия Ястремскаго 3 р., священ. Іосифа Рудинскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 5 р., протоіерея Алексѣя Иннокова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., священ. Михаила Любickaго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 руб., священ. Іакова Ипнокова 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 7 р., священ. Димитрія Бѣдина 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., священ. Іоанна Кузнецова 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р. 15 к., священ. Василия Попова 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 50 к., священ. Іоанна Косьменко 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 80 коп., священ. Димитрія Жуковскаго 3 руб., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 67 к., собрано: священ. Филаретомъ Донченковымъ отъ разн. лицъ 3 руб. 30 к., священ. Димитріемъ Прядкинымъ отъ разн. лицъ 3 р. 44 к., получено кружечнаго сбора отъ благочиннаго 5 округа Староб. уѣзда 23 р. 99 к., отъ священ. Василия Алексѣевского 3 р., протоіерея Михаила Павлова 3 р., Михаила Ветухова 3 р., Николая Матвѣева 3 р., священ. Аполлона Станкова 3 руб., священ. Александра Ветухова 3 руб., Михаила Сенявина 3 руб., Алексѣя Любковскаго 3 р., Харлампія Твердохлѣбова 3 руб., Іоанна Ѳедоровскаго 3 р., Василия Попова 3 р., Василия Мантулина 3 р., Матвѣя Моисѣева 3 р., Іоанна Ястремскаго 3 р., Александра Ѳедорова 3 р., Андрея Базилевича 3 р., Михаила Ветухова 3 р., Іоанна Иннокова 3 р., Андрея Титова 3 руб., Александра Ковалевскаго 3 руб., Николая Склярова 3 р., Петра Ветухова 3 р., Константина Насѣдкина 3 р., Стефана Крыжановскаго 3 р., Меодія Лядскаго 3 р., Павла Ветухова 3 р., собрано священникомъ Андреемъ Базилевичемъ отъ разн. лицъ 30 коп., священ. Александромъ Ѳедоровымъ отъ разн. лицъ 75 коп., священ. Александромъ Ветуховымъ отъ разн. лицъ 2 р. 20 к., священ. Михаиломъ Ветуховымъ отъ разн. лицъ 1 р. 55 к., свящ. Харлампіемъ Твердохлѣбовымъ отъ разн. лицъ 65 к., протоіер. Николаемъ Матвѣевымъ отъ разн. лицъ 2 руб., священ. Василиемъ Мантулинымъ отъ разн. лицъ 1 руб. 50 коп., священ. Іоанномъ Ястремскимъ отъ разн. лицъ 1 руб., священ. Матвѣемъ Моисѣевымъ отъ разн. лицъ 60 к., священ. Василиемъ Поповымъ отъ разн. лицъ 15 к., священ. Михаиломъ Павловымъ отъ разн. лицъ 45 к., священ. Петромъ Ветуховымъ отъ разн. лицъ 1 руб., священ. Алексѣемъ Любковскимъ отъ разн. лицъ 1 руб., священ.

Іоанномъ Ѳедоровскимъ отъ разн. лицъ 1 р., протоіереемъ Михаиломъ Ветуховымъ отъ разн. лицъ 30 коп., священ. Апполлономъ Станковымъ отъ разн. лицъ 40 к., священ. Іоанномъ Инноковымъ отъ разн. лицъ 1 р. 20 к., священ. Андреемъ Титовымъ отъ разн. лицъ 1 р. 20 к., священ. Николаемъ Скляровымъ отъ разн. лицъ 1 р. 50 к., священ. Константиномъ Насѣдкинымъ отъ разн. лицъ 25 к., священ. Александромъ Ковалевскимъ отъ разн. лицъ 1 руб., священ. Михаиломъ Сенявинымъ отъ разн. лицъ 3 руб. 50 коп. священ. Стефаномъ Крыжановскимъ отъ разн. лицъ 80 к., священ. Моводіемъ Лядскимъ отъ разн. лицъ 50 к., священ. Павломъ Ветуховымъ отъ разн. лицъ 1 р. 25 к., священ. Василиемъ Алексѣевскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 12 к., священ. Іоанномъ Чудновскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 60 к., отъ священ. Георгія Рудинскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 40 к., собрано священ. Василиемъ Толмачевымъ отъ разн. лицъ 2 р. 25 к., отъ священ. Автонома Крыжановскаго 50 к., собрано: священ. Василиемъ Щепкинымъ отъ разн. лицъ 1 р. 21 к., свящ. Петромъ Дейниховскимъ отъ разн. лицъ 1 р., священ. Григоріемъ Ходскимъ отъ разн. лицъ 72 коп. священ. Ѳедоромъ Поповымъ отъ разн. лицъ 3 р., священ. Василиемъ Збукаровымъ отъ разн. лицъ 1 р. 15 к., священ. Василиемъ Виноградскимъ отъ разн. лицъ 1 руб. 40 к., священ. Николаемъ Сергѣевымъ отъ разн. лицъ 1 р., священ. Ѳедоромъ Ковалевскимъ отъ разн. лицъ 1 руб. 1 к., священ. Николаемъ Ильинскимъ отъ разн. лицъ 2 р. 35 к., священ. Василиемъ Филевскимъ отъ разн. лицъ 3 р., священ. Тимофеемъ Ѳедоровымъ отъ разн. лицъ 1 р. 58 к., священ. Василиемъ Ковалевскимъ отъ разн. лицъ 82 коп., священ. Викторомъ Трояновымъ отъ разн. лицъ 5 руб., священ. Ілією Созонтьевымъ отъ разн. лицъ 95 коп., священ. Григоріемъ Павловымъ отъ разн. лицъ 52 к., священ. Іоанномъ Филевскимъ отъ разн. лицъ 45 коп., священ. Львомъ Базилевичемъ отъ разн. лицъ 1 р., священ. Василиемъ Протопоповымъ отъ разн. лицъ 94 к., священ. Петромъ Торанскимъ отъ разн. лицъ 50 к., священ. Николаемъ Жуковымъ отъ разн. лицъ 54 к., священ. Владиміромъ Раевскимъ отъ разн. лицъ 2 р., священ. Максимомъ Рубинскимъ отъ разн. лицъ 35 к., священ. Матвѣемъ Василевскимъ отъ разн. лицъ 42 коп., священ. Василиемъ Васильковскимъ отъ разн. лицъ 3 р., священ. Петромъ Мабухинымъ отъ разн. лицъ 30 к., свящ. Никитою Шебатинскимъ отъ разн. лицъ 3 руб., священ. Павломъ Раевскимъ отъ разн. лицъ 42 коп., священ. Димитріемъ Кирилловымъ отъ разн. лицъ 1 руб. 60 к., священ. Ѳомою Измайловымъ отъ разн. лицъ 20 к., священ. Николаемъ Матвѣевымъ отъ разн. лицъ 1 р., священ. Василиемъ Никольскимъ отъ разн. лицъ 25 к., священ. Петромъ Поповымъ отъ разн. лицъ 54 к., чрезъ него-же 1 руб. 85 к., священ. Николаемъ Скубачевскимъ отъ разн. лицъ 60 коп., священ. Димитріемъ Твердохлѣбовымъ отъ разн. лицъ 70 коп., священ. Павломъ Котляревскимъ отъ разн. лицъ 60 коп., свящ. Димитріемъ Канлуненко отъ разн. лицъ 10 к., свящ. Алексѣемъ Поповымъ отъ разн. лицъ 2 р. 20 к., собрано разновремено

въ Николаевской церкви сл. Долгинькой 30 к., собрано: священ. Ѳеодоромъ Бѣляевымъ отъ разн. лицъ 18 к., священ. Михаиломъ Куницынымъ отъ разн. лицъ 4 р. 46 к., свящ. Андреемъ Закрицкимъ отъ разн. лицъ 2 р., священ. Стефаномъ Эвенховымъ отъ разн. лицъ 4 р. 25 к., священ. Петромъ Алейниковымъ отъ разн. лицъ 85 к., священникомъ Александромъ Вербицкимъ отъ разн. лицъ 2 р. 55 к., священ. Николаемъ Сильванскимъ отъ разныхъ лицъ 50 к., священ. Петромъ Леонтовичемъ отъ разн. лицъ 1 р., священ. Михаиломъ Ольховскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 10 к., священ. Александромъ Вербицкимъ отъ разн. лицъ 3 р., отъ протоіерея Димитрія Сильванскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., собрано: священ. Петромъ Дюковымъ отъ разн. лицъ 1 р., священ. Григоріемъ Дьяковымъ отъ разн. лицъ 1 р. 26 к., отъ священ. Іоанна Ястремскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 3 р. 10 к., священ. Іліи Энеидова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р. 10 к., собрано: священ. Львомъ Дейниковскимъ отъ разн. лицъ 6 р. 3 к., священ. Николаемъ Могилянскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 3 к., отъ священ. Андрея Ѳеодорова 1 р., священ. Ѳеодосія Мухина 3 р., собрано: священ. Захаріемъ Ѳеодоровскимъ отъ разныхъ лицъ 80 к., священ. Алексѣемъ Титовымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 70 к., священ. Цавломъ Лобковскимъ отъ разныхъ лицъ 3 р. 25 к., получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа Зміевскаго уѣзда 21 р. 13 к., отъ протоіерея Іоанна Рудинскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 3 р. 55 к., отъ церковнаго старосты Семена Израильскаго 1 р., отъ священ. Антонія Рудинскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р., отъ протоіерея Алексѣя Сильванскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 11 р. 20 к., собрано: священ. Іоанномъ Жадановскимъ отъ разн. лицъ 70 к., церковнымъ старостою Иваномъ Зоринымъ отъ разн. лицъ 80 к., священ. Ѳеодоромъ Юшковымъ отъ разн. лицъ 1 р. 50 к., священ. Николаемъ Сильванскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 38 к., отъ протоіерея Алексѣя Илларіонова 16 р., отъ діакона Ѳедора Лихницкаго 1 р., собрано: священ. Александромъ Василевскимъ отъ разн. лицъ 1 р. 50 к., священ. Іоанномъ Поповымъ отъ разн. лицъ 1 р. 5 к., священ. Цавломъ Вышемірскимъ отъ разн. лицъ 80 к., священ. Димитріемъ Вышемірскимъ отъ разн. лицъ 72 к., священ. Ѳеофиломъ Корнильевымъ отъ разн. лицъ 2 р. 20 к., священ. Ѳеодоромъ Николаевичемъ отъ разн. лицъ 72 к., священ. Алексѣемъ Пономаревымъ отъ разн. лицъ 2 р., отъ священ. Григорія Корнильева 3 р. 75 к., отъ Степана Паякратьева 3 р., собрано: священ. Григоріемъ Корнильевымъ отъ разн. лицъ 50 к., священ. Іоанномъ Раевскимъ отъ разн. лицъ 3 р., священ. Петромъ Тимофеевымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 25 к., священ. Павломъ Тимофеевымъ отъ разн. лицъ 1 р., священ. Димитріемъ Андреенковымъ отъ разн. лицъ 2 р., священ. Давидомъ Антоновымъ отъ разн. лицъ 4 р. 60 к., отъ него-же 2 р. 14 к., собрано: священ. Митрофаномъ Стефановскимъ отъ разн. лицъ 1 р., священ. Василиемъ Соколовскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 25 к., свящ. Александромъ Рубинскимъ отъ разныхъ лицъ 4 р. 15 к.,

священ. Васи́лемъ Макси́мовымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., священ. Николаемъ Моно́маревымъ отъ разн. лицъ 40 к., свящ. Стефаномъ Столяревскимъ отъ раз. лицъ 3 р., отъ свящ. Павла Раевскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. 7 р., собрано: свящ. Тимофеемъ Оди́нцовымъ отъ разн. лицъ 1 р., протоіереемъ Георгіемъ Исиченковымъ отъ разн. лицъ 86 к., священ. Іоанномъ Чефрановымъ отъ разн. лицъ 1 р., свящ. Александромъ Лавденковымъ отъ разн. лицъ 1 р. 10 к., свящ. Самуиломъ Калюжнымъ отъ разн. лицъ 1 р., свящ. Тимономъ Ое́доровымъ отъ разн. лицъ 3 р. 50 к., священ. Іоанномъ Ситенко отъ разн. лицъ 2 р., свящ. Іоанномъ Бѣлогорскимъ отъ раз. лицъ 1 р., свящ. Іоанномъ Кіановскимъ отъ раз. лицъ 50 к., священ. Васи́лемъ Любицкимъ отъ разн. лицъ 3 р. 30 к., свящ. Іоанномъ Ревскимъ отъ раз. лицъ 60 к., отъ свящ. Павла Хижнякова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., свящ. Николая Черниговскаго и отъ раз. лицъ 3 р. 55 к., свящ. Васи́лія Петровскаго 3 р., чрезъ него-же 50 к., собрано: свящ. Константи́номъ Ново́польскимъ отъ раз. лицъ 3 р. 26 к., свящ. Евфиміемъ Ястремскимъ отъ раз. лицъ 1 р., свящ. Димитріемъ Василевскимъ отъ раз. лицъ 1 р. 40 к., отъ Анато́лія Николаевича Россинскаго 3 р., Алексѣя Евфимовича Тверишинова 3 р., собрано: свящ. Алексѣемъ Любицкимъ отъ раз. лицъ 75 к., свящ. Іоако́вомъ Павловымъ отъ раз. лицъ 3 р. 65 к., отъ Ивана Ивановича Кучеренко 3 р., собрано: свящ. Михаиломъ Поповымъ отъ разн. лицъ 9 р., отъ Димитрія Ивановича Суханова 3 р., протоіерея Васи́лія Никольскаго 3 р., чрезъ него-же отъ раз. лицъ 2 р., свящ. Николая Фесенкова 3 р., чрезъ него-же отъ раз. лицъ 2 р., собрано: свящ. Іоако́вомъ Ященковымъ отъ раз. лицъ 1 р., свящ. Тео́кτισтомъ Ященковымъ отъ раз. лицъ 1 р. 10 к., свящ. Димитріемъ Никулищевымъ отъ раз. лицъ 1 р. 50 к., отъ Платона Сорочинскаго 3 р.,—чрезъ него-же отъ раз. лицъ 2 р. 9 к., собрано: протоіереемъ Іоанномъ Макси́мовымъ отъ разн. лицъ 1 р. 50 к., священн. Іоанномъ Ставровскимъ отъ разн. лицъ 3 р. 40 коп., священ. Филаретомъ Григоровичемъ отъ разн. лицъ 2 руб. 77 к., священ. Петро́мъ Чудновскимъ отъ разн. лицъ 4 руб. 40 коп., священ. Георгіемъ Рыжевскимъ отъ разн. лицъ 2 руб. 40 к., отъ Васи́лія Семеновича Бережнаго 3 р., Іоакима Діонисіевича Роскошнаго 3 р., Евфима Сергѣевича Скумица 3 р., Ивана Даниловича Сердюка 3 р., Якова Семеновича Рѣзника 3 р., Якова Александровича Семенца 3 р., Никифора Андреевича Рубинскаго 3 руб., Тео́досіи Федоровны Чернецкой 3 р., Максима Федоровича Лобась 3 р., Варвары Григорьевны Короваенковой 3 руб., Стефана Александровича Титаренко 3 р., Іоакима Оомича Лебедь 3 р., собрано священ. Іоанномъ Кіановскимъ отъ разныхъ лицъ 7 р., отъ Георгія Михайловича Грошеваго 3 р., Семена Яковлевича Чикина 3 р., Григорія Кирилловича Куличкова 3 р., Стефана Іоакимовича Косенко 3 р., Федора Федоровича Бублаева 3 р., Федора Федоровича Бублаева втораго 3 р., Ивана Петровича Чесмарева 3 р., Игнатія Прокофіевича Голубь 3 р., Семена Львовича Велитченка 3 р., Ивана

Яковлевича Пташкина 3 р., Романа Даниловича Токаря 3 р., Терентія Карловича Зазорко 3 р., Льва Михайловича Зборомірскаго 3 р., священ. Прокопія Попова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р., священ. Иллариона Жукова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., священ. Іоанна Буткова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 40 к., церковнаго старосты Григорія Головинскаго 3 р., священ. Іоанна Попова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 55 к., священ. Александра Иванова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 42 к., священ. Михаила Павлова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 60 к., священ. Василя Макаровскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 15 к., священ. Павла Филевскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р., священ. Георгія Грекова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р. 49 к., священ. Димитрія Цантелеимонова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 70 к., священ. Андрея Павлова 4 р., священ. Димитрія Донченкова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 30 к., священ. Аристарха Фенева 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 74 к., священ. Владиміра Чебанова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., священ. Іоанна Макаровскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р. 8 к., собрано священ. Илією Николаевичемъ отъ разн. лицъ 3 р. 69 к., отъ священ. Іоанна Жуковскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 90 к., священ. Іоанна Косьменко 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., священ. Павла Раздольскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 30 к., собрано: священ. Михаиломъ Федотовымъ отъ разн. лицъ 3 р., священ. Василиемъ Капустянскимъ отъ разн. лицъ 1 р., отъ священ. Андрея Любарскаго 3 р., священ. Іоанна Павлова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 40 к., священ. Григорія Макухина 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 25 к., священ. Никиты Слюсарева 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 46 к. Итого въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ 1887 года поступило 1,376 р. 6 к., а всего въ 1887 г. поступило 4,359 р. 94 к.

Всѣхъ ревнителей Православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками, Комитетъ покорнѣйше проситъ присылать свои пожертвованія непосредственно въ Комитетъ при харьковскомъ архіерейскомъ домѣ или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* рублей, или же единовременно не менѣе *шестидесяти* рублей.

Комитетъ сей имѣетъ честь извѣстить всѣхъ ревнителей Православія, что 13 марта, въ день торжества Православія въ покояхъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, въ часъ пополудни имѣетъ быть общее собраніе членовъ Харьковскаго Отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества, для выслушанія отчета Комитета за 1887 г.

и выбора членовъ Комитета и казначея. Комитетъ сей вполне увѣренъ, что всѣ ревнители распространенія св. Православной вѣры между невѣдающими оной, явятся въ это собраніе.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго Совѣта.

На содержаніе церковно-приходскихъ школъ епархіи за вторую половину 1887 года поступило: 1) отъ о.о. благочинныхъ: 1-го округа гор. Харькова священника Петра Полтавцева 275 р. 25 к. (въ томъ числѣ 17 рублей—вынутыхъ изъ кружекъ у Харьковскаго вокзала желѣзной дороги); благочиннаго безприходныхъ, въ городѣ Харьковѣ, церковей священника Стефана Любичкаго 13 р. 20 к.; 1-го Ахтырскаго округа священника Григорія Попова 52 р. 38 к.; 2-го Богодуховскаго округа священника Алексѣя Снѣсаревскаго—50 руб. (въ томъ числѣ 45 к. вынутыхъ изъ кружки у желѣзнодорожной станціи „Гуты“); 1-го Змѣевскаго округа протоіерея Алексія Сильванскаго—202 р. 87 к.; 2-го округа Змѣевскаго округа священника Михаила Котлярова—20 р. 70 к.; 1-го Изюмскаго округа священника Стефана Роменскаго—19 р. 31 к.; 2-го Изюмскаго округа протоіерея Θεодора Любарскаго—4 р.; 4-го Изюмскаго округа священника Михаила Куницына—13 р. 82 к.; 2-го Купянскаго округа священника Михаила Чернявскаго 38 р. 12 к.; 2-го Лебединскаго округа протоіерея Іоанна Сапухина—29 р. 91 к.; 1-го Старобѣльскаго округа священника Николая Шокова—33 р. 90 к.; 3-го Старобѣльскаго округа священника Димитрія Дещенко—33 р. 72 к.; 5-го Старобѣльскаго округа священника Василя Алексѣевского—54 р. 34 коп.; б) *отъ монастырей*: Харьковскаго Покровскаго—5 р. 14 к.; Старо-Харьковскаго Преображенскаго Куряжскаго—1 р. 34 к.; Ахтырскаго Свято-Троицкаго 2 р. 50 к.; Святогорской Успенской пустыни—6 р.; Хорошевскаго Вознесенскаго—2 р. 75 к.; Старобѣльскаго Скорбященскаго—6 р.; в) *отъ церковныхъ старостъ*: Харьковской университетской Антоніевской церкви А. Н. Денисова—9 р. 80 к.; Харьковской Іоанно-Богословской семинарской церкви С. Томенко—5 руб.; г. *отъ священниковъ и церковныхъ причтовъ приходскихъ церковей епархіи*: Харьковскаго уѣзда: села Комаровки священника Петра Θεодорова—20 к.; вынутыхъ изъ кружки у желѣзнодорожной станціи „Буды“, села Коротика священника Порфирія Шокотова—

3 р.; *Изюмскаго уѣзда*: слободы Рай-Александровки священника Алексія Павлова—1 р. 15 к.; слободы Николаевки священника Гавріила Троицкаго—1 р.; слоб. Никифоровки священника Георгія Воробьева—1 р.; слоб. Рай-Городка священника Василия Спѣсивцева 2 р.; отъ причта и церковнаго старосты слоб. Лимана—4 р.; отъ священника Александра Лонгинова—1 р., слоб. Шендриголовой священника Димитрія Могилянскаго—1 р.; слоб. Новоселонки священника Бориса Дикарева—3 р.; отъ причта гор. Славянска Воскресенской церкви—1 р. 20 к.; села Студенка священника Іоанна Бѣложова—2 руб.; *Купянскаго уѣзда*: отъ причта и старосты слоб. Радоковскихъ Песокъ—3 р.; слоб. Владиміровки священника Николая Бѣликова—3 р.; и отъ священника села Алексѣевки *Сумскаго уѣзда* Алексѣя Любickaго—2 руб. Всего *девятьсотъ восемь рублей шестьдесятъ копѣекъ (908 р. 60 к.)*.

Отъ Правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода.

Правленіе завода положительно убѣдилось, что огарочный воскъ въ слиткахъ, поступающій отъ церковныхъ старостъ въ обмѣнъ за свѣчи въ коммисіонерскіе склады, по своему плохому качеству, при переработкѣ онаго, грязнить и портить достоинство чисто пчелинаго воска и неминуемо влечетъ за собою убытокъ для завода, такъ какъ онъ всегда бываетъ смѣшенъ съ парафиномъ и другими примѣсями: пескомъ, саломъ, грязью и т. п. Правленіе завода во избѣжаніе нарушенія главнаго основанія Епархіальнаго завода выдѣлывать свѣчи только изъ чисто пчелинаго воска—доводитъ до свѣдѣнія Епархіальнаго духовенства, церковныхъ старостъ и коммисіонеровъ Епархіальнаго завода, со времени пропечатанія настоящаго объявленія, не будетъ принимать вовсе огарочный воскъ въ слиткахъ, какого-бы онъ ни былъ достоинства, кромѣ свѣчныхъ огарковъ изъ свѣчей Епархіальнаго завода.

ВѢДОМОСТЬ

о средствахъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода на 1 число января мѣсяца 1888 года.

А) Наличность кассы и матеріаловъ въ складахъ и лавкахъ, на 1-е января 1888 года 1. *Въ кассѣ*: а) Деньгами 6,820 руб. 41 к.

б) Билетами 7,200 руб. 2. *Въ матеріалахъ*: Свѣчей простыхъ бѣлыхъ и золоченыхъ 1,957 п. 36 ф. на 42,094 р. 98¹/₂ к., восковыхъ крестиковъ 21³/₄ ф.—14 руб. 13 ³/₄ к., воску бѣлаго 3,043 п. 21¹/₂ ф.—64,370 руб. 82 коп., воску желтаго 3,372 п. 11¹/₂ ф.—70,986 р. 63³/₄ к., свѣчныхъ огарковъ 216 п. 19¹/₄ ф.—3,896 р. 66¹/₄ к., огарочнаго и перховаго воска 710 п. 13 ф.—12,785 руб. 85 к., обвощенныхъ остатковъ 33 п. 6¹/₈ ф.—298 р. 37¹/₂ к., золота 330 книжекъ—191 р. 40 к., фитильной бумаги 31 п. 37 ф.—542 р. 71¹/₂ к., связки для свѣчей 6 п. 12 ф.—73 р. 71 к., оберточной синей бумаги 8 п. 3 ф.—41 р. 99 к., этикетовъ 39¹/₂ ф.—61 р. 22¹/₂ к., масла деревяннаго 2 ф.—60 к., ящичковъ для укупорки свѣчей 920 штукъ—460 р., оберточной сѣрой бумаги 28 ф.—2 р. 24 к., гвоздей укупорочныхъ 33 ф.—3 руб. 30 к., керосину 20 ф.—70 к., стеариновыхъ свѣчей ¹/₂ ф.—12¹/₂ к., рогожаныхъ кулей 4,240 штукъ—730 р. 90 к., 3. *Въ хозяйство завода и инвентарь*: Паровикъ, трубы, котлы, вѣса и проч. на 2,019 р. 42 к., принадлежности канцеляріи правленія завода: столы, шкафы, архивные, несгораемый шкафъ для денегъ, мебель и проч.—235 р., принадлежности свѣчной лавки: вѣсы, лавки, конторки, столы, диваны и проч. 150 р., обозъ и лошади 575 р., овса 9 п.—4 руб. 5 фун., сѣна 40 копенъ 120 р., дровъ 3¹/₃ сажень—66 р. 67 к., разныхъ хозяйственныхъ вещей 30 руб., 4. *Въ недвижимости*: Земля, лѣсъ, каменные и проч. постройки 30.000 р., 5. *Въ долгахъ заводу*: Уѣздные комисіонеры за отпущенныя въ кредитъ свѣчи 64,225 р. 54³/₄ к., Харьковскіе городскіе и сельскіе церкви и монастыри за свѣчи 5,836 р. 65¹/₄ к., свѣчная лавка архіерейскаго домоправленія 1,390 р., выдано впередъ за наемъ лавки 166 руб. 66 коп. Итого 315,395 руб. 78¹/₄ коп.

Б) Долги Епархіальнаго завода по займамъ: Епархіальному женскому училищу 6.000 р., % по 1-е января 1888 года 28 руб. 32 к., капитала бѣлаго духовенства Епархіи 27,380 р., % на 1-е января 1888 года 501 р. 97 к., отъ церквей Харьковской Епархіи 8,745 р., % на 1-е января 1888 года 1.070 р. 88 к., отъ причтовъ Епархіи и частныхъ лицъ 550 руб., % на 1-е января 1888 года 6 р. 89 к., авансоваго взноса отъ церквей 1,690 р., за купленный воскъ и другіе матеріалы для производства свѣчей 10,261 р. 50¹/₂ к., за наемъ помещенія для лавокъ и канцеляріи правленія 50 руб., за разные предметы забираемые кредитомъ для заводской экономіи и на печатаніе бланковъ, книгъ и этикетовъ 99 р. 81 к. Итого 56,384 р. 37¹/₂ к. А за исключеніемъ означен-

наго долга заводъ имѣеть въ наличности всего 259,011 р. 40³/₄ к. Кромѣ того въ теченіи 1887 года средствъ изъ Епархіальнаго завода, выдано на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и другія потребности Епархіи—35,006 р. 44 к.; на уплату долговъ по займамъ и авансовому взносу—4,656 руб. 79 к.; на перестройку каменныхъ складовъ—647 руб. 16³/₄ к.; итого 40,310 р. 39³/₄ к.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Настоятель Ахтырскаго Покровскаго собора протоіерей *Андрей Поповъ* волею Божіею умеръ, а на его мѣсто настоятелемъ собора назначенъ протоіерей того же собора *Инатій Клементьевъ*, а на мѣсто Клементьева священникъ Архангело-Михайловской церкви *Георгій Хижняковъ*, а на мѣсто сего послѣдняго студентъ Харьковской дух. семинаріи *Даніилъ Поповъ*.

— Священникъ *Николай Шосте* уволенъ отъ должности законоучителя Груньскаго народнаго училища, Лебединскаго уѣзда, а на его мѣсто въ этой должности утверждёнъ священникъ Николаевской церкви с. Груни, Лебединскаго уѣзда *Іоаннъ Стефановъ*.

— Священникъ слоб. Алешны Преображенской церкви *Петръ Подлуцкій* уволенъ отъ должности законоучителя Алешанскаго народнаго училища, а на его мѣсто законоучителемъ утверждёнъ священникъ Алешанской Покровской церкви *Николай Грсковъ*.

— Священникъ Василіевской церкви слоб. Прелестной, Изюмскаго уѣзда, *Димитрій Каплуненко* опредѣленъ законоучителемъ въ Прелестенское двухклассное образцовое училище.

— Священникъ Изюмской Покровской кладбищенской церкви *Владиміръ Григоровичъ* утверждёнъ законоучителемъ Изюмскаго городского приходскаго училища.

— Священнику слоб. Петро-Шавловки, Купянскаго уѣзда, *Моисею Петрову* разрѣшено употреблять черную скуфію при исправленіи требъ внѣ церкви.

— Священникъ *Іоаннъ Рудневъ* отрѣшенъ отъ мѣста въ с. Малыхъ Проходахъ, Харьковскаго уѣзда, съ запрещеніемъ ему священнослуженія и съ увольненіемъ за штатъ.

— Окончившій курсъ Харьковской дух. семинаріи *Александръ Навродскій* опредѣленъ на праздное священническое мѣсто въ с. Малые Проходы, Харьковскаго уѣзда.

— Утверждены въ законоучительскихъ должностяхъ въ мѣстныхъ начальныхъ народныхъ училищахъ приходскіе священники Николаевской церкви слоб. Высокополя, Валковскаго уѣзда, *Петръ Пономаревъ* и Покровской с. Малой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, *Василій Торанскій*.

— Діаконъ Всѣхсвятской церкви г. Славянска *Іаковъ Василевскій* перемѣщенъ на псаломщицкую должность къ Троицкой церкви г. Славянска.

— Изюмскаго уѣзда слоб. Рѣдкодуба, Покровской церкви, діаконъ *Павелъ Андрусенковъ* 13 февраля н. г. перемѣщенъ на штатное діаконское мѣсто къ Троицкой церкви слоб. Мостковъ, Старобѣльскаго уѣзда.

— Сынъ священника *Александръ Ивановъ* опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Іоанно-Богословской церкви, слоб. Сянихи Купянскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Александро-Невской церкви г. Харькова Харьковскій временный купецъ *Іванъ Коваленко* на второе трехлѣтіе; къ Николаевской церкви г. Золочева, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ *Стефанъ Завадскій*; къ Николаевской церкви слоб. Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Григорій Еременко*—на четвертое трехлѣтіе; къ Троицкой церкви с. Славгородка, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ *Іванъ Бурнаки*; къ Троицкой церкви с. Мезиновки, того-же уѣзда, крестьянинъ *Данилъ Ганжаленко*; къ единовѣрческой церкви слоб. Кармазиновки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ *Андрей Перевышкинъ* и къ Николаевской церкви слоб. Ямполья, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ *Стефанъ Гайворонскій*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Воспрещеніе частнымъ лицамъ продажи церковныхъ свѣчъ.—Юбилей Петербургскихъ соборовъ.—Православное миссіонерство.—Религіозныя вѣрованія язычниковъ самоѣдовъ.—Собесѣдованія со старообрядцами.—Служба въ Алеутской епархіи.—Миссія въ Японіи.—Церковное пѣніе и чтеніе въ сельской школѣ.—Новыя исцѣленія по молитвамъ о. Іоанна Сергіева.—Промыселъ сбора на церковь.—Наказаніе за кощунство.—Преподаваніе медицины въ Екатеринославской духовной семинаріи.—Численность нашего духовенства.

Петербургскія газеты сообщаютъ, что въ Св. Синодѣ въ непродолжительномъ времени будетъ разсматриваться вопросъ о прекращеніи продажи церковныхъ свѣчей частными лицами и торговыми заведеніями. На благоусмотрѣніе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода поступило нѣсколько предложеній отъ духовенства и церков-

ныхъ старость о прекращеніи продажи восковыхъ свѣчей въ частныхъ лавкахъ, съ тѣмъ чтобы таковая продажа производилась исключительно при церквахъ, съ цѣлью увеличенія церковныхъ доходовъ. Вопросъ этотъ находится въ связи съ мѣрами, проектирующимися въ финансовомъ вѣдомствѣ относительно минеральнаго воска, ввозимаго въ Россію изъ-за-границы.

— По словамъ „Новаго Времени“, въ текущемъ году три главные православные собора въ Петербургѣ празднуютъ свой юбилей: Исаакіевскій соборъ 30-тилѣтній, со дня окончанія постройки; соборъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго 160-тилѣтній и соборъ Владимірской Божіей Матери 120-ти лѣтній.

— Въ прошломъ году преосвященный Владиміръ, епископъ Ставропольскій, обратилъ въ православіе одного поморца, Елисея Купина. Убѣдившись въ истинѣ церковнаго ученія, Купинъ сталъ навѣщать своихъ бывшихъ единовѣрцевъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ расположилъ присоединиться къ православію. Тогда вожаки раскола стали сбивать готовившихся присоединиться къ Церкви, увѣряя ихъ, что тѣ древнія книги, на которыя ссылался Купинъ въ своихъ доказательствахъ истинности православнаго ученія, подложны. Сбиваемые начетчиками, старообрядцы выбрали изъ своей среды четырехъ депутатовъ и рѣшили отправить ихъ въ Москву, для осмотра древнихъ книгъ, хранящихся въ патріаршей и Хлудовской библіотекахъ. Преосвященный Владиміръ одобрилъ намѣреніе старообрядцевъ и далъ депутатамъ рекомендательное письмо къ настоятелю единовѣрческаго Никольскаго монастыря, о. арх. Павлу. Подъ руководствомъ замѣстителя послѣдняго, игумена Филарета, поморскіе депутаты обозрѣли старинныя рукописныя и старопечатныя книги двухъ вышеупомянутыхъ библіотекъ, и результатомъ этого путешествія было обращеніе двоихъ старообрядцевъ въ православіе. Изъ остальныхъ одинъ ограничился пока письменнымъ заявленіемъ глубокой благодарности преосвященному Владиміру за оказанное имъ содѣйствіе къ убѣжденію въ истинѣ.

— Проповѣдники христіанства среди инородцевъ, живущихъ въ Россіи, встрѣчаютъ здѣсь весьма интересныя религіозныя представленія. „Енис. Еп. В.“, характеризуя религіозныя вѣрованія самоѣдовъ-язычниковъ, приводятъ одну любопытную самоѣдскую сказку. Здѣсь, между прочимъ, рассказывается о богѣ, которому, съ одной стороны, приписывается всевѣдѣніе и всемогущество, и который, съ другой стороны, говоритъ, что онъ „самъ не знаетъ, что дѣлать“. Указывая существенныя черты мифологіи самоѣдовъ, епархіальный

органъ замѣчаетъ, что самоѣды архангельской, тобольской, томской и енисейской губерній признаютъ единого бога, который называется Нумъ, Номъ, Нонъ, т. е. небо. Нумъ паритъ надъ всѣмъ твореніемъ, настоящее жилище его — вость, небо. Онъ всевѣдущъ, всемогущъ, вездѣ-сущъ. По Кострепу, самоѣды видятъ его въ разныхъ явленіяхъ природы. Впрочемъ, самоѣды представляютъ себѣ Нума существомъ для человѣка недоступнымъ, не умилоствляемымъ ни жертвами, ни молитвами, и сѣверные самоѣды такъ боятся его, что съ видимымъ трепетомъ произносятъ его имя.

— На раскольниковъ, а равно и на православныхъ, видимо оказываютъ сильное впечатлѣніе собесѣдованія съ старообрядцами, если эти собесѣдованія ведутся хотя приблизительно такъ, какъ умѣетъ вести ихъ профессоръ Н. И. Ивановскій, какъ онъ велъ, напримеръ, собесѣдованіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, 17 января, на возвратномъ пути въ Казань съ петербургскихъ противораскольническихъ бесѣдъ. По поводу бесѣды, происходившей въ нижегородской семинарской церкви, въ „Ниж. Е. В.“ было указано на нѣкоторыя особенности бесѣды профессора Ивановскаго, „желательныя и для всякаго другого православнаго собесѣдника съ именуемыми старообрядцами“, и между прочимъ на слѣдующія: Профессоръ Ивановскій въ бесѣдахъ съ старообрядцами является полнымъ хозяиномъ своего дѣла. Если его собесѣдникъ не точно или не ясно ставитъ свое возраженіе и не умѣетъ воспользоваться свидѣтельствами изъ старопечатныхъ книгъ, то Н. И. Ивановскій помогаетъ ему и отъ себя передаетъ возраженіе самому себѣ такъ именно, какъ-бы хотѣлось собесѣднику. Это производитъ весьма сильное впечатлѣніе на слушателей и поражающимъ образомъ дѣйствуетъ на собесѣдника старообрядца и его единомышленниковъ, которые невольно чувствуютъ превосходство твердаго знанія надъ своимъ. Профессоръ Ивановскій въ своихъ бесѣдахъ даетъ наглядный урокъ православнымъ собесѣдникамъ, какую великую важность имѣетъ въ бесѣдахъ съ именуемыми старообрядцами умѣнье держаться неуклонно одного вопроса: бесѣда не запутывается посторонними вопросами, а поставленный вопросъ исчерпывается вполне и притомъ въ короткое время и безъ утомленія для слушателей; послѣдніе уходятъ съ бесѣды съ яснымъ рѣшеніемъ хоть одного вопроса. Казанскій расколовѣдъ въ своихъ бесѣдахъ замѣчательно хладнокровенъ и добродушенъ. Между тѣмъ многіе даже изъ опытныхъ собесѣдниковъ-православныхъ часто не выдерживаютъ себя и съ своей стороны отвѣчаютъ съ горячностью на обычную горячность

собесѣдниковъ-старообрядцевъ, а въ неспокойномъ состояніи духа легко увлекаются и уклоняются отъ даннаго вопроса.

— Въ алеутской епархіи, учрежденной въ 1869 году въ Сѣверной Америкѣ, постоянно ощущается недостатокъ кандидатовъ для занятія священноцерковнослужительскихъ должностей, не смотря на значительныя преимущества службы въ этой епархіи. Вслѣдствіе этого, по порученію Оберъ-Прокурора св. Синода, къ преосвященному ректору с.-петербургской духовной академіи присланъ на дняхъ очеркъ состоянія алеутской епархіи, для ознакомленія съ этой епархіей воспитанниковъ академіи, на случай если-бы среди ихъ нашлись желающіе поступить на службу въ означенную епархію.

— Православная миссія въ Японіи, какъ видно изъ частнаго письма, помѣщеннаго въ „Церк. Вѣдом.“, нуждается въ особенныхъ мѣрахъ къ возвышенію и упроченію дѣйствій миссіи. Главнѣйшія изъ этихъ мѣръ сводятся къ усиленію личнаго состава миссіи и изысканію источниковъ для покрытія расходовъ по постройкѣ собора въ Токио. Цифра православныхъ японцевъ составляетъ нынѣ, по весьма скромному исчисленію, уже 12 тысячъ, и потребности паствы въ проповѣдникахъ, духовникахъ, открытіи новыхъ церквей, отправленіи требъ увеличиваются въ такой степени, что нынѣшній составъ миссіи съ трудомъ можетъ имъ удовлетворить. Преосвященный Николай вынужденъ въ одномъ лицѣ отправлять обязанности самыя разнообразныя и непосильныя для человѣка, обладающаго меньшею энергіей. Недостаточность состава нашей миссіи въ особенности бросается въ глаза по сравненію съ численнымъ составомъ миссій другихъ вѣроисповѣданій (которыя однакоже не достигаютъ такихъ успѣшныхъ результатовъ, какъ наша). Такъ римско-католическая церковь, включая и іезуитскій орденъ, имѣетъ 93 представителя, миссіонеровъ протестантовъ различныхъ сектъ американскихъ—153, англійскихъ 75. Въ письмѣ указывается на то, что доселѣ большинство обращенныхъ въ Японіи принадлежитъ къ низшему и рѣдко среднему сословію, и признается не лишнею проповѣдь къ японцамъ высшихъ классовъ. Эти японцы будучи индифферентны къ національнымъ религіознымъ вѣрованіямъ и склонны къ умозрительному мышленію, представляютъ почву, подготовленную къ воспріятію новыхъ ученій. („Церк. Вѣстн.“).

— Церковное иѣніе и чтеніе въ церкви, какъ извѣстно, два важнѣйшіе фактора, которые располагаютъ простой русскій народъ къ школѣ и придаютъ ей въ глазахъ народа вѣсъ и значеніе.

Крестьяне, такъ сказать, фактически знакомятся въ церкви съ школьными успѣхами своихъ дѣтей. Такими успѣхами родительское самолюбіе крестьянина вполне удовлетворяется, онъ гордится своимъ сыномъ и хвалитъ школу. Если-же сельская школа игнорируетъ церковное пѣніе и чтеніе, то пусть дѣло обученія и воспитанія ведется въ ней на самыхъ раціональныхъ началахъ, съ самыми блестящими результатами, она въ глазахъ народа не будетъ пользоваться репутаціей хорошей школы и если народъ не будетъ относиться къ ней враждебно, то во всякомъ случаѣ станетъ относиться равнодушно. Вотъ факты въ подтвержденіе этого. Въ м. Рожицахъ. Волын. губ., давно уже существуетъ народная школа, но не смотря на ея давность, реномэ ея не установилось. Крестьяне не только не расположены къ своей школѣ, но настроены противъ нея почти враждебно. Крестьянскихъ дѣтей, посѣщающихъ школу, сравнительно съ количествомъ населенія, входящаго въ ея районъ, очень мало, да и тѣхъ посылаютъ родители въ школу не совсѣмъ охотно. Въ минувшемъ году выпущено изъ школы съ свидѣтельствами 7 человекъ, изъ которыхъ одинъ только сынъ крестьянина, а остальные дѣти разночинцевъ. Причиною такого индифферентнаго отношенія къ своей школѣ крестьянства служитъ полное отсутствіе тѣхъ обязательныхъ результатовъ, по которымъ крестьянинъ судитъ объ успѣхахъ школы, т. е. церковнаго пѣнія и чтенія. Свое недовольство школою крестьяне объясняютъ тѣмъ, что школа совершенно игнорируетъ церковное пѣніе и чтеніе. А вотъ другой примѣръ изъ жизни народной школы. Сосѣдняя съ рожицкою народной школою такая-же школа въ с. Жидичинѣ. Школа помѣщается здѣсь въ просторномъ и удобномъ во всѣхъ отношеніяхъ домѣ, снабжена въ достаточномъ количествѣ учебными принадлежностями и пособіями, при школѣ находится поле и огородъ, отпущенные крестьянами. Крестьяне любятъ свою школу и охотно посылаютъ туда своихъ дѣтей для обученія. Учитель хорошо понявъ, чѣмъ можно расположить крестьянина къ школѣ, прежде всего занялся устройствомъ хора пѣвчихъ и при содѣйствіи законоучителя—любителя церковнаго пѣнія, устроилъ прекрасный хоръ. Не ограничиваясь этимъ, учитель подготавливаетъ учениковъ къ чтенію въ церкви и обучаетъ ихъ музыкѣ. Все это повело къ тому, что Жидичинская школа пользуется симпатіями народа, хотя дидактическая сторона школы поставлена едва-ли лучше, чѣмъ въ рожицкой.

Въ виду несомнѣнной важности церковнаго пѣнія и чтенія въ

жизни сельской школы, слѣдовало, чтобы эти два фактора, значительно обусловливающіе успѣшность школы, заняли подобающее имъ мѣсто во всѣхъ сельскихъ школахъ. („Минута“):

— Газеты недавно сообщили еще новыя знаменательныя исцѣленія по молитвамъ о. Іоанна Сергіева. Такъ „Пет. Листку“ пишутъ изъ Кіева: офицеръ здѣшной артиллеріи, нѣкто О — инъ, сильно страдая болѣзною почекъ, отъ которой не могли его вылѣчить лучшіе врачи нашей клиники, почувствовалъ въ одну ночь такія ужасныя боли, что не надѣялся дожить до утра. Тогда онъ послалъ телеграмму отцу Іоанну Сергіеву въ Кронштадтъ съ просьбою помолиться о немъ. Съ полученіемъ отвѣта объ исполненіи просьбы, страдалецъ сразу почувствовалъ облегченіе, а въ настоящее время вышелъ изъ клиники поправившимся. — Подобное-же исцѣленіе, по молитвѣ о. Сергіева, было въ Петербургѣ и съ капитаномъ 2-го ранга Н—скимъ. Послѣдній нѣсколько лѣтъ страдалъ злокачественною болѣзнію уха, съ сильнымъ истеченіемъ гнойной матеріи. Болѣзнь привела къ тому, что онъ почти оглохъ. Безуспѣшно лѣчившись у многихъ врачей, Н — скій потерялъ наконецъ вѣру въ лѣкарства, и, по совѣту многихъ, рѣшился обратиться къ отцу Іоанну. Принятый послѣднимъ съ обычною добротой и вниманіемъ, Н—скій рассказалъ отцу Іоанну о своемъ тяжеломъ положеніи. Послѣ общей молитвы почтенный пастыръ помазалъ болящему уху какимъ-то лѣкарствомъ и отпустилъ домой обнадеженнаго. Вѣра, дѣйствительно, спасла болящаго. Нѣсколько дней назадъ мнѣ пришлось видѣть Н—скаго значительно поправившимся и ободреннымъ. Истеченіе гнойной матеріи совершенно прекратилось, боль утихла, и онъ начинаетъ слышать совершенно явственно.

— Въ „Моск. Вѣд.“ сообщается, что въ нѣкоторыхъ селахъ Зеньковскаго уѣзда, Полтавской губерніи сборъ пожертвованій на церковь обратился въ промыселъ, которымъ занимаются до 400 дворовъ. Мѣстечко Борки, села Гагрупповка и Романовка слывутъ центрами этого промысла, который существуетъ уже пятьдесятъ лѣтъ. Мѣстные обыватели сель совершенно отвыкли отъ труда и почти не занимаются земледѣліемъ. Ежегодно отправляется масса лицъ въ разныя мѣста Имперіи для сбора пожертвованій. Дѣлается это такъ: лица, получившія изъ консисторіи книги для сбора пожертвованій на церковь, подбираютъ себѣ компаньоновъ, которымъ выдаютъ отъ себя довѣренности на право сбора пожертвованій; довѣренности свидѣлствуются волостными правленіями, и такимъ образомъ по одной просительной книгѣ отправляются для сбора человекъ

пятнадцать, приобрѣтя себѣ книжки по образцу консисторской у любаго переплетчика. Часто сборъ пожертвованій производится по подложнымъ просительнымъ книгамъ, которыя составляются отъ имени Полтавской духовной консисторіи и поддѣлка ихъ настолько искусна, что книги совершенно свободно предъявляются въ присутственныхъ мѣстахъ, не возбуждая подозрѣнія. Нерѣдко промышленники этого рода, слывущіе въ народѣ подъ именемъ „Новодѣловъ“, рассказываютъ и проживаютъ по подложнымъ видамъ. Слѣдовало бы положить конецъ этому столь неблаговидному промыслу.

— Въ „Оренб. Еп. Вѣд.“ приводится слѣдующій рассказъ о наказаніи Божию за кощунство: „На томъ мѣстѣ въ Оренбургѣ, гдѣ нынѣ зданіе военной прогимназіи, прежде была школа военныхъ кантонистовъ, въ которой учителемъ былъ нѣкто П—въ, смѣявшійся надъ нашими постами, хотя онъ и считался православымъ. Однажды П—въ вмѣстѣ съ учениками сидѣлъ за обѣдомъ въ великій постъ и ѣлъ молоко; ученикамъ подавалось только постное кушанье. Обведши пальцемъ края кринки, П—въ вымазалъ молокомъ уста на изображеніи Казанской иконы Божіей Матери и сказалъ обѣдавшимъ: вотъ вы поститесь, а посмотрите, сама Божія Мать ѣстъ молоко.—Кто изъ присутствовавшихъ былъ помоложе, тѣ засмѣялись, а кто постарше—поскорбѣлъ“.

„Въ томъ-же году на лѣто кантонистовъ по обыкновенію переехали въ село Дѣдово; учитель былъ съ ними же. Съ своимъ душевнымъ другомъ Степановымъ П—въ часто ходилъ на ружейную охоту. Однажды возвратясь на квартиру, усталый П—въ прилегъ отдохнуть и тутъ-же вспомнилъ, что не осмотрѣлъ хорошенько свое ружье, а потому и сказалъ Степанову: посмотри мое ружье; не помню, разряжено оно или нѣтъ. Степановъ взялъ ружье; произошелъ внезапный выстрѣлъ, которымъ П—въ былъ убитъ наповаль. Это было 8 іюля въ день празднованія Казанской иконы Божіей Матери“...

„Какъ-бы кто ни думалъ, а за что Богъ наказалъ П—ва? За ириученіе дѣтей къ кощунству надъ святой иконой, предъ которой дѣти молились“.

— Въ екатеринославской духовной семинаріи началось преподаваніе медицины, первый урокъ которой посѣтилъ преосвященный Серапіонъ. Преподаваніе ведется по программѣ, утвержденной св. Синодомъ для кievской семинаріи. Въ общихъ чертахъ, положенія этой программы заключаются въ слѣдующемъ: общія понятія изъ анатоміи и физиологіи; топографическія расположенія органовъ, на-

ходящихся въ черепной, грудной и брюшной полостяхъ; гигиена и діэтика; общія причины происхожденія болѣзней въ зависимости отъ воздуха, пищи, питья, почвы, климата, жилища, отопленія, занятій и проч.; понятіе о паразитарныхъ и поварно-заразныхъ болѣзняхъ; сифились; случайныя причины заболѣванія; общія разстройства питанія; причины появленія скотскихъ падежей; общая симптоматологія; цѣлительныя силы природы; понятіе о лѣкарствахъ; значеніе профилактическихъ мѣръ; вентиляціи; дезинфекцірующія средства; понятіе о гомеопатіи; способы наружнаго и внутренняго лѣченія; уходъ за больными вообще и разными въ частности; транспортировка больныхъ и раненыхъ; подаеніе первоначальной помощи при внезапныхъ случаяхъ заболѣванія, понятіе о противоядіяхъ; уходъ за дѣтьми; основы школьной гигиены; общіе способы лѣченія; составъ домашнихъ аптечекъ. На первомъ урокѣ ученикамъ были указаны учебники по предмету медицины. Для наглядности обученія, будутъ приобрѣтены всѣ необходимыя пособія, какъ-то: скелеть, анатомическіе атласы и проч. Назначено для этого предмета по два урока въ V и VI классахъ и изученіе его сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ воспитанниковъ, за исключеніемъ тѣхъ, кои будутъ освобождены начальствомъ по особо-уважительнымъ причинамъ. О введеніи медицины въ кругъ учебныхъ предметовъ ходатайствовалъ епархіальный преосвященный Серапіонъ, „въ виду неблагоприятныхъ санитарныхъ условій въ екатеринославской епархіи, а также съ цѣлію поднять значеніе пастырскаго служенія въ противодѣйствіе штундизму и другимъ мѣстнымъ сектамъ“.

— По послѣднимъ свѣдѣніямъ св. Синода относительно численности духовенства видно что всѣхъ лицъ этого званія насчитывается 84,974 человекъ. Протоіереевъ — 1,418, священниковъ — 34,375, діаконовъ — 6,810 и псаломщиковъ — 42,371. Кромѣ того, за старостью и болѣзнью было оставлено за штатомъ: 86 протоіереевъ, 1,433 священника, 805 діаконовъ и 3,716 псаломщиковъ, всего 6,040 лицъ. Монашествующихъ въ то-же время насчитывалось всего 120,709 человекъ.

МАГАЗИНЪ
ПАРЧЕВЫХЪ И ЗОЛОТОШВЕЙНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

МОСКОВСКАГО ФАБРИКАНТА

П. Д. АЛЕКСАНДРОВА

въ Харьковѣ, на Университетской улицѣ,

близь пассажа и монастыря

имѣеть большой выборъ парчей, газета, галуна, крестовъ, бахромы, кистей, готовыхъ священническихъ облачений, подризниковъ, воздуховъ, плащаницъ, хоругвей, разныхъ пеленъ и пр. и пр. товаровъ.

Принимаются заказы на архіерейскія облаченія, митры, соборныя ризницы и шитье золотомъ

ПО ФАБРИЧНОЙ ЦѢНѢ.

Принимаются въ обмѣнъ на выжигу старья облаченія.

Магазины: въ Москвѣ на Ильинкѣ въ Гостиницкомъ дворѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ Нижегородская ярмарка, въ Харьковѣ на Университетской улицѣ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

ТРЕТЬЯ КНИГА

ТВОРЕНІЙ ИННОКЕНТІА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Цѣна 2 руб. сер.

Продается въ книжныхъ магазинахъ: Суворина, Глазунова, Ферапонтова и др. *Складъ изданія „ТВОРЕНІЙ ИННОКЕНТІА“* Страннопріимный въ Москвѣ домъ графа Шереметева, члѣнъ Сухаревой башни, въ квартирѣ Пвана Платоновича Барсукова. Тамъ же можно получить біографію „*Инокентія митрополита Московскаго и Коломенскаго по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ*“. Цѣна 5 руб. Книга эта одобрена Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Народнаго Просвѣщенія для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки учебныхъ заведеній и удостоена Императорскою Академіей Наукъ преміи.

Выписывающіе только изъ склада вышедшія три книги *Твореній Инокентія*, вмѣстѣ съ его біографіей, пользуются скидкой 25% и даровою пересылкой.

Приступлено къ печатанію четвертой книги „ТВОРЕНІЙ ИННОКЕНТІА“.

ВЪ МАГАЗИНЪ ДУХОВНЫХЪ КНИГЪ

И. И. ТУЗОВА.

СПБ. Бол. Садовая ул., д. № 16, прот. Гостиннаго двора.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

1) ПЕРВЫЕ ДНИ ХРИСТИАНСТВА.

Соч. Ф. В. Фаррара. Перев. съ послѣдняго англійскаго изданія А. П. Лопухина. Въ 2-хъ частяхъ, болѣе 1000 страницъ уборчистаго шрифта. Цѣна 4 р., съ пересылкою 4 р. 60 к., въ изящномъ переплетѣ 5 р., съ пересылк. 5 р. 60 к.

Предисловіе. Предлагаемъ русской публикѣ третій капитальный трудъ знаменитаго англійскаго богослова экзегета Фаррара, имя котораго уже достаточно извѣстно всѣмъ, болѣе или менѣе интересующимся вопросами о происхожденіи и распространеніи христіанства. Настоящій трудъ находится во внутренней связи съ прежними двумя сочиненіями того-же автора, именно съ его „Жизнью Ісуса Христа“ и „Жизнью и трудами св. апостола Павла“, уже переведенными на русскій языкъ и выдержавшими нѣсколько изданій, и потому появленіе его въ русскомъ переводѣ и изданіи не требуетъ никакихъ оправданій и понятно само собою. Онъ составляетъ продолженіе двухъ названныхъ сочиненій и, завершалъ собою историко-экзегетическое изложеніе новозавѣтныхъ книгъ, содержитъ именно толкованіе соборныхъ посланій апостоловъ Петра, Іуды, Іакова, Іоанна, посланія къ Евреямъ, не вошедшаго во второй трудъ, и Апокалипсиса, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ книгъ новозавѣтнаго канона, которыя оставались еще не изслѣдованными авторомъ. Такимъ образомъ имъ заканчивается историческое толковое изложеніе Новаго Завѣта, и русская публика съ появленіемъ его въ свѣтъ получаетъ возможность читать весь Новый Завѣтъ при свѣтѣ толкованія, стоящаго на высотѣ современнаго историко-экзегетическаго знанія.

2) ЖИЗНЬ ІСУСА ХРИСТА. Соч. Ф. В. Фаррара. Новый полный переводъ съ 30 англійскаго изданія, А. П. Лопухина. Роскошное изданіе. Съ приложеніями и примѣчаніями. Со множествомъ великолѣпно-исполненныхъ иллюстрацій и съ приложеніемъ раскрашенной карты Палестины. Спб. 1887 г. Цѣна 8 руб., съ пересылкою 9 руб., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золообрѣзомъ 10 р., съ пересылкою 11 р.

3) ЖИЗНЬ ІСУСА ХРИСТА. Соч. Ф. В. Фаррара. Новый переводъ съ 30-го англійскаго изданія А. П. Лопухина. 3-е общедоступное изданіе, (безъ иллюстрацій). 1887 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р., въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р.

4) ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА. Соч. Ф. В. Фаррара. Полный переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія, А. П. Лопухина. Роскошное изданіе, со множествомъ великолѣпно исполненныхъ иллюстрацій и съ приложеніемъ 4-хъ раскрашенныхъ картъ путешествій святаго апостола Павла. Большой томъ въ 4-ю долю листа. Спб. 1887 г. Цѣна 8 р., съ пересылкою 9 р., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золообрѣзомъ 10 руб., съ пересылкою 11 рублей.

5) ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА. Соч. Ф. В. Фаррара. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія, А. П. Лопухина. 2-е общедоступное изданіе, съ изображеніемъ статуй апостола Павла и картами въ текстѣ. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1887 г. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 4 р., съ пересылкою 4 р. 50 к.

6) СВЯТЫЙ ДИМИТРІЙ РОСТОВСКІЙ и его избранныя творенія, переведенныя на русскій языкъ Спб. 1888 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

7) РУКОВОДСТВО КЪ БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Соч. А. П. Лопухина. Спб. 1888 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Требованія и. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Редакція~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Братировъ.